

М.А.Барз

КРОМВЕЛЬ
И
ЕГО ВРЕМЯ

УЧПЕДГИЗ
1960

М. А. Б А Р Г

КРОМВЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА
С. Д. СКАЗКИНА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва ~ 1960

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга предназначена для преподавателей истории средней школы и посвящена событиям английской буржуазной революции XVII века, на фоне которых обрисована фигура вождя и полководца этой революции — Оливера Кромвеля.

В книге дана характеристика экономического положения страны и сложившихся в XVI—XVII столетиях общественных отношений; показаны социальные, политические и идеологические предпосылки назревающей революции.

В настоящем издании сохранена, в основном, вся прежняя канва повествования. Наиболее важные дополнения были сделаны в разделах, освещающих положение народных масс, их идеологию в канун революции и в ходе ее, а также борьбу за углубление демократического содержания буржуазной революции.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более трехсот лет тому назад в Англии — стране классического развития капиталистического способа производства — произошла буржуазная революция, открывшая собой период новой истории.

Всемирно-историческое значение английской революции XVII в. определяется не только тем, что она потрясла основания феодально-абсолютистские порядки в самой Англии и расчистила путь для бурного развития капитализма в этой стране, но и тем, что она нанесла ощутительный удар феодальной системе в целом.

Именно поэтому Маркс назвал эту революцию первой буржуазной революцией «...европейского масштаба»¹.

Английская революция, провозгласившая «...политический строй нового европейского общества», означала победу нового общественного строя над старым — капитализма над феодализмом, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, промышленности над героической ленью, разделения собственности над майоратом, буржуазного права над средневековыми привилегиями, просвещения над суеверием².

Идейное наследие этой революции было столь богато и многогранно, что из него в течение 200 лет черпали свое идеологическое оружие все враги феодального средневековья и королевской тираннии, начиная от Локка и кончая чартистами 40-х годов XIX в.

Однако этот действительно «замечательный период английской истории» (Энгельс) не только никогда не вызывал восторга у правителей современной Англии — наживал из рядов буржуазии и крупных землевладельцев, — но был и остается для них поныне лишь «великим мятежом», который они стараются всячески очернить и вычеркнуть из народной памяти.

Впрочем, английские буржуа давно уже возненавидели свою собственную революцию. Причин для этого у них более чем достаточно.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 6, стр. 115

² См. там же.

Эта революция ненавистна им прежде всего потому, что она была революцией народной, восстанием, победившим только благодаря решительному вмешательству широких масс крестьянства и плебейства городов.]

Буржуа «...были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы...»¹. Все свои наиболее блестящие достижения в Англии XVII в. буржуазия не сама для себя завоевала, а их для нее завоевали плебейские народные массы. Она с удовольствием «уступает» народу право подставлять свою грудь под пули врагов, присваивая плоды его победы.

И хотя эти массы вследствие своей политической незрелости были тогда лишь «ломовой силой» революции, которую они совершали в чуждых им интересах буржуазии, они тем не менее вынесли из нее ценные уроки подлинно революционной борьбы с врагами социального прогресса, той борьбы, традиции которой и поныне живы в английском народе.

[Но больше всего буржуа ненавидят революцию 40-х годов потому, что она благодаря своей рано обнаружившейся и неизбежной классовой ограниченности пробудила в народных низах Англии социалистическую идею, идею «нового мирового порядка».]

Именно потому, что «буржуазия уже с самого начала носила в себе своего будущего противника...», она уже на заре своей истории, в период ее борьбы против средневековья, оказалась перед лицом самостоятельного движения «...того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»².

В буржуазное требование «равенства» этот слой вкладывал такой смысл, который доводил его до крайних и неприемлемых для буржуазии пределов.— до требования имущественного равенства, т. е. уничтожения частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Естественно, что буржуазия, боровшаяся только за замену одного способа эксплуатации другим (феодалного буржуазным), увидела в этом движении смертельную для себя угрозу.

Провозглашенное в те дни передовыми представителями народных низов требование «равенства» содержало выраженную еще в туманной и примитивной форме идею социалистического переустройства общества и тем самым превратило революцию 40-х годов в «вечный кошмар» для эксплуататоров и в боевое знамя для трудящихся Англии, борющихся в наши дни за истинную народную демократию и социализм.

Этим в первую очередь определяется наш интерес к поистине драматическим событиям английской истории середины XVII в.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, стр. 81.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 18.

[В английской революции впервые с предельной отчетливостью раскрылись основные закономерности, присущие всем буржуазным революциям нового времени, и это дало Энгельсу возможность видеть в ней «прообраз» великой французской революции. В то же время английская революция отличалась от всех других революций рядом только ей свойственных особенностей.]

И основная из этих особенностей заключается в том, что английская буржуазия совершила свою революцию не в союзе с народом, как это имело место во Франции, а в «...союзе с новым дворянством»¹. Это обстоятельство с самого начала придало этой революции консервативную, антикрестьянскую направленность.]

«...загадка консервативного характера английской революции, — писал Маркс, — объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение»².

[Эта особенность английской революции в значительной мере обусловила ее незавершенный характер, выразившийся прежде всего в сохранении и укреплении системы лендлордизма.] Аграрное законодательство революции своим односторонним характером принесло в жертву лендлордам английское крестьянство, то самое йомени, которое являлось оплотом Кромвеля в его борьбе с отжившей монархией.

Именно этот союз буржуазии с новым дворянством объясняет, почему Англия 40-х годов XVII в. не пережила, несмотря на всю остроту аграрного вопроса, крестьянской, антипомещичьей войны, не знала таких взлетов стихийной народной борьбы, каким был, к примеру, во Франции 1789 года штурм Бастилии, почему Англия не видела ярко выраженной «муниципальной революции». Только союзом буржуазии с новым дворянством объясняется тот факт, что революция 40-х годов приняла форму регулярной, опекаемой классами — союзниками военной кампании. Все это не могло не отразиться на том «минимуме демократизма» (Ленин), с которым Англия вступила в свою новую историю.

[Эта гениально схваченная Марксом своеобразная расстановка классовых сил, присущая английской революции XVII в., как нельзя лучше объясняет и то знаменательное обстоятельство, что помещик средней руки, сельский сквайр Оливер Кромвель стал вождем этой революции, оказался наиболее ярким воплощением ее сильных и слабых сторон, ее, если можно так выра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 6, стр. 114. (Курсив автора.— М. Б.)

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 222

зиться, политическим фокусом, в котором преломлялись многие противоречивые тенденции революции.]

Английское дворянство, проникшееся буржуазными интересами, придало благодаря своей активной роли событиям 40-х годов все их историческое своеобразие и неповторимый колорит, т. е. те черты, которые во многом предопределили как характер, так и конечный результат этих событий. К сожалению, политическая линия и роль нового дворянства до сих пор еще не получила должной оценки в нашей научной, а тем более в научно-популярной литературе. Но если предпринять подобную попытку, то для разрешения этой задачи в популярной форме нет более благодарной фигуры среди деятелей революции, чем Оливер Кромвель, по мнению Энгельса, сочетавший в одном лице и роль «Робеспьера и роль Наполеона английской революции».

Построивший свое благополучие на грабеже монастырских земель, род Кромвелей являлся характерным примером того нового дворянства, землевладение которого находилось ~~не в противоречии~~, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии, так как оно представляло собой «...не феодальную, а буржуазную собственность»¹, чем и объяснялась общность интересов и союз этих двух классов.

[Вот почему Оливер Кромвель — решительный враг королевской тирании, сковывавшей по рукам и ногам дальнейшее развитие английской буржуазии, — не остановился перед тем, чтобы железной метлой революционного террора расчистить путь этому развитию.]

«Вспомните историю Англии XVII века, — указывал И. В. Сталин. — Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?» Он, как через 150 лет Робеспьер, «...прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!»².

[Но для того чтобы до конца уяснить себе роль Кромвеля в наиболее бурные десятилетия английского XVII в., следует помнить еще об одной немаловажной особенности английской буржуазной революции — о ее «религиозном костюме».

Будучи одной из наиболее ранних буржуазных революций, английская революция 40-х годов унаследовала от средневековья ту идеологическую форму, которую в те времена принимали все массовые социальные движения.]

Дело в том, что в средние века «чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 222.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 608.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 675.

[Английская революция была последней революцией, драпировавшей свои классовые цели борьбой религиозных доктрин.] Поднятое ею знамя пуританизма как нельзя лучше объединило новое дворянство и буржуазию в один лагерь.

[Появившиеся в период реформации новые крупные землевладельцы испытывали страх перед восстановлением в Англии католицизма, торжество которого привело бы к неизбежному возврату церкви всех отнятых у нее земель. Этот страх, естественно, порождал у нового дворянства ненависть к католицизму. Такую же ненависть к нему питала и буржуазия.]

Вот почему Кромвель — горячий приверженец Кальвина, создателя вероучения «наиболее смелой части буржуазии». Вот откуда у этого сквайра ненависть к государственной англиканской церкви, близкой и сходной с католической, церкви, объединившей все силы феодальной Англии.]

Но именно потому, что Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции «...языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»¹, и совершили в библейском облачении дело своего времени — освобождение общества от оков средневековья, мы не можем пройти мимо религиозной стороны революции. Но и в этом отношении Кромвель — весьма колоритная ее фигура.

Наконец, если мы желаем уяснить, в чем заключалась половинчатость английской революции, и в связи с этим представить себе буржуазно-ограниченное содержание борьбы «классов-союзников», если мы желаем воочию увидеть, когда и почему в ходе революции буржуазия начинает «пятиться назад» и склоняется к компромиссу с силами старого режима, то едва ли мы найдем что-либо более наглядное и типичное в истории революции, чем политическая деятельность Оливера Кромвеля.

[Крупнейший полководец своего времени, смело революционизировавший военное дело и не знавший благодаря этому поражений на поле боя; революционер, обладавший «мужеством беззакония»; «главный мятежник» и «цареубийца», имя которого заставляло трепетать всех врагов революции; «религиозный фанатик», боровшийся за свободу совести и веротерпимость — все это в лице Оливера Кромвеля сочеталось с беспощадным порабощением ирландского народа, с чисто дворянским преклонением перед принципом сословности, с ролью блюстителя «порядка» и почитателя «исторических», т. е. унаследованных властей, а главное — с действиями трусливого филистера, дрожащего за целостность и неприкосновенность «священной частной собственности», стражем которой он оставался до последних дней своих.]

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 213 (изд. 1955 г.).

ВВЕДЕНИЕ

Старая Англия уходит в прошлое

В конце марта 1603 г. Англия была оповещена о смерти королевы Елизаветы и восшествии на престол шотландского короля, сына казнённой Марии Стюарт, Якова I.

...Весна в этот год была ранняя, и в Англии стоял на диво солнечный апрель. По разбитой и местами все еще не просохшей дороге растянулся длинный королевский обоз. Здесь были тяжёлые, с богатыми резными украшениями кареты, с трудом влёкомые шестеркой лошадей, доверху груженные кладью и всякой живностью подводы и навьюченные лошади. Шагавшие по сторонам алебардщики то и дело должны были поддерживать слишком накренившуюся набок карету или вытаскивать застрявшую в грязи повозку. Ехавшие на упитанных и богато украшенных лошадях нарядные придворные, рыцари и слуги открывали и замыкали этот необыкновенный обоз.

Во всех селениях, лежавших на пути следования короля, к моменту его приезда на улицах собирались все от мала до велика. Всем хотелось хотя бы одним глазом взглянуть на нового короля, которому вручена судьба страны.

В весеннем воздухе носился торжественный перезвон колоколов, раздавались звуки музыки, слышались выстрелы из мушкетов. В пурпурных мантиях навстречу государю выходили мэры городов и деревенские сквайры, облекшиеся ради торжественного случая в старинные рыцарские доспехи. Сияли на солнце кресты и ризы духовенства. Короля разглядывали с любопытством. Его внешность не могла не вызвать разочарования, она была совсем не «царственной»: большая голова, узкие плечи, кривые ноги. Висевшая на боку шпага совсем не гармонировала с этой невоинственной фигурой.

Показная радость встречи не могла, однако, скрыть тревоги, застывшей в глазах у многих: что готовит стране этот король-чужеземец, почти не знающий Англии и англичан?..

* * *

В эти дни в Хинчинбруке — роскошном замке-дворце Оливера Кромвеля — было особенно оживленно: по всему графству

разнесся слух, что на своем пути из Шотландии в Лондон король окажет старому Оливеру большую честь — он будет его го-
stem.

Окруженный густой зеленью векового парка, гордо высившийся на холме дворец уже издали привлекал к себе внимание путников необыкновенной стройностью и легкостью своих линий, ажурностью многочисленных миниатюрных башен, словно каменное кружево обрамлявших его со всех сторон. Король не ошибся в своем выборе!

Нет, ошибались те, кто считал, что миновала уже былая слава рода Кромвелей, что Хинчинбрук — только ее угасающий луч; заблуждались те, кто, наблюдая великосветские замашки старого Оливера, предрекал ему нищенскую суму. Теперь, наконец, ему представлялся счастливый случай доказать всем завистникам и клеветникам, что старый Кромвель сумеет поддержать славу своего рода. Пусть весь мир снова увидит убранство его дворца, богатство его кладовых и амбаров, прелесть его парков и прудов. Пусть льется рекой пиво и вино, никому ни в чем не должно быть отказа, в замке гостеприимного хозяина никто не должен скучать. Пусть раздадутся по всей округе задорные призывные звуки охотничьих рожков — в конюшне немало чистокровных скакунов, далеко за пределами графства славятся стаи его охотничьих собак. Празднество будет достойно коронованного гостя. Во всем можно положиться на бывалого Кромвеля. — Так рассуждал Оливер, обходя многочисленные и просторные залы своего дворца.

Все обитатели Хинчинбрука уже давно поставлены на ноги. Одни обновляют фамильный герб, прикрепленный над монументальным порталом центрального входа; другие (в который уже раз!) проверяют геометрически правильные линии газонов и парковых аллей, третьи до блеска начищают покрытые бронзой ворота дворца и ведущие к ним каменные плиты мостовой.

Дворецкие и лакеи, стольники и виночерпии, повара и ключники, ловчие и конюхи — вся эта бесчисленная рать слуг и челяди счастливого обладателя Хинчинбрука долгие дни трудится, хлопочет, сует, стараясь угодить взыскательному господину в ожидании щедрой подачки с барского стола. Ежедневно из ворот замка в различные стороны мчатся верховые с приглашениями на торжество. Все «лучшие люди» графства, цвет его дворянства, должны быть его свидетелями и участниками.

И вот долгожданный день настал.

Из ближайшего селения на взмыленном коне примчался дежуривший там вестовой: «Едет король!» Оливер и его многочисленные гости выходят ему навстречу: мужчины в разноцветных дублетах из дорогого дамаскина, в шелковых чулках и туфлях. У каждого на голове увенчанная пестрым пером широкополая шляпа, из-под которой на плечи ниспадают длинные старательно завитые волосы; у многих на боку висят шпаги. Дамы — в длин-

ных и широких бархатных и атласных платьях, богато украшенных кружевами и ожерельями из драгоценных камней и жемчуга. Драгоценностей на них так много, что у наиболее богатых даже пряжки парчевых туфель — и те из золота, усеянного рубинами.

Заиграли фанфары. К дворцу в сопровождении многочисленной и блестящей свиты приближается король. Все преклоняют колени. Но вот живописная церемония встречи окончена и гости направляются во дворец. Как изваяния, застыли сверкающие золотой парчой ливрейные лакеи. Мягко ступая по бесконечным коврам парадных лестниц, именитые гости Хинчинбрука входят в его залитые ярким светом люстр залы. По доброму старому обычаю хозяин знакомит гостей с достопримечательностями своего замка. А старому Оливеру есть чем блеснуть! Вот в этом зале, устланном коврами, находится своего рода фамильный музей. Стены его густо увешаны портретами предков, старинными рыцарскими доспехами, многочисленными мечами. Вон там доспехи его деда — Ричарда Кромвеля, оказавшегося победителем в знаменитом турнире в честь бракосочетания короля Генриха VIII с немецкой принцессой. Рядом красуются доспехи его отца, которого посвятили в рыцари сама королева Елизавета. Странно, в то время как разъяснения Оливера у одних вызывают восхищение и зависть, другие плохо скрывают презрительную улыбку: «Не слишком древний твой род, — думают последние, — если память твоя не идет дальше деда».

В другом зале в грузных шкафах расставлены различные редкие заморские вещи. Здесь хрусталь Венеции, фарфор, вывезенный из Китая, бронзовые статуэтки Испании, жемчуг далекой Индии, поделки из слоновой кости, доставленные из Африки. Наконец, осмотр закончен и гости оказываются в огромной гостиной. Пол ее выложен черными и белыми мраморными плитами, стены и свод расписаны золотом и лазурью. Окна и двери увешаны атласными шторами, на стенах — дорогие картины в тяжелых позолоченных рамах. Рядами расставленные длинные столы ломятся от обилия яств и напитков. Медленно и чинно, соответственно своей родовитости и богатству рассаживаются за столами многочисленные гости. Где-то наверху, на галерее, весело заиграла музыка, и пир начался. Шумно пенится заморское вино в золотых и хрустальных кубках. Гости пьют и едят много, переходя от блюда к блюду, от напитка к напитку.

За одним из столов среди гостей незаметно примостились со своими чадами младшие братья Оливера. Здесь Генрих Кромвель, только что вернувшийся из Вест-Индии, служитель Виргинской компании, наживший за морем значительный капитал и удостоенный поэтому избрания в члены парламента. Рядом с ним сидит Роберт Кромвель, мелкий джентльмен Гентингдона, дополняющий свою скромную земельную ренту доходами от пивоварения.

Братья хозяина пьют и едят мало. Они предпочитают заморскому вину кружку родного пива. Они недолюбливают живущего не по средствам Оливера. В них закипает злость, когда они видят, как их расточительный брат пускает по ветру не им нажитое богатство. Если бы не исключительный случай, они никогда не приняли бы его приглашения. Каждый из них окидывает взором уже захмелевших гостей, поглощающих горы снеди и содержимое бочек, и думает: «Какое богатство будет поглощено сегодня бездонными желудками отовсюду понаехавших гостей? Если бы на затраченные на сегодняшний пир деньги прикупить землю или приобрести билеты заморской компании,—какие барыши можно было бы извлечь...» «Чтобы пустить пыль в глаза всем родовитым бездельникам графства, наш братец Оливер несомненно сделал новые долги». «Придет время и сэр Оливер постучится в мою дверь, или к ростовщику... но он не получит ни одного шиллинга, пока не подпишет закладную на свой дворец».

Старый же Оливер презирает своих братьев, этих скряг, упорно накапливающих пенс за пенсом. Он не терпит возражений и не хочет считаться ни с чем, когда дело идет о родовой чести.

Пир в замке длится до глубокой ночи. Старый барин не забыл и тех челядинцев и простолюдинов, которые лишь издали могли завистливо наблюдать залитый праздничными огнями дворец. Для них угощение устроено на просторной площади перед дворцом. Здесь расставлены бочки пива, разложены жаренные туши быков. При свете факелов целую ночь толпятся люди в ожидании кружки пива или куска мяса,—это слуги и нищие, собравшиеся со всей округи.

Три дня и три ночи длится празднество в Хинчинбруке. Вчера на лугу был устроен турнир, на котором закованные в железные доспехи рыцари, восседавшие на убранных дорогими попонами конях, демонстрировали перед его величеством свою силу и ловкость.

Сегодня все отправились на охоту за оленями, которых хозяин специально берег для такого достославного случая. Но третий день был для Оливера Кромвеля самым счастливым: довольный пышным приемом король посвятил его в рыцари, опоясав мечом. Да, старый Оливер Кромвель достойно поддержит славу предков. На прощание он одаряет своего высочайшего гостя чистокровными арабскими скакунами, лучшей стаей своих гончих и тончайшей работы золотым сервизом.

Торжество закончилось, разъехались по домам гости.

И снова жизнь помещичьих усадеб, городков и деревень потекла свсим прежним руслом, кропотливая и неугомонная. Но так казалось только с первого взгляда, в действительности же это русло было совершенно новым, неизведанным, ведущим от старой Англии к Англии новой.

«Старая веселая Англия» к концу XV в. уходила безвозвратно в прошлое. Но прежде чем навсегда с ней проститься, бросим на нее последний взгляд.

Страна густонаселенных деревень, многочисленных и мало чем от них отличавшихся торговых местечек и немногих прибрежных городов — такой выглядела Англия к концу средних веков.

Это была типичная страна земледельцев — в недалеком прошлом крепостных людей, принадлежавших знатным и незнатным лордам. Однако к этому времени крепостное право в Англии почти полностью исчезло. Абсолютное большинство ее крестьян было уже лично свободными людьми. Свою свободу у лордов выкупали «последние вилланы». К концу XVI столетия англичанин Гаррисон в своем описании Англии отмечал, что она не знает «позорного клейма рабства». Правда, лорды все еще продолжали считать себя сеньорами земли, однако в их личном пользовании находилась лишь часть (и притом меньшая) деревенской пахоты. Остальная часть была разделена между крестьянами — фригольдерами и копигольдерами. За пользование землей и те и другие должны были платить лорду оброки: фригольдеры — незначительные, копигольдеры — более тяжелые, но отныне основные повинности земледельцев выражались не в барщине, а в денежном платеже. Кроме того, копигольдеры в отличие от фригольдеров были в подавляющем большинстве лишь пожизненными держателями своих наделов. Они не могли ни передать свою землю в наследство детям, ни продать, ни обменять на другую, предварительно не испросив разрешения лорда. Подобное разрешение, разумеется, покупалось дополнительным платежом. Таким образом, для копигольдеров земля все еще оставалась крепостной. Однако размеры большинства платежей были уже освящены традицией, закреплены вековым, раз навсегда установленным обычаем. Поэтому, когда произошла «революция цен» и деньги подешевели, эти платежи оказались и для копигольдеров не столь значительными. Они так же, как и фригольдеры, стали рассматривать свой надел, как «отчину», как свою неотъемлемую собственность, вопреки всему, что думали на этот счет их лорды.

Наделы всех жителей деревни, в том числе и ее господина — лорда, лежали вперемежку, разбросанные узкими полосками в открытых полях. После осенней уборки и до следующего сева границы наделов как бы исчезали, и деревенское стадо свободно бродило на просторе, по жнивью, которое в эту пору становилось достоянием общины. В распоряжении всей деревни, помимо этого, имелись и нераздельные общинные угодья: выгоны и пастбища, где каждый деревенский житель мог пасти свой скот; пустоши, где можно было накопать глины и песку; лес, откуда кре-

стояне доставали топливо и дерево для построек. Всем распорядком деревенской жизни издревле ведал деревенский сход, ежегодно определявший, что и где будут сеять, где и когда будет пастись скот, где будут проходить дороги и прогоны, а также решавший много других важных для земледельца дел.

Жизнь большинства крестьян была далеко не сладкой, но они кое-как сводили концы с концами, а более богатые из них могли даже дать образование сыну и, кроме того, отложить несколько фунтов стерлингов на «черный день». Деревенскую бедноту составляли малоземельные и вовсе безземельные люди, ютившиеся в собственных избушках-коттеджах и обладавшие правом пасти на общинном выгоне корову или несколько овец. Они находили себе подспорье, нанимаясь к более зажиточным соседям и имея заработки на стороне.

Эти деревенские бедняки редко видели на обеденном столе мясо, довольствовались овсяной похлебкой, но не просили милостыни у чужого порога; носили грубую домотканную одежду, но не ходили в лохмотьях. И хотя в их избах было убого, неудобно и тесно, они имели свой собственный угол, свой домашний очаг.

По вечерам, а в зимнее время — целыми днями во многих избах жужжали веретена, стучали ткацкие станки. Крестьянские семьи старались обработкой шерсти заработать несколько лишних пенсов. В ярмарочные дни вместе с маслом и сыром, бобами и мукой на рынок везли пряжу и деревенское сукно. Таков был «золотой век» английской деревни.

Многочисленные городки и рыночные местечки, разбросанные в графствах, были в то время полны ремесленников, работавших в своих мастерских с немногими учениками и подмастерьями. Ремесленники определенной профессии были объединены в корпорации — цехи, наблюдавшие за качеством производимых изделий, устанавливавшие распорядки в каждой мастерской и помогавшие своим членам в случае болезни или других несчастий. Каждый ремесленник, как правило, сам приобретал свое сырье и по базарным дням сам продавал свои изделия. Подмастерья и ученики часто жили под одной кровлей со своими мастерами, вместе с ними ели за одним столом и в общем мало отличались от членов их семей.

Кроме ремесленников, в этих городках было немало мелких торговцев, нередко здесь встречались и крупные купцы, ведшие торговлю с Лондоном, а иной раз и с далекими заморскими странами.

Все эти городки были окружены обширными пастбищами и лугами, а нередко — расходящимися во все стороны полосами пахотной земли. Многие ремесленники засевали акр — другой зерном, и каждый из них старательно возделывал огород, имел коров, овец и свиней. Трудно было в то время трудящемуся человеку окончательно порвать связь с земледелием. Страх перед

часто повторявшимся голодом и высокими ценами на продовольствие побуждал горожанина оставаться огородником и пахарем.

Разбросанные по стране деревни и местечки из-за бездорожья были почти оторваны от больших городов, а в распутицу — отрезаны от всего мира. Люди жили здесь узкими интересами своего селения, а интересы эти часто не простирались дальше деревенской околицы, пустоши и леса.

* * *

В 1485 г. английская корона оказалась в руках династии Тюдоров. После долгих лет кровавых усобиц, раздиравших страну во время так называемой «войны Роз», наступил наконец долгожданный мир. Круто и жестоко расправлялись Тюдоры с непокорными лордами, не желавшими мириться с мыслью о том, что времена феодальной вольницы для них навсегда миновали. Интересы страны, интересы молодой английской буржуазии властно требовали роспуска многочисленных разбойничьих дружин. То были отряды вассалов и слуг, носивших ливреи с фамильными гербами своих господ, банды высокомерных тунеядцев и отчаянных головорезов, готовых вооруженной рукой добыть деньги для разгульной и вольготной жизни и своими дикими расправами наводивших ужас на население окрестных городов и деревень. Непокорявшихся лордов, несмотря на их знатность, бросали в тюрьмы и отправляли на плаху, а владения их конфисковывались в пользу короны. Старая феодальная знать, кичившаяся древностью своих родов, восходивших нередко к баронам — соратникам Вильгельма Завоевателя, была почти полностью истреблена в усобицах XV в. Вместо нее Тюдоры создавали новую знать из числа своих приверженцев. В большинстве случаев это были выходцы из мелких дворян (иногда даже из «низких купцов»), неродовитые выскочки, лишь волею короля возведенные в высокое звание, одаренные землями и потому смотревшие на него глазами преданных слуг, но отнюдь не соперников.

Не о бранной славе мечтали дворяне Тюдоровской Англии, а о богатстве. Они засели по своим деревенским поместьям не гостями, как в прежние времена, — а расчетливыми хозяевами. Поместив военные доспехи среди прочих фамильных реликвий на стены старинных палат, они ревностно принимались за поместные счетные книги, стремясь упорядочить хозяйство и увеличить свои доходы. Новые лорды вспоминали и взыскивали платежи, которые не взимались в течение нескольких поколений. Они воскрешали давно забытые права на труд земледельца, стараясь, как истые скопидомы, все превратить в пенсы и шиллинги. Ничем не гнушаясь, ничем не пренебрегая, эти «новые дворяне», по выражению современников, стали чумой для крестьян. Они спешили прибрать к рукам то, над чем еще сохраняли свою власть, — землю. Поэтому в особо тяжелом положении оказа-

лись копигольдеры, чьи права на землю были защищены только старинными обычаями, которые эти господа перестали признавать и нарушали на каждом шагу. Старая рента копигольдеров казалась им чрезмерно низкой, и они всеми способами старались ее повысить. Плата при передаче участков наследникам нередко оказывалась столь высокой, что проще было покупать чужую землю. Отныне за малейшие проступки копигольдеры нещадно штрафовались на заседаниях поместного суда, где председательствовал лорд или его стюард. Нарушая весь строй общинного земледелия, лорд запрещал им пасти скот на своей земле и старался собрать эту землю в одно поле, которое огораживалось рвом, либо живой изгородью. Деревенскую пустошь и выгоны он объявлял своей собственностью и за пользование ими стал требовать особую плату с тем, чтобы выгонять туда побольше своего собственного скота. Он перекапывал дороги, чтобы закрыть копигольдеру доступ к своему наделу, преграждал доступ к водопою, запрещал увозить зерно на чужую мельницу, ловить рыбу в пруду, охотиться даже на крестьянской земле.

Так был грубо нарушен вековой уклад деревенской жизни, так начались для английской деревни новые времена, которые недаром названы «аграрным переворотом».

«Лендлорды,— сообщает очевидец событий Гаррисон,— ежедневно напрягают свой ум к изобретению новых способов угнетения копигольдеров, удваивая и утраивая свои ренты, нередко увеличивая их в семь раз против прежнего, наконец, лишая их наделов под самыми ничтожными предложениями».

Люди, ставшие жертвой этих злоупотреблений и насилий нигде не могли найти защиты. Ее напрасно и не у кого было искать. Королевские суды, начавшие только теперь, после многовекового отказа, разбирать жалобы копигольдеров, почти всегда становились на сторону их лордов. В этом не было ничего удивительного: судьями в этих судах были те же дворяне.

Так началась в Англии «аграрная революция» — процесс насильственного обезземеления и разрушения крестьянской общины, вызванный вторжением в деревню новых, капиталистических отношений.

«... Нигде на свете,— писал по этому поводу Маркс,— капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с *традиционными земледельческими порядками*... Англия в этом отношении — самая революционная страна в мире. Все исторически унаследованные распоряжки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены...»¹.

Два обстоятельства придали особенно опустошительный ха-

¹ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, ч. II, Госполитиздат, 1957. стр. 230.

актер начавшемуся в Англии аграрному перевороту: увеличившийся спрос на шерсть и захват конфискованных монастырских земель светскими владельцами. Рассмотрим каждое из этих явлений в отдельности.

Овцеводство было издавна развито в Англии. Английская шерсть высоко ценилась на европейских рынках. Уже в XIII и в еще большей мере в XIV в. Англия была основным поставщиком шерсти для фландрской и флорентинской суконной промышленности. Преобладающая масса денег, обращавшихся тогда в этой стране, притекала сюда в качестве выручки за проданную шерсть. Шерсть была истинным «золотым руном» Англии.

Но уже в то время развитие овцеводства, обогащавшее землевладельцев Англии, принесло английским крестьянам невзгоды и тяжкие бедствия.

Еще в XIII столетии крупные землевладельцы стали производить так называемые «огораживания», расширяя свои пастбища для выпаса овец. Уже тогда начались первые посягательства на общинные земли, на выгоны и выпасы, принадлежавшие деревенским общинам.

В XIV и XV вв. Англия продолжала сохранять роль поставщика шерсти, служившей драгоценным сырьем для иноземной, главным образом фландрской, промышленности.

Бурный рост суконной промышленности, наблюдавшийся в конце XV и в начале XVI в. как в самой Англии, так и в странах континента, вызвал не менее бурное повышение цен на шерсть. Разведение овец стало занятием на много более выгодным, чем земледелие, тем более что овцеводство требовало гораздо меньших затрат, чем зерновое хозяйство. Недаром в Англии сложилась поговорка: «копыто овцы превращает песок в золото».

Титулованные дворяне и сельские джентльмены, монастыри и колледжи стали овцеводами. Но овцеводство требует гораздо больше земли, чем пахотное хозяйство. Господам стало тесно в своих доменах. Принадлежавшие им тысячные стада овец требовали земли и земли. Поэтому лорды стали захватывать общинные выгоны, луга и пустоши и огораживать их. Когда же и этого оказалось недостаточно, из деревни стали насильно изгонять крестьян. Десятками разрушали дома, сносили с лица земли целые деревни, а деревенскую пахотную землю отводили под овечьи пастбища. Но даже и там, где пахотные наделы оставались у крестьян, результаты были в конечном счете те же.

Крестьяне, у которых вместе с выпасами и лугами была отнята возможность содержать рабочий скот, утрачивали и возможность обрабатывать свою землю: «Без скота нет и ржи!» — говорили в народе. Полное разорение стало уделом тех безземельных бедняков-коттеров, для которых использование общинных угодий являлось основным источником их существования в деревне.

В течение немногих лет с лица земли исчезли десятки деревень, в недавнем прошлом многолюдных. Скорбной повестью

звучит надпись, нередко встречающаяся на картах того времени: «Здесь была деревня».

«Ваши овцы,— писал, обращаясь к огораживателям-дворянам очевидец этих бедствий знаменитый Томас Мор,— обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей и опустошают целые поля, дома и города».

«Лучше бы этих овец съели лисицы,— прибавляет другой современник,— ибо от них погибают целые города и селения; погибнет и все государство».

Вторым ударом по традиционным порядкам английской деревни явилась конфискация монастырской земли. В 40-х годах XVI в. в связи с реформацией английской церкви, о которой речь будет ниже, по приказу короля Генриха VIII были закрыты все английские монастыри. Принадлежавшие им огромные земли, составлявшие по некоторым подсчетам $\frac{1}{6}$ всех земель страны, в то время находившихся под обработкой, были конфискованы в пользу короны. Однако не долго удержались эти земли в руках короля. Трон обступала жадная толпа придворных и дворян, которые поддерживали короля в его реформационной политике только в ожидании богатых даров из фонда конфискованных монастырских владений.

В свою очередь король охотно шел навстречу вожделям алчных дворян и чиновников, стремясь щедрой раздачей конфискованных земель купить преданность благодетельствованных им новых собственников и, сплотив их вокруг престола, укрепить державную власть Тюдоров.

Итак, монастырские земли, вместо того чтобы обогатить казну, быстро расхищались жаждавшим богатства английским дворянством.

Щедрые пожалования получили королевские чиновники, проводившие реформацию и разрушавшие монастыри, королевские фавориты и фаворитки, их многочисленные провинциальные родственники. Много могущественных дворянских фамилий Тюдоровской и Стюартовской Англии именно в это время появились из мрака неизвестности и построили все свое дальнейшее благополучие на захвате владений английских монастырей. Однако, может быть, наиболее важным следствием этого перемещения бывших монастырских земель из рук в руки было широкое, массовое вторжение в английское землевладение городских буржуа. За счет монастырей наживались денежные люди, банкиры и купцы Лондона, разбогатевшие предприниматели и юристы. Дело в том, что, нуждаясь в деньгах, король вскоре пустил в распродажу весь сохранившийся в его руках остаток монастырских земель. Распродажа велась такими большими участками, что покупать могли только толстосумы, которые с легкой руки Генриха VIII обзавелись поместьями. Примеру коронованного грабителя вскоре последовали многие из благодетельствованных им при-

дворных и именитых слуг. Так возник неизвестный прежде тип землевладельца-джентльмена — коммерсанта.

Но монастырские земли не были безлюдными. Как и земли всех средневековых лордов, они были заняты крестьянскими селами. Однако сменившие монастырских аббатов новые владельцы деревень не желали считаться со старинными порядками; они не признавали никаких прав крестьян на их наделы, им нужна была прибыль, которая могла бы с лихвою возместить затраты, сделанные при покупке земли. Этому мешали мелкие держатели-крестьяне с их низкими твердо фиксированными платежами, и они были принесены в жертву ничем не утолимой жажде наживы. Многие тысячи крестьянских семейств, изгнанные со своих насиженных мест новыми владельцами монастырских земель, пополнили толпы бродяг и нищих, которые теперь скитались по дорогам некогда «веселой Англии».

Так положено было начало тому процессу обезземеления английского крестьянства, который через два столетия — к середине XVIII в. — привел к полному исчезновению в этой стране крестьянства как класса. Мы говорим о начале этого процесса, но какие неисчислимы бедствия он уже принес английской деревне!

В целых районах пахота уступила место пастбищам; ранее открытые поля оказались недоступными для деревенских жителей, оказавшихся «посторонними» лицами. Поля были огорожены. Место прежних мелких земледельцев теперь все чаще занимал крупный арендатор; он был гораздо выгоднее лорду, чем мелкие крестьяне. Ренту такого арендатора можно было повышать в соответствии с рыночными ценами, ему можно было по истечении договорного срока отказать в аренде и сдать землю другому; он единовременно вносил лорду значительные суммы денег. Крупный арендатор стал наряду с дворянином-огораживателем зловещей фигурой в английской деревне.

Жалобы на огораживателей раздаются на протяжении всего XVI в., они переходят по наследству и к XVII в. Огораживатель — «ненасытная и жестокая язва отечества», он «уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, выбрасывает держателей». Происходит настоящее «переселение несчастных: мужчин, женщин, стариков и малых детей» — жалуются современники.

Бедствия приняли столь большие размеры, что Тюдоры, начиная с основателя династии Генриха VII и кончая ее последней представительницей Елизаветой, уstraшенные грозными последствиями массового разорения крестьян, были вынуждены производить расследования о «причинах упадка земледелия» и время от времени издавать пространные указы, запрещающие сносить крестьянские дома и превращать пахотные поля в пастбища. Лордам предписывалось восстанавливать ранее снесенные дворы и т. д.

Однако все эти меры оставались безрезультатными. Короли думали о судьбе изгнанных крестьян гораздо меньше, чем об исправном притоке в казну налоговых поступлений и о способности Англии обороняться в случае нападения. Ведь английские крестьяне — йомены — были основой военной мощи страны. «До тех пор, — читаем мы в одном памятнике, — пока лорды и джентльмены, обычно заседающие в палате общин, являются главными и почти единственными зачинщиками огораживаний, ложно именующихся «улучшениями» земли..., было бы напрасно надеяться, что какой-нибудь закон, затрудняющий извлечение выгод сильными мира сего, будет в действительности проведен в жизнь».

Зато с большим рвением осуществлялись кровавые статуты Тюдоров, направляемые против крестьян, изгнанных из своих дворов. Этим жертвам огораживаний суждено было стать предшественниками современного английского промышленного пролетариата. Будучи лишенными собственных средств к существованию, они отныне могли жить только как рабочие, т. е. продажей своего труда. Но работу по найму в Англии XVI в. было нелегко найти. Городская промышленность в основном еще оставалась ремесленной, а в деревне «пастух и его собака» теперь находились там, где раньше жило и трудилось несколько десятков крестьянских семей.

Выброшенные из деревни люди, не находя нигде ни работы, ни приюта, бродили по дорогам и проселкам Англии, выпрашивая милостыню, и сотнями и тысячами погибали от голода, холода и болезней.

Господствующие классы Англии видели в растущих день ото дня толпах нищих и бродяг угрозу для своей жизни и собственности. Знатные лорды не решались отправляться в путь без сильной вооруженной охраны.

Английская феодальная монархия объявила настоящую войну обездоленным массам, которых дворяне лишили крова и средств к существованию. «Законы против бродяг», издававшиеся и переиздававшиеся при Тюдорах, запрещали нищенствовать «здоровым бродягам», их приказывали ловить и отправлять в приходы, где они родились, без права покидать их. При повторной поимке виновных заключали в тюрьму, били плетью до тех пор, «пока спина покроется кровью», им отрезали уши и клеймили каленым железом; их гноили в работных домах и исправительных тюрьмах, а с конца XVI в. их начали отправлять в качестве «белых невольников» в заокеанские колонии Англии. Даже за мелкие кражи этих отчаявшихся людей вешали сотнями. Только при Генрихе VIII было повешено 7200 человек.

Пуританский моралист XVI в. Стэббс спрашивал: «Разве тот, кто навсегда лишает человека доброго имени, кто забирает у него кров... кто вырывает у человека его добро, его землю и постройки..., не является большим вором, чем тот, кто крадет овцу.

корову или быка только из необходимости, не имея другого способа облегчить свою нужду?»

Но кровавое законодательство имело и другой смысл: безвозмездный труд людей, насильственно согнанных в душные каморки работных домов, стал приносить неслыханную наживу молодой капиталистической мануфактуре.

Огненными словами заклеил Маркс английское «кровавое законодательство». «Отцы теперешнего рабочего класса,— писал он в «Капитале»,— были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов»¹; «Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетью, клеймами, пытками»².

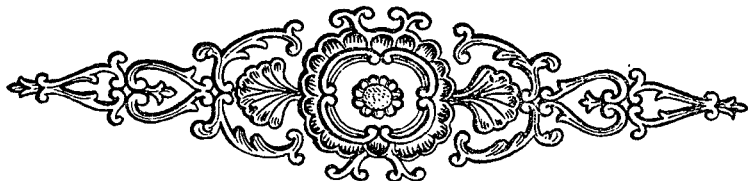
Заморские авантюры и огораживания общинных земель, колониальная торговля и покровительство «отечественной» промышленности, накопление богатств в руках одних и насильственное ограбление и обнищание массы других, золото и кровь — таковы первые строки летописи капитализма, написанной «пламенеющим языком меча и огня» (Маркс).

Так, сквозь муки крушения старого уклада общественной жизни двигалась вперед история, рождалось новое, буржуазное общество, несшее однако трудящимся не облегчение, а новые несказанные гнет и страдания.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVII, стр. 803.

² Там же, стр. 806.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Экономические предпосылки революции 40-х годов

Первые десятилетия XVII в. представляли собой переломный момент в истории английского народа. Сдвиги, происшедшие в это время в различных областях его жизни, были весьма значительными, и с известным правом можно говорить, что именно в эти годы были посеяны семена грядущей революционной бури 40-х годов.

Радикальные перемены в жизни города и деревни, в жизни всех классов английского общества, сверху донизу, и не менее глубокие сдвиги в сознании людей — все это, вместе взятое, составляло ту напряженную и тревожную атмосферу предреволюционной Англии, в которой формировались характер, религиозные воззрения и политические идеалы молодого тогда Кромвеля — будущего полководца английской революции, ее наиболее выдающегося вождя и впоследствии ее душителя. Попробуем вкратце проследить эти сдвиги, по крайней мере в решающих областях народной жизни Англии первых Стюартов.

1. Промышленность

«Век Елизаветы» не прошел бесследно для английской промышленности — она развивалась несравненно быстрее, чем когда-либо раньше. В первой половине XVII в. продолжался ее дальнейший подъем. Новые технические изобретения и усовершенствования, а главное — новые формы организации промышленного труда и производства ярко свидетельствовали о том, что английская промышленность все более и более проникалась капиталистическими тенденциями, духом коммерции, наживы и эксплуатации.

Применение воздушных насосов для откачки воды из шахт немало способствовало росту горнодобывающей — каменно-угольной и рудной промышленности Англии. Многие тысячи рабочих были заняты на добыче угля, главным центром которой являлся Ньюкасл. Сотни кораблей перевозили каменный уголь в южные порты страны и за ее пределы¹. Франция уже в то время настолько зависела от английского угля, что даже сложилась поговорка: «Франция не может жить без Ньюкасла, как рыба без воды». В 1609 г. из Ньюкасла было вывезено 237 000 тонн каменного угля, в 1660 г. — 387 000 тонн. К середине XVII в. Англия давала $\frac{4}{5}$ всего добывавшегося в Европе каменного угля. Новшеством XVII в. было то, что уголь шел не только на удовлетворение бытовых нужд, но и применялся во все более широком объеме для промышленных целей.

Ученые-экономисты уже тогда справедливо усматривали в нем английские «золотые россыпи и серебряные рудники». «Исправьте свои карты, — восклицает автор памфлета 50-х годов, — Ньюкасл — это Перу!» За 100 лет (1540—1640) добыча угля увеличилась в 8 раз. В 6—8 раз возросла также добыча олова, свинца, меди, соли. Добыча железной руды возросла втрое.

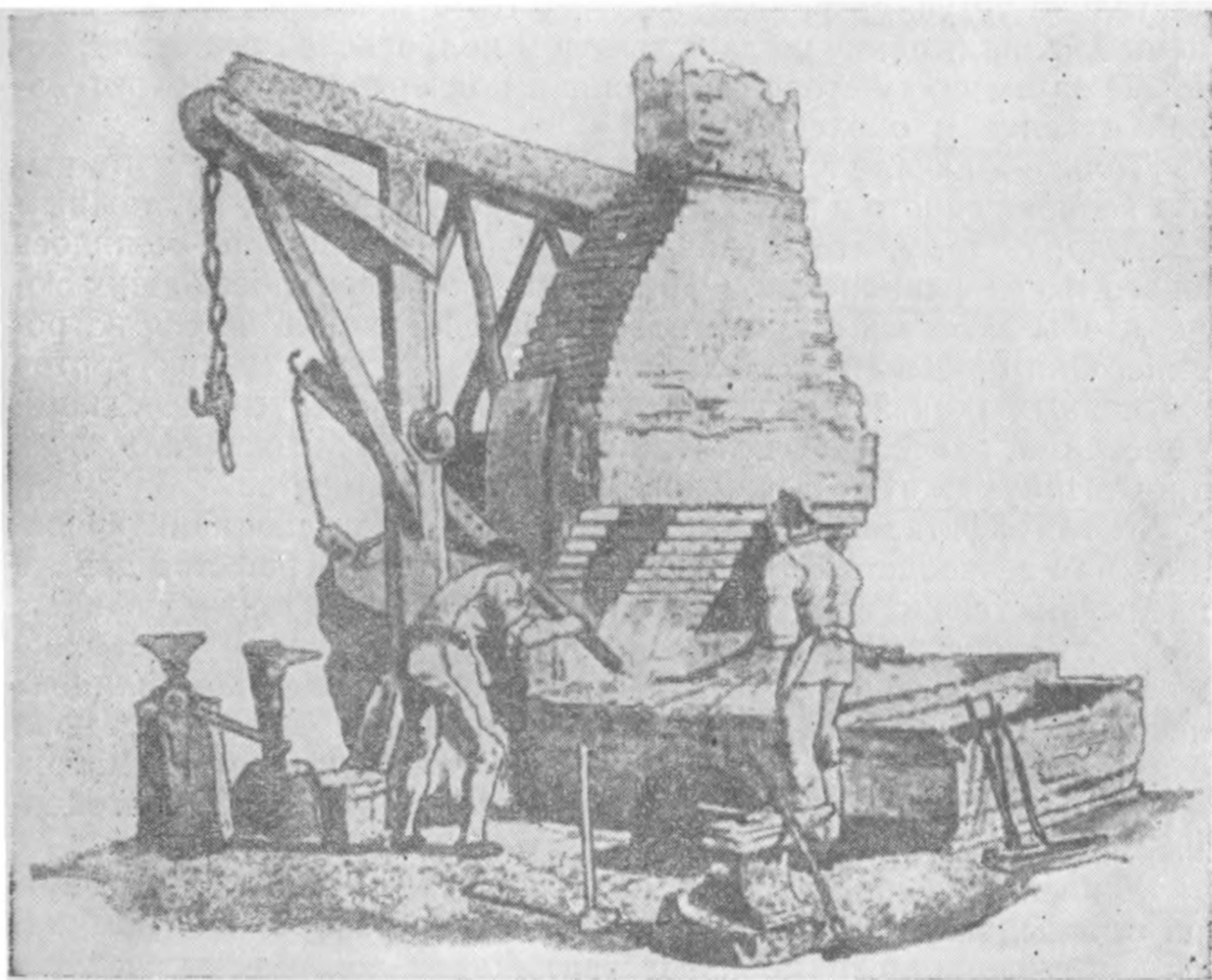
Усовершенствование мехов для дутья (в ряде мест они приводились в движение водяными двигателями) увеличило производительность железоплавильных печей, которыми были усеяны Кент, Сэрри, Форест-оф-дин, Стаффордшир, Ноттингемшир, Сессекс и др. По некоторым данным в Англии насчитывалось тогда несколько сот печей, выплавлявших чугун и железо. Однако производительность их была еще чрезвычайно мала — всего 3—4 тонны за неделю. К 20-м годам относится выдача патента на вновь изобретенный способ выплавки железа на каменном угле. Однако дальше опытов дело в ту пору не пошло, и древесный уголь в XVII в. все еще оставался основным топливом английских плавильных печей. Недаром все это время не прекращаются жалобы на истребление лесов во вред сельскому хозяйству. За высокосортным металлом Англия еще длительное время обращалась к Испании, Швеции, а в XVIII в. — и к России.

Во всех этих отраслях промышленности, требовавших крупных предварительных затрат капиталов, успело сложиться крупное производство, организованное на капиталистических началах. Так, например, на медеплавильных Кэсвика было занято около 4000 рабочих. Многие сотни рабочих насчитывались на ряде железообрабатывающих предприятий и на соляных варницах.

В виде мануфактур — крупных предприятий, где под одной кровлей трудились десятки и сотни рабочих, из которых каждый

¹ Так как каменный уголь доставлялся в Лондон морем, его здесь называли Sea Coal — «морской уголь», а также Pit — Coal (уголь, добываемый в ямах).

выполнял часть общей работы, — были организованы новые отрасли промышленности: стекольная, мыловаренная, бумажная, производство квасцов, селитры, пороха и др. Такого рода крупных предприятий можно было насчитать накануне революции около полусотни. ✓

Железоплавильная печь XVII в.

Гораздо сложнее протекал процесс капиталистического перерождения старинных отраслей английской промышленности и прежде всего главной из них — шерстяной.

Обработка шерсти в начале XVII в. настолько распространилась в этой стране, что венецианский посол сообщал домой: «Выделкой сукна занимаются по всему королевству, в больших городах и в крохотных деревнях и хуторах». Шерстяные ткани производились по всей долине Темзы и Северна, в Норфольке, южном Ланкашире, в Йоркшире. Главными центрами шерстяной промышленности были на востоке — Норич и Норфольк, на западе — Глостершир, Сомерсетшир, Девоншир, на севере — Уэстморленд. Уже в половине XVI в. вывоз шерстяных изделий составлял 80% всего английского экспорта, а вывоз необработанной шерсти — только 9%. В 1614 г. вывоз из Англии необра-

ботанной шерсти было окончательно запрещен. В это время уже $\frac{9}{10}$ всего английского экспорта составляли шерстяные изделия.

Эти цифры отражают знаменательный переход Англии от прежней роли поставщика сырья к новой роли промышленной страны, снабжающей своими изделиями внешний рынок.

Однако ткани, производимые в Англии, по своему качеству настолько уступали нидерландским, что в течение долгого времени Англия ограничивалась вывозом полуотделанных сукон, которые затем по ту сторону Ламанша подвергались дополнительной отделке и окраске.

Только в начале XVII в. сделана была попытка запретить вывоз неокрашенного и неотделанного сукна. Это стало возможным благодаря тому, что в елизаветинскую Англию переселилось много тысяч фландрских и французских мастеров, бежавших сюда, чтобы спастись от религиозных преследований у себя на родине. Они принесли с собой тайну производства тонких сортов шерстяных тканей, дорогих кружев, наряду с другими редкими ремеслами, ранее неизвестными в Англии. Они же основали здесь хлопчатобумажную и шелковую промышленность.

Если графства восточной Англии в основном специализировались на производстве тонких сукон, то западные графства давали преимущественно некрашенные широкие сукна, а также фланели, саржу, кашемир. На севере вырабатывалось преимущественно грубое деревенское сукно. Шерсть была поистине «кормилицей» десятков тысяч людей. Недаром венецианский посол называл сукно «главным богатством страны», а сами англичане усматривали в нем «главную опору королевства», «наиболее драгоценный его продукт».

Усиленный спрос на английские шерстяные изделия как внутри страны, так и за границей обусловил переворот в самом характере шерстяного производства.

Мелкий ремесленник, трудившийся со своими учениками и подмастерьями в своей мастерской, самостоятельно покупавший необходимое ему сырье и сбывавший на рынке готовые изделия, все чаще уступает место домашней промышленности, мануфактуре. Крупные централизованные мануфактуры, соединявшие под одной кровлей труд многих десятков, а то и сотен наемных рабочих различных специальностей и осуществлявшие полный цикл производства — от первичной обработки сырья до окончательной отделки готового продукта, — отнюдь не были редкостью в Англии XVII в.

В одной балладе конца XVII в. описывается шерстяная мануфактура Джона Уинчкомба (прозванного Джэк из Ньюбери):

В одном просторном и длинном сарае
200 ткацких станков в ряд стоят,
И 200 ткачей, о боже, прости,
Трудятся здесь от зари до зари.
Возле каждого из них мальчик сидит,
Челюки готовит молча, мастер сердит...

В ряду таких препятствий наибольшее недовольство вызывали монопольные патенты, дававшие отдельному лицу или группе лиц исключительное право производить какой-либо товар и торговать этим товаром. Распространение мануфактуры наталкивалось и на упорное сопротивление цеховых корпораций городов.

Старинное требование обязательного семилетнего обучения для каждого желающего заниматься ремеслом, ограничение количества работающих в мастерской учеников и подмастерьев; запрещение держать более двух станков под одной крышей, придирчивый контроль цеха за технологией производства и качеством готовых изделий — все это сковывало предпринимательскую инициативу денежных людей.

Крайне стеснительным являлся придирчивый надзор чиновников за качеством готовых изделий, осуществлявшийся не столько в силу заботы о потребителе, сколько ради взыскания штрафов в пользу казны.

Вот почему шерстяная промышленность в начале XVII в. более всего процветала не в старых цеховых городах, а в близлежащих деревнях и во вновь возникших промышленных местечках, свободных от цеховых регламентов. Это подтверждает пример Манчестера, который из незначительной деревушки превратился уже в XVII столетии в крупный центр английской хлопчатобумажной промышленности.

Но вместе с тем было бы ошибочным думать, что процесс капиталистического перерождения промышленности не коснулся ремесленных цехов. В этом отношении наиболее ярким фактом является превращение многих ремесленных корпораций в так называемые «ливрейные компании».

Цеховые корпорации резко расслаиваются как внутри, так и по отношению друг к другу. С одной стороны, цех теперь распадается на три противостоящие друг другу группы: верхушку образуют разбогатевшие мастера, бросившие личное занятие ремеслом и взявшие в свои руки связь цеха с рынком; массу составляют мелкие мастера, потерявшие всякий голос в делах цеха и по существу низведенные до уровня домашних рабочих, и, наконец, — ученики и подмастерья, уже утратившие надежду когда-либо выбиться в мастера и открыть собственную мастерскую. Недаром в этой среде говорили: «На долю бедных выпадает работа, на долю богатых — прибыль».

С другой стороны, установилось неравенство и между отдельными цехами. Цехи, занимавшиеся наиболее важными, обычно конечными, производственными операциями (например, стригали и декатировщики у суконщиков), подчиняют себе экономически все другие цехи, работающие в этой отрасли.

Полноправные члены корпорации, носившие одинаковые ливреи, отличались от прочей массы ремесленников даже своим внешним обликом. Члены «ливрейных компаний» сами уже не занимались ремеслом, а сбывали готовые изделия, которые им

поставлялись подчиненными цехами ремесленников. По сути дела это были уже купеческие объединения, хотя и сохранившие в ряде случаев ремесленные наименования. Характерно, что из 12 «ливрейных компаний» Лондона 7 с самого начала являлись купеческими гильдиями, и только 5 в прошлом занимались ремеслом.

О том, что перед нами уже не ремесленные, а купеческие корпорации, свидетельствует факт непомерно высокой платы, требовавшейся для приема в них юноши в ученики. Если в XVI в. она измерялась 10—20 фунтами, то при Якове I от ученика требовали 100 и более фунтов.

Не удивительно, если в правление первых двух Стюартов значительное количество так называемых лондонских «учеников» состояло из младших сыновей английских джентльменов и сквайров, отданных в торговую выучку.

Правда, этот процесс перерождения средневекового ремесла не был равномерным и одинаково характерным для всей страны. На западе и на севере старинный цеховой строй был гораздо менее затронут, чем на юге и востоке. Ремесленник как мелкий самостоятельный производитель, каким его знает средневековье, здесь, в экономически более отсталых районах страны, еще занимал твердые позиции. В соответствии с этим различным оказывалось и положение учеников и подмастерьев. На севере еще сохранились средневековые, патриархальные отношения между мастером и его учениками. Представление о них мы получаем в следующем отрывке из современного описания мастерской в Йоркшире. «В 7 часов утра мастер в сопровождении детей и учеников отправляется на завтрак. Для них приготовлено два больших горшка: в одном суп, во втором молоко. По очереди они погружают свои деревянные ложки то в один, то в другой... Едят молча; как только с завтраком покончено, они, не теряя времени, возвращаются в мастерскую».

На юге, как правило, подмастерье и ученик больше не живут под крышей своего мастера, не получают от него ни пищи, ни одежды, а только поденную плату. Ученики здесь должны на первых порах сами платить мастеру за обучение.

Их рабочий день начинался с 5 часов утра и заканчивался в 8—9 часов вечера. Жизнь рабочих, особенно семейных, была особенно трудной и горькой. Размер заработной платы должны были устанавливать мировые судьи графств в зависимости от цен на предметы первой необходимости. В действительности же заработная плата рабочих в первые десятилетия XVII в. была на 25—30% ниже прожиточного минимума семьи в 3—4 человека.

В упомянутой выше балладе суконщик говорит:

«За шесть пенсов в день мы заставляли их тяжело работать. Хотя, если быть справедливым, то они должны получать шиллинг»¹.

¹ То есть 12 пенсов.

За первые 40 лет XVII в. реальная зарплата рабочих уменьшилась в 2—2,5 раза, хотя номинально она даже несколько возросла. «Не легко понять,— пишет современный нам исследователь,— как в то ужасное время рабочие могли вообще существовать».

Ученики и подмастерья, составлявшие в канун революции значительную часть наемных промышленных рабочих, находились во власти хозяина — мастера. Самоуправство последних нередко напоминает мрачные времена самовластия помещиков-крепостников. Они не только заставляли работать своих учеников и рабочих по 14—16 часов в день, но и морили их голодом (в условия найма входили в те времена харчи работнику), присваивали себе причитающуюся им плату, жестоко избивали и нередко жалечили свою жертву. Настоящий мартиролог наемного рабочего XVII в. мы находим в протоколах так называемых «мировых судей».

Так, об одном ученике сообщили судьям, что «из-за безжалостного обращения (*merciles dealing*) с ним хозяина он находится в страхе за свою жизнь». Жестокое обращение хозяина (*harde usage*) вынудило Джона Клейса бежать от него после 5-летнего срока «ученичества». Джеймс Хупер из Питни применял к своему ученику столь «незаконные меры исправления» (*unlawfull correction*), что тот сделался инвалидом.

Две дочери Роберта Холкомба были отданы в ученицы некоей Елизавете, жене Джона Осберна, сроком на 9 лет. Хозяева обращались с ними «жесточайшим образом», применяли к ним «незаконные меры наказания», не давали им достаточного содержания и поставили их «на грань голодной смерти».

Ричард Авери жалуется судьям на то, что хозяева столь жестоко обращались с его дочерью, отданной к ним «в учение», что у нее отнялись ноги и ее привезли домой на тачке.

Джон Мауди, «служивший» у некоего Роберта Брауна 18 или 19 лет, не получил причитающуюся ему за все эти долгие годы плату в сумме 37 фунтов и 10 шиллингов. Христофор Гулд находился в «услужении» у некоего Уильяма Атвелла пять с половиной лет; затем он был изгнан хозяином, не получив ни пенни из условленной платы.

Некий Натаниэл Френч посылал своего ученика Уолтера Брука побираться по окрестным деревням и таким образом заставлял содержать себя.

Мастера «уступают» своих «учеников» за плату другим. Уильям Эллиот «уступил» своего ученика каменщику Уильяму Ротвеллу. Джон Бард был отдан в учение Джону Гиббу с целью «обучить его сельскому хозяйству», но тот, найдя ученика «непригодным», «передал» его кузнецу сроком на 12 лет.

Власти запрещали ученикам самовольно оставлять своих хозяев, беглых разыскивали и насильно возвращали на старое место.

«Законом запрещается, — читаем мы в одном из судебных протоколов, — кому-либо приютить у себя чьего-либо ученика, если он предварительно не был освобожден... от ученичества у прежнего хозяина». Сколь близко это напоминает нам положение средневековых крепостных! Однако угрозы были напрасны. Условия жизни и труда учеников и подмастерьев были столь бесчеловечны, что они то и дело убегали от своих мучителей.

Эдуард Сенвор был «отдан в ученики» Джейму Мерчет сроком на 8 лет, но вскоре бежал от него. Францесс Хилл, ученица некоего Христофора Ходдона, бежала от хозяина, но была схвачена и возвращена на место, вскоре она бежала от него вторично, но снова была поймана и предстала перед мировыми судьями. Условия жизни этой ученицы были столь бесчеловечны, что она заявила, что скорее повесится или утопится, нежели согласится работать у прежнего хозяина.

За малейшие проступки учеников и подмастерьев секли публично кнутами, выставляли у позорных столбов, заключали в «исправительные» и «работные» дома, осуждая на каторжный труд в неволе.

Все это свидетельствует о том, насколько правы были те из современников, которые считали Англию первых Стюартов «сущим адом для наемных рабочих».

Однако, несмотря на горькую жизнь, ни городской ремесленник, ни его подмастерья и ученики не сыграли сколько-нибудь самостоятельной роли в революционных событиях 40-х годов. Ремесленник негодует на вымогательства королевского двора, на привилегии богатых, на религиозные преследования, но поскольку и его притеснитель — богатый суконщик — поступает так же, он идет с ним заодно. Ремесленник ненавидит суконщика, все более лишаящего его былой экономической независимости. Но, боясь за судьбу своей мастерской, страшаясь своих подмастерьев и учеников, он предпочитает союз с суконщиком союзу со своими подручными. В решительные минуты он полон сомнений и колебаний, он обнаруживает двойственность, как всякий мелкий собственник-буржуа.

Но и растущая армия наемных ремесленных рабочих была еще далека от того, чтобы осознать себя в качестве особого класса людей с интересами, отличными от интересов своих хозяев. В минуты отчаяния этот эксплуатируемый люд был способен на стихийный бунт, на проявление слепого гнева против хозяев, так же как и против всего общественного порядка, осуждающего их на голодное существование. Но обычно они шли заодно с владельцами мастерских, ибо вопреки всем урокам жизни сами все еще мечтали когда-нибудь «выбиться в люди» и стать собственниками небольшой мастерской.

Однако если городская буржуазия не только отважилась на выступление против своих врагов — феодальной аристократии и

ее государства, абсолютной монархии, — но и одержала над ними победу в открытом бою, то, как мы вскоре увидим, это случилось благодаря решительной поддержке, которую ей в этой борьбе оказывали городские ремесленники, подмастерья и ученики, благодаря их самоотверженности, их героизму. Но, завоевывая победу буржуазии, они ковали тот молот, тяжкие удары которого вскоре должны были обрушиться на них самих; молот, призванный ценой суровых для многих поколений испытаний перековать их в промышленный пролетариат нового времени. Только последнему выпала величайшая и благороднейшая в истории задача — раз и навсегда покончить с угнетением трудящихся людей на земле.

2. Торговля

Великие географические открытия ознаменовали новую эру и для английской торговли. Окраина средневековой Европы — Англия теперь оказалась в центре международной торговли, а через некоторое время Лондону суждено было стать надолго ее сердцем, разгонявшим товары всего мира по его бесчисленным торговым артериям.

Англия уже в средние века была покрыта густой сетью местных рынков и крупных ярмарок. Еще более оживившаяся в XVI в. внутренняя торговля Англии уступает, однако, по своему значению для дальнейших судеб страны торговле внешней и, более того, в значительной мере направляется ее интересами.

К моменту, когда английских купцов и авантюристов-дворян обуяла страсть к заморским экспедициям и колониальному грабежу, господами моря являлись «католические величества» — короли Испании и Португалии. С ними, в особенности с первыми, предстояла долгая и жестокая морская война, которую так успешно начали английские корсары.

Только после крушения испанской «Непобедимой Армады» (в 1588 г.) Англия избавилась от непосредственной угрозы испанского вторжения. С тех пор самое слово «испанец» надолго стало здесь синонимом заклятого «национального» врага англичан. Популярность в народе имен знаменитых английских морских пиратов второй половины XVI в. в значительной мере объяснялась тем, что их удары в первую очередь обрушивались на голову этого врага. У колыбели английского торгового могущества стояла полуромантическая, полуразбойничья фигура морехода-пирата. Ярким примером такого авантюриста в начале XVII в. может служить Джон Смит. «Юношей Смит служил в нидерландской армии против испанцев, затем в венгерской — против турок. Он едет по Средиземному морю на французском корабле. Поднимается буря, экипаж объясняет гнев божий присутствием на корабле «иноверца» (Смит был протестантом). Смита бросают за борт. Он попадает в плен к туркам. Его про-

дают крымским татарам. В 1606 г. он отправляется в Америку с сотней англичан-эмигрантов, основавших колонию Виргинию. Вскоре он попадает в плен к индейцам и находится на волосок от смерти, но влюбляет в себя юную дочь вождя и благодаря ее заступничеству получает свободу».

Таков был облик одного из купцов-мореплавателей того времени, именовавшихся «купцами-авантюристами». Они имелись во всех сколько-нибудь значительных портовых городах Англии. Их корабли перевозили уголь и шерсть, доставляли рыбу и вино. Эти же корабли совершали дерзкие экспедиции к берегам Нового Света. Не раз тяжеловесные испанские галионы, груженные серебром и золотом, становились добычей английских корсаров.

Так или иначе английский пират-адмирал прокладывал дорогу английской торговле в Новый Свет. Огонь пиратских кораблей расчищал место торговым факториям и конторам купца, который и сам был наполовину пиратом.

Уже в конце XVI в. раздаются жалобы иностранцев на то, что «английская нация благодаря своему могуществу и дерзости проникла так далеко, что... почти во всем христианском мире творит свою волю и захватывает в свои руки всю торговлю и все выгоды от нее».

Заморская торговля, встречавшая в то время множество трудностей, полная опасностей и риска, очень рано заставляла заинтересованных в ней купцов объединяться в торговые компании. Число таких компаний росло с поразительной быстротой. Банкиры и ростовщики, мясники и пивовары, знатные лорды, вплоть до венценосного предводителя их — короля, — все стремились стать пайщиками какой-нибудь компании, стать соучастниками того заманчивого грабежа, каким по существу являлась тогдашняя торговля.

Прибытие Ченслера в 1553 г. в устье Северной Двины привело в 1554 г. к организации Московской компании для торговли с Россией, которая вскоре стала насчитывать 150 членов. В 1575 г. была создана Марокканская компания; в 1579 г. была учреждена Остзейская компания для торговли с Прибалтикой; в 1581 г. — Левантийская компания для торговли со странами Средиземного моря; в 1588 г. — Гвинейская компания, получившая монополию на торговлю с Западным берегом Африки.

В 1600 г. создается знаменитая Ост-Индская компания, получившая право монопольной торговли в странах от «мыса Доброй Надежды до пролива Магеллана». Ее прибыли оказались столь заманчивыми, что в 1617 г. она насчитывала уже 9514 пайщиков с капиталом в 1629 тыс. фунтов стерлингов, хотя положение компании было еще далеко не устойчивым.

Короли охотно соглашались на учреждение этих компаний, так как, кроме значительных платежей, поступавших в казну в вознаграждение за выданные патенты, двору предоставлялась

безвозмездно часть соблазнительных паев быстро богатевшей компании. Кроме того, многие компании брали на себя обязанность представлять английские интересы в отдаленных странах, с которыми Англия либо вовсе не имела, либо не поддерживала регулярных дипломатических связей. Эта особенность английских компаний, постепенно присвоивших себе не только дипломатические, но и военно-административные функции, в значительной мере объясняет нам, каким образом частновладельческая Ост-Индская компания могла своей деятельностью заложить основы многовекового британского владычества в Индии.

Торговые компании были двоякого рода: одни из них, представляя своим членам полную самостоятельность в ведении за границей коммерческих дел на свой страх и риск, брали на себя (за определенные взносы) лишь регулирование и охрану их торговли как на море, так и на суше. Такой принцип лежал в основе организации старейшей компании «купцов-авантюристов», занимавшейся вплоть до XVI в. главным образом вывозом шерсти на континент, а со второй половины этого века — вывозом неотделанного и неокрашенного сукна в страны северо-западной Европы между Каттегатом и рекой Соммой. Ее устройство было типичным для других английских компаний.

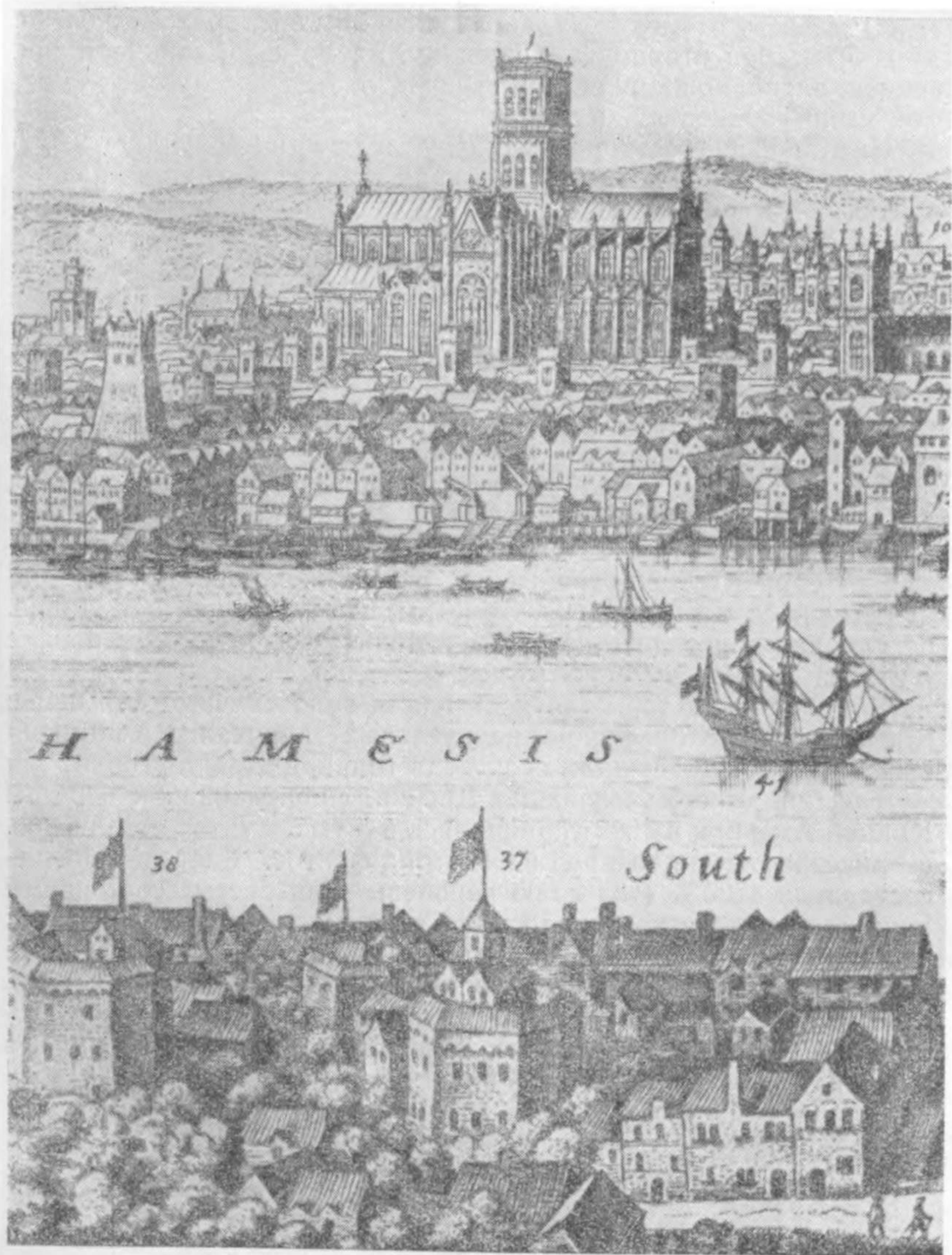
Во главе компании стоял губернатор с 24 ассистентами; избиравшимися общим собранием членов. Они устанавливали: срок отплытия кораблей из Англии, то количество товаров, которое вправе вывезти отдельные члены компании, минимальные цены и т. д. Эти выборные лица судили членов компании за нарушение постановлений, штрафовали, принимали и исключали их. Членом этой компании можно было стать по внесении 200 фунтов или после семи лет ученичества. В начале XVII в. компания «купцов-авантюристов» насчитывала 8500 членов. Однако, всю торговлю фактически сосредоточили в своих руках 100—200 человек.

Другие компании вели свою деятельность вскладчину (прообраз будущих акционерных обществ «на общей ответственности»). Члены их получали прибыль и терпели убытки в соответствии с размером внесенного ими пая. На таком принципе строилась, например, Ост-Индская компания.

К началу XVII в. английские торговые компании распространили свои шупальца на огромном пространстве от Ирана до Северной Америки, от Швеции до Индии и Цейлона. О размахе этой торговли нам дает представление записка-наставление английского купца конца XVI в.

В Нидерланды и северогерманские города, говорится в этой записке, Англия вывозит шерсть, неотделанное сукно и пиво и ввозит оттуда полотно, медные изделия, галантерею.

Во Францию англичане доставляют воск, сало, масло, сыр, пшеницу, рожь, бобы, сухари, свечи, кожи, бумажи и вывозят оттуда полотна, кружева, вина, смолу, камедь.

Вид Лондона в начале XVII в.

В Испанию доставляют грубые ткани, кожи, пшеницу, масло, сыр и вывозят оттуда вина, апельсины, лимоны, орехи и железо.

В Лиссабон отправляют пшеницу, масло, сыр, тонкие ткани, свинец, олово, кожи, опойку и вывозят оттуда растительное масло, мыло, пряности, коленкор.

На Канарские острова и Мадеру шлют ньюфаундлендскую рыбу, сардинки, сельдь, свинец, ткани и получают оттуда разные сорта вин и сахар.

В Вест-Индию и Бразилию вывозят ткани и галантерею и доставляют оттуда в Англию золото, серебро, жемчуг, дерево разных пород.

В Левант шлют тончайшие ткани, какие только производятся в Англии, кожи, сушеную и копченую рыбу, обработанное олово и получают оттуда всякие сорта шелка, хлопок, растительные масла, мускат, корицу, квасцы и фосфор.

Наконец, в Прибалтику посылают грубые ткани, плохие вина, соль, водку и вывозят оттуда лен, коноплю, сляду, деготь, сало, воск и разные меха.

Таков неполный перечень стран, с которыми торговала Англия, и товаров, содержащихся в трюмах кораблей, которые направлялись туда и обратно. Заметим, что здесь еще нет Индии, регулярная торговля с которой установилась только в начале XVII в.

Колониальная торговля доставляла колоссальные барыши и содействовала скоплению значительных капиталов в Лондонском Сити,— где вершили свои дела главари этой торговли.

Так, например, экспедиция Дрейка, снаряженная к берегам Южной Америки в 1577 г., обошлась в 5 тыс. фунтов стерлингов, а привезла оттуда товаров на 1,5 млн. фунтов. Чистая прибыль составляла 4700% (на долю королевы Елизаветы, состоявшей пайщиком у пирата, пришлось 250 тыс. фунтов). Правда, Дрейк не столько торговал, сколько грабил. Однако и прибыли более «мирных» купцов были достаточно заманчивы, чтобы побуждать к денежному риску. Об этом дает наглядное представление табличка сравнительной ценности некоторых товаров в Индии и в Англии в начале XVII в.

Наименование товара	Цена 1 фунта товара	
	в Индии	в Англии
Перец	3 пенса	20 пенсов
Мускатный орех	3 "	78 "
Индиго	13 пенсов	60 "
Шелк-сырец	7 шиллингов	20 шиллингов
Гвоздика	9 пенсов	72 пенса

Но теперь англичанам приходилось не только преодолевать препятствия, создаваемые Испанской колониальной державой.

Они столкнулись с угрожавшей английским торговым интересам конкуренцией первой торговой державы того времени — Голландии. О соотношении сил Англии и Голландии, сложившемся в то время, свидетельствует заключенное в 1619 г. соглашение между голландской Ост-Индской и одноименной английской компаниями. В силу этого соглашения голландская компания сохраняла право на вывоз $\frac{2}{3}$ восточных пряностей, английская — только на $\frac{1}{3}$. Резня английских купцов, учиненная голландцами в Амбоине в 1618 г., — наглядный пример ожесточенности завязавшейся борьбы. Голландия владела неизмеримо большими капиталами. Лондон в ту пору не мог еще ни в какой степени конкурировать с Амстердамом ни как складочный центр иноземных товаров, ни в качестве получившего широкое признание кредитно-финансового центра. Английский флот как по количеству кораблей, так и по тоннажу их намного уступал голландскому. Перевозки на английских кораблях обходились гораздо дороже, чем на судах «всемирного извозчика».

В первые десятилетия XVII в. англичане все более внедряются как в Индию, так и в Америку. В 1609 г. основана английская фактория в Сурате, в 1610 г. — в Гамбии, в 1619 — в Мадрасе. Одновременно напряженная внутривластная обстановка в Англии при первом Стюарте, как мы увидим ниже, дала могущественный толчок английской эмиграции за океан: в 1605 г. основана колония на острове Барбадос, в 1606 — в Виргинии, в 1620 — Новая Англия, в 1627 — Гвиана и др. К 1640 г. обороты английской торговли в двадвое превосходили обороты ее в начале XVII в. Однако на пути развития английской торговли стояла политика ее централизации, осуществлявшейся двором. Торговля лицензиями и патентами от имени короля обусловила сосредоточение львиной доли внешней и внутренней торговли в руках лондонских купцов. «Все суконщики и по существу все купцы Англии, — заявила палата общин в 1604 г., — горько жалуются на сосредоточение торговли в руках богатых купцов Лондона, что ведет к разорению купцов остальной Англии». Купцы Плимута жаловались в 1607 г., что они терпят тяжелые потери вследствие того, что лондонцы «захватили в свои руки торговлю всего мира».

Многие современники сознавали, что только неограниченная свобода торговли может превратить англичан в богатейшую нацию мира.

Однако им предстояло еще вести ожесточенную борьбу за эту свободу внутри страны и дорогостоящие и изнурительные торговые войны — сперва с Голландией, а затем с Францией — прежде чем Англия достигла положения господствующей морской и колониальной державы, пытавшейся превратить моря и океаны в «английские воды». Подобная борьба оказалась по силам лишь буржуазной Англии, родившейся в огне революции 40-х годов XVII в.

3. Английская деревня первой половины XVII века

Значительные и бесспорные успехи английской промышленности и торговли к моменту революции 40-х годов не дают, однако, основания переоценивать степень промышленного развития страны в целом. Англия первых Стюартов в этом отношении стояла далеко позади республики Нидерландов. Ее промышленность как по технической выучке мастеров, так и по качеству производимых товаров все еще отставала от промышленности Фландрии, прирейнских городов и Франции. Не только столичные, но и провинциальные модницы Англии отдавали явное предпочтение импортным тканям (в особенности иноземному шелку) перед тканями отечественного производства. Даже в первой половине XVIII в. Джон Смит в своих «Заметках о шерсти» писал: — «Великобритания отличается от Голландии, как деревенский арендатор отличается от лавочника Лондона». Для первой половины XVII в. это была несомненная истина.

Тоннаж английского флота был ничтожным не только по сравнению с голландским, но даже с флотом гораздо более отсталой Испании (в 1588 г. 100 тыс. тонн испанского флота Англия могла противопоставить всего-навсего 10 тыс. тонн).

По сравнению с заморскими владениями Испании и Португалии Англия могла считаться почти лишенной заморских колоний.

С другой стороны, не следует также переоценивать значение английской промышленности того времени и ее удельный вес в народнохозяйственной жизни страны. Англия середины XVII в. — еще типичная земледельческая страна с резким перевесом сельского хозяйства над промышленностью, деревни над городом, пахаря над рабочим мастерской. Из пяти с половиной миллионов населения страны к концу XVII в. три четверти все еще жило в деревне. Перевес деревенского населения над городским увеличивался по мере удаления от юго-востока к северо-западу острова, который вообще был населен гораздо реже, чем юго-восточная часть его. Единственным действительно крупным городом был Лондон. Из одного с четвертью миллиона городского населения Англии к концу века на Лондон приходилась одна треть (около полумиллиона). Только в четырех городах юго-восточной Англии население превышало 10 тыс. человек и только в двух оно превосходило 20 тыс. (в Лондоне и Бристоле). Остальные же поселения, называвшиеся городами, в гораздо большей степени напоминали обширные деревни, чем поселения городского типа. Дороги в стране были столь плохи, что пешеходы передвигались гораздо быстрее, чем экипажи. Провоз грузов обходился намного дороже, чем их стоимость. На протяжении значительной части года дороги становились совершенно непроезжими.

Но вместе с тем было бы глубоко ошибочно делать отсюда тот вывод, что Англия слишком медленно продвигалась по пути капиталистического развития. Особенность социально-экономического развития Англии к концу средних веков и в начале нового времени в том и заключается, что проводником капиталистических тенденций в стране в ту пору являлся не столько город, сколько деревня, издавна тесно связанная с местными и отдельными рынками. Именно поэтому процесс отделения работника от средств производства, везде предшествовавший складыванию капиталистического общества, начался в Англии столь рано и именно здесь приобрел свою классическую форму. Начало этого процесса мы проследили выше.

Теперь наша задача заключается в том, чтобы выяснить, как он протекал в первой половине XVII в., чем жила и волновалась английская деревня того времени, о чем заботилось ее разнообразное и социально-многоликое население в годы, предшествовавшие революционной буре.

Особенность английских общественных порядков в начале XVII в. заключалась в их кажущейся юридической неизменности, их традиционности и удивительной внешней устойчивости. Но стоит отбросить старое, ветхое покрывало словесных формул, чтобы обнаружить скрытую под ними действительную жизнь, полную перемен, затрагивающих самые ее основы.

Именно в таком положении мы находимся при попытке обрисовать деревенскую жизнь Англии в начале XVII в. На первый взгляд всё в ней осталось неизменным со времени глухой старины. «Манор» — вотчина — все ещё оставался хозяйственно-административным центром деревни. Усадьба манориального лорда была все так же окружена держаниями копигольдеров и фригольдеров, а на окраинах — крохотными усадьбами-хижинами деревенской голи — коттеров и батраков. Несмотря на интенсивные огораживания XVI в., изгороди лишь в сравнительно немногих графствах нарушали привычную для глаза пеструю картину открытых полей, на которых господствовали уже знакомые нам общинные порядки земледелия с их трехпольем, выпасами скота по жнивью, обширными угодьями и т. д.

Все так же, как сотни лет назад, лорд манора взимал с держателей ренту в одни и те же сроки, в навсегда установленном размере, и наряду с денежными платежами фигурировал фунт перца или тмина, пара позолоченных шпор или старинный знак крестьянской зависимости — пара каплунов, предназначенных для кухни лорда. На заседаниях манориального суда лорд все так же штрафовал обычных держателей за неявку, за потраву и другие проступки, нарушающие деревенский мир, принимал от копигольдеров держания и передавал их за плату другим лицам.

Такова в общих чертах внешняя картина манориального мира в начале XVII в. Но она обманчива: в старых мехах давно

уже бродило новое вино. В самом деле, что общего имела реальная деревенская действительность XVII в. со средневековой патриархальной жизнью английского манора? Какие огромные перемены происходили здесь, под покровом внешне нерушимого векового деревенского обычая! Огораживания общинных земель — этот страшный для мелкого крестьянства бич, — продолжались при первых Стюартах так же, как и при Тюдорах. Полностью или почти полностью к моменту революции огораживания были осуществлены в Кенте, Эссексе, Сеффолке и частично в графстве Уорвикшир, Гертфордшир, Вустершир, Норсемтоншир, Шропшир, Норфольк и других. Особенный размах они приняли в Восточной Англии в связи с осушением десятков тысяч акров болот, предпринятым специально организованной для этой цели компанией, и на западе — в связи с превращением лесов в частновладельческие парки. Как показали правительственные расследования Якова I, на десятилетие 1597—1607 приходилось более 40% всей площади, огороженной за последние 50 лет. С 1578 г. по 1607 г. в графствах, подвергшихся обследованию, было огорожено 68 758 акров и разрушено более 549 крестьянских домов. Таковы итоги далеко не полных данных, выясненных официальной правительственной комиссией. Интенсивные огораживания общинных полей в начале XVII в. были причиной крестьянского восстания 1607 г. в центральных графствах Англии — Норсемтоншире, Лейстершире, Глостершире и других.

Восставшие, вооруженные палками, заостренными кольями, вилами и луками, а то и просто камнями, заявили подоспевшим мировым судьям, что они собрались «для уничтожения недавних огораживаний, которые превратили их в бедняков, погибающих от нужды». Стоявший во главе восставших Джон Рейнольдс (по преданию, пастух) заверял, что у него в суме имеется грамота от «его величества короля», уполномочивавшая его «ниспровергнуть всех огораживателей полей».

Характерно, что в связи с этим восстанием мы впервые встречаемся с теми названиями «левеллеров» (уравнителей) и «диггеров» (копателей), которые в дни революции 40-х годов становятся наименованиями двух группировок ее наиболее радикального крыла.

Под впечатлением этого грозного движения Яков I был вынужден снова восстановить отмененные им самим тудоровские статуты, направленные против огораживателей.

Но и на этот раз, как и прежде, Стюарты не смогли остановить новой волны огораживаний, прокатившейся в 30-х годах и вызвавшей многочисленные крестьянские жалобы. Карл I был поставлен в необходимость направить в ряд графств королевских комиссаров для расследования «последних огораживаний», с которыми в действительности он и не думал бороться, так как, получив с «нарушителей статут» определенный штраф, король фактически легализовал ранее произведенные огораживания

и как бы санкционировал новые, которые с этого момента прогрессируют с неослабевающей силой. С одного только графства Гентингдоншир Карлу I удалось собрать в 1638—1639 гг. 2747 фунтов стерлингов в качестве штрафов за огораживания последних 20 лет.

Отныне английским землевладельцам было ясно, что, откупившись установленным в пользу короля штрафом, они могут беспрепятственно производить дальнейшие огораживания.

Ответом на непрекращавшиеся огораживания были направленные против них крестьянские волнения и разрозненные восстания, не утихавшие вплоть до гражданской войны.

Однако огораживания XVII в. имеют ряд особенностей по сравнению с тюдоровскими. Разведение овец по-прежнему оставалось одним из побудительных мотивов огораживаний общинных полей. Недаром иностранные путешественники отмечали, что в начале XVII в. одна треть английской территории лежала под пастбищами, что стада овец, насчитывавшие тысячи, а то и десятки тысяч голов, бесконечной вереницей тянулись по обеим сторонам большой дороги, простиравшейся от Лондона на север.

И тем не менее овцеводство в качестве фактора огораживания теперь отодвинулось на второй план, уступив первое место интересам земледелия.

Интенсивный рост промышленности и в особенности рост городов обусловили усиленный спрос на сельскохозяйственные продукты, которые во все возрастающем количестве требовал Лондон и другие города экономически более передового юго-востока страны.

К 1629 г. цена пшеницы удвоилась по сравнению с началом века: вместо 9 шиллингов 6,5 пенса кварталер пшеницы теперь стоил 19 шиллингов 3,5 пенса. В связи с этим значительно возросла земельная рента. Акр земли, сдававшийся в конце XVI в. меньше чем за шиллинг, стал сдаваться уже за 5—6 шиллингов. Если, таким образом, доходность пахотной земли возросла более чем в 6 раз, то доходность пастбищ за тот же период лишь удвоилась.

Именно поэтому огораживания первой половины XVII в. отнюдь не всегда были связаны с превращением пашни в пастбище; они сплошь и рядом имеют целью повышение доходности пахотной земли. Огораживания XVII в. поэтому, как правило, не уменьшают площадь пахоты, а ведут к ее перегруппировке, к тому, что отдельные, разбросанные по разным полям полосы, принадлежавшие одному лицу, собираются в один массив. Это давало крупному держателю возможность перейти от трехполья к более интенсивной системе земледелия, связанной с культивированием корнеплодов и травосеянием. Многочисленные сочинения ученых агрономов в это время всячески доказывали полезность огораживаний: по их мнению, акр огороженной земли давал в 3—4 раза больше дохода, чем тот же акр, лежащий в от-

крытых полях. И к их голосу чутко прислушивались сквайры и зажиточные крестьяне английской деревни. Само собой разумеется, что желание выделить и огородить свои земли могло появляться только у крупного землевладельца, которому общинные порядки мешали хозяйничать по-новому. Мелким же крестьянам они наносили огромный вред, так как крестьяне лишались общинных прав на выделенной и огороженной земле.

Таким образом, если мы слышим об успехах английского земледелия в первой половине XVII в. — о распространении искусственного удобрения почвы известью, мергелем, морским и речным илом, торфом и т. п., о культивировании ранее здесь неизвестных клевера и турнепса, повышающих плодородие полей, о дренажных и мелиоративных работах и, наконец, о введении в практику улучшенных сельскохозяйственных орудий и даже машин (подобие сеялки), одним словом, — всей той суммы агротехнических мер, которые могли быть предприняты только на огороженных участках, то перед нами не что иное, как факты, свидетельствующие о прогрессе капиталистических элементов деревни. Они означали, что крупные фригольдеры и копигольдеры усиливались за счет малоимущей части деревни, которая была кровно заинтересована в сохранении системы общинных полей, являющейся основой их существования в качестве самостоятельно хозяйствующих земледельцев.

Дух наживы, отныне охвативший зажиточных крестьян, разъедает и разрушает прежнюю солидарность крестьянской деревни, раскалывает эту деревню на два враждебных лагеря. Крупные крестьяне — те, которые, по свидетельству современника, имели возможность «спать на пуховике» и обзаводиться «серебряной посудой», опутывали долгами и разоряли бедных соседей, скупали за бесценок их наделы в общинных полях, перехватывали в свои руки аренды, чтобы затем втридорога сдавать клочки земли тем, кто в ней нуждался. Это они, наряду с манориальными лордами, были инициаторами всякого рода «улучшений» и огораживаний, разрушавших постепенно, но неуклонно старую английскую деревню. Поэтому нет ничего удивительного, что в дни гражданской войны они заодно с сельскими сквайрами, манориальными лордами — «огораживателями» выступают притеснителями крестьянских масс. Наряду с ними в стюартовской деревне появилось большое количество городских денежных людей, разбогатевших на торговле и желавших теперь стать сельскими джентльменами — обладателями ферм и поместий: это было одновременно и доходно и почетно. Разбогатевшие суконщики и золотых дел мастера, галантерейщики и кожевники — эти «жадные волки», «пожиратели крестьян», как их прозвали в деревне, — спешили обзавестись недвижимостью и при этом в такой степени набивали цену на землю, что для малоимущих людей она становилась совершенно недоступной. В начале XVII в., по мнению некоторых исследователей, ренты

возросли в 9 и даже в 12 раз сравнительно со старыми обычными рентами. Столь заманчивы были доходы с земли! Торговые люди там и здесь выкупают у разорившихся лордов их поместья или снимают их в долгосрочную аренду. Становясь, таким образом, сеньерами крестьян, они не выносят их соседства, так как обычные низкие платежи этих крестьян мешали им повышать доходы с приобретенных земель. Однако наиболее ярким проявлением буржуазной перестройки земледелия в Англии первой половины XVII в. было образование в деревне класса крупных капиталистических арендаторов (лизгольдеров). Поглощая бывшие крестьянские наделы и эксплуатируя дешевую рабочую силу батраков, они заводили обширные хозяйства с целью массового сбыта продуктов на рынок. Это — хищные наживалы — предприниматели, которые вместе с лендлордами, были кровно заинтересованы в «очистке» деревни от крестьян.

О степени внедрения лизгольдеров в предреволюционной деревне могут дать представление следующие сведения.

Жители прихода Хантспил жалуются, что некогда здесь имелось 60 пашущих плугов, теперь (время Якова I) их осталось не более 23 «по той причине, что большая часть земли прихода ценой до 2 тыс. фунтов стерлингов в год сдана в аренду различным лицам, живущим вне деревни». В приходе Титенхулл некогда имелось 16 плугов, теперь их осталось 6. Земля стоимостью в 800 фунтов в год сдана в аренду лицам, «не живущим в приходе». В приходе Кингстон числилось 2700 акров земли, из них 2000 акров снимают в аренду «иногородние, живущие вне прихода». Так сложился союз лендлорда и фермера-капиталиста, направленный против крестьянской деревни.

Вот почему, начиная с XVI в., не прекращаются жалобы на «лежебок-купцов», которые больше не предпринимают заморских путешествий, забросили свои лавки и отныне всю свою хитрость прилагают к тому, чтобы прибрать к рукам крестьянские земли. «О, если бы купец, — читаем мы в одной из подобных жалоб, — ограничился одной торговлей и оставил землю тому, кто из нее добывает свой хлеб».

На противоположном полюсе стюартовской деревни стояла масса мелких и мельчайших фригольдеров, копигольдеров и лизгольдеров, единственное достояние которых зачастую представляли хибарки-коттеджи, по имени которых «коттерами» именовались их горемычные обладатели. Как они жили? О чем мечтали в мирные дни и чего добивались в дни борьбы? Горькой и безрадостной была их жизнь. Им не хватало собственных средств к существованию. Их коттеджи были сложены из дикого камня или, еще чаще, состояли из тростника либо прутьев, облепленных снаружи глиной или грязью. Крышей служил настил из камыша либо дерна, бычья шкура зачастую прикрывала отверстие, заменявшее дверь, печи — без труб, внутри — убого и неудобно: соломенные мешки заменяли постель, некрашенные столы и та-

буреты имелись отнюдь не у всех; тут же, рядом с людьми, находились и пара овец да поросенок — все богатство коттера. Иной раз коттеры приарендовывали несколько акров в дополнение к своим приусадебным участкам, отработывая арендную плату или выплачивая ее деньгами; в других случаях коттеры состояли батраками у крупных арендаторов или у богатых крестьян. Размер их платы, так же как платы ремесленных рабочих, устанавливали мировые судьи, ревностно следившие за тем, чтобы какой-либо наниматель не платил больше установленного. А эта плата была такой ничтожной, что даже в урожайные годы трудно было прокормить на нее семью. Так, например, в 1598 г. мировые судьи Девоншира установили следующий максимум платы батракам:

1. Сельскохозяйственный рабочий	16—20 лет	получает не более (not above) 30 шил. в год (и харчи).
2. То же	20—40 лет	40 шил. в год (и харчи).
3. Женская прислуга	до 14 лет	получает только харчи.
4. То же	14—18 лет	получает не более 12 шил. в год и харчи.
5. То же	Старше 18 лет	16 шил. 8 пенсов и харчи.
6. Женщина, работающая на сенокосе		3 пенса в день и харчи, либо 7 пенсов без таковых.
7. Работник-мужчина		6 пенсов в день и харчи, либо 12 пенсов без таковых.
И т. д.		

Чтобы получить хотя бы приблизительное представление о покупательной способности этих батраков достаточно будет указать, что бушель пшеницы (т. е. 28,32 литра) стоил в начале XVII в. в этом графстве 8 шил. Не удивительно поэтому, что семья батрака была едва обеспечена хлебом, причем отнюдь не пшеничным, а ячменным. Однако бедняки не имели права отказываться от предложенной им работы, хотя бы им платили полцены, не могли без разрешения хозяина оставить работы, а без свидетельства мирового судьи — покинуть приход. Наконец, очень многие бедняки, не находя работы ни в деревне, ни в ближнем городке, вынуждены были жить милостыней, которую по приказу правительства для них собирали в приходах. Эта мера была вызвана страхом перед обездоленными, грозившими покою и собственности имущих людей. «Призрение бедных» было поручено выборным комиссиям из богатых крестьян, возглавляемых мировыми судьями. Пособия устанавливались только на время, пока глава впавшей в нищету семьи не найдет работу. Угрожая лишением пособия, приходские власти принуждали наниматься за любую плату. «Призрение бедных» на деле являлось только средством доставить сельским богатым дешевую и постоянную рабочую силу. Вся эта масса обездоленного люда мечтала о клочке земли, которая имелась в изобилии у лордов и крупных фригольдеров. Деревенская беднота не могла существовать без общинных угодий и поэтому больше всего противилась огораживаниям. «Бедняки не хотят слышать об огораживаниях; они

убеждены, что при размежеваниях их обязательно обидят» — жалуется современник. Сдача земли за старые низкие ренты, свободный доступ к общинным угодьям — такими оставались главные требования крестьян-бедняков.

Коттеры больше всех других жителей деревни ощущали гнет сельских джентльменов, их жизнь была, по выражению одного современника, «беспрерывным чередованием борьбы и мучений». В минуту отчаяния из их рядов раздавались голоса: «Надо перебить всех джентльменов и вообще всех богатых людей, которые скупают хлеб и искусственно вздувают цены. Довольно жить рабами! Дела наши не поправятся, пока не будут перебиты все джентльмены!» Однако весь этот обездоленный люд, задавленный нуждой и темнотой, плохо организованный, еще не был способен на какое-либо самостоятельное движение. В городе у них еще не было верного союзника, так как ремесленные рабочие еще не сознавали общности своих интересов с сельской беднотой. И тем удивительнее, что в дни буржуазной революции коттеры смогли заявить о себе, возвещая миру устами своих идеологов (хотя и в туманной, примитивной форме) идею переустройства жизни на основе общности труда и имущества.

Однако центральной фигурой деревни стюартовского периода еще являлись не крупные фермеры — арендаторы чужой земли, и не безземельные коттеры — сельские батраки, а численно преобладавшие йомены, средние фригольдеры и копигольдеры — самостоятельные землепашцы, владельцы пахотного надела. Даже к концу XVII в., несмотря на значительное уменьшение их числа, они все же количественно превосходили арендаторов. К этому времени фригольдеров насчитывалось 160 тыс., арендаторов же только 140 тыс. Йоменов издавна называли «хранителями народной свободы», «оплотом государства», так как из их рядов издавна набирались знаменитые стрелки из лука, неоднократно громившие как континентальных, так и английских рыцарей. Именно они составляли основные контингенты народного ополчения графств, на котором покоилась оборона королевства. Одним словом, «парцеллярный крестьянин еще образует ствол нации» (Маркс).

При помощи одного или двух батраков и собственной упряжки йомен обрабатывал свои 30—60 акров, урожай с которых не только удовлетворял потребности семьи, но нередко давал излишки для продажи на ближайшем рынке. Беда значительной части йоменов заключалась в том, что их наделы все еще оставались крепостными копигольдами, феодальными держаниями, зависимыми от манориального лорда. Лорды всячески старались избавиться от копигольдеров, чьи платежи были раз и навсегда установлены обычаем. Они проставляли в своих держательских ведомостях наряду с обычной рентой «идеальную ренту», т. е. ту ренту, которую они могли бы получить с той же земли, если бы она была сдана арендатору, и всеми способами старались

осуществить эту «мечту». Они взимали поборы после смерти копигольдеров, повышали допускные платежи (при передаче земли наследнику), под всевозможными предлогами задерживали крестьянский скот и захватывали крестьянское имущество, за пользование общинными угодьями они требовали давно забытые феодальные повинности, нередко даже барщинные, воскрешали всевозможные баналитеты и по любому поводу штрафовали держателей в манориальном суде.

Но, помимо разорения копигольдеров, предпринятое против них в начале XVII в. манориальными лордами наступление тормозило прогресс земледелия. Пожизненный копигольдер, так же как и неуверенный в завтрашнем дне бедняк-арендатор, не принимал никаких улучшений почвы, требовавших затрат капитала. «Почему держатель по воле лорда, на срок жизни, на годы должен быть трудолюбив, если пользу от его трудов должен извлечь другой,—я не вижу смысла в этом»,—писал в 1638 г. агроном Плэтс.

Итак, английская предреволюционная деревня была резко дифференцирована. Интересы отдельных прослоек ее жителей сталкивались и пересекались.

Если зажиточная верхушка ее, «деревенская аристократия», шла заодно с дворянством, значительная часть середняков была довольно равнодушна к аграрному вопросу, то вторая их часть и в особенности бедные и беднейшие слои крестьянства боролись против увеличения ренты, за сохранение в деревне разрушаемых огораживателями обычных порядков, за превращение своих копигольдов в свободную частную собственность по образцу фригольда, т. е. за признание крестьянских прав на землю и окончательное уничтожение крепостничества, за уничтожение изгородей на общинных землях и отмену ненавистной церковной десятины. Вот почему йоменри и составляли основную движущую силу английской революции, в надежде на то, что победа его оружия будет означать победу его дела.

ГЛАВА II

Английское общество в начале XVII века

Английское общество первой половины XVII в. отмечено многими чертами своеобразия, делавшего Англию столь непохожей на соседние с ней страны континента.

В Англии никогда нельзя было уловить ту грань, которая отделяла верхний слой свободных крестьян от слоя мелких дворян. Не было такой грани и между верхними слоями сельского дворянства и знатью. Еще труднее установить подобные грани

в интересующий нас переходный период, знавший немало промежуточных слоев и состояний, множество переходов и сплетений. Пестрая, калейдоскопическая картина предстает перед глазами исследователя общественной жизни Англии первых десятилетий XVII в.

Английское общество, как и общество французское, делилось на три сословия: духовенство, дворянство и так называемое «простонародье», куда входило все остальное население страны. Однако в отличие от французских английские сословия не были обособленными и замкнутыми, раз навсегда отгороженными друг от друга. Хотя английская знать была наследственной, т. е. знатю по рождению, однако и она постоянно пополнялась из других сословий.)

С другой стороны, немало отпрысков знатных фамилий попадало в ряды других сословий. Если старший сын пэра после смерти отца становился пэром, то младший сын его имел право лишь на титул рыцаря. Но подобный титул являлся не столько привилегией, сколько обязанностью всех англичан, получавших годовой доход в 40 фунтов.

Во Франции первостепенное значение для дворянина имела не только сумма дохода, но и тот источник, из которого этот доход поступал.) В Англии же никому и в голову не приходило спрашивать: «откуда у него деньги?» Интересовались только тем, «сколько у него денег?» Недаром здесь говорили, что «каждый, кто может поддерживать внешность джентльмена и нести соответствующие расходы, будет принят за джентльмена».

Во Франции разорившийся дворянин скорее уходил в разбойники, предпочитал жить подачками, чем решался прибегнуть к ремеслу или торговле, на которые он всегда смотрел с превеликим презрением, как на занятие унижительное, несовместимое со званием дворянина.) В Англии дворяне не только не гнушались участвовать в «грязной торговле», но сплошь и рядом оказывались инициаторами многих коммерческих предприятий. Представители «благородного сословия» Англии, начиная от последнего сквайра и кончая лицами королевской фамилии, как мы видели, часто старались пополнить свой карман доходами от торговой и промышленной деятельности.

Если французский дворянин в XVII в. все еще боготворил шпагу и более всего полагался на нее, то английский джентльмен, сдав шпагу в семейный музей, давно уже успел оценить преимущества векселя и билета акционерной компании.) Зачастую такой предприимчивый английский джентльмен скупал и перепродавал шерсть, посылал в Лондон масло и ветчину, строил плавильные печи и соляные варницы, предпринимал колониальные экспедиции и ловил сельдь, одним словом, являлся типичным дельцом нового времени «только с припиской «сэр» перед фамилией».

(Наконец, английский дворянин в отличие от французского отнюдь не был освобожден от налогов и других государственных повинностей, он, напротив, нередко облагался тяжелее купца, так как налоги все еще исчислялись на основе стоимости недвижимого имущества, основное же богатство купца, — товары, деньги и ценные бумаги, нередко ускользало от податного обложения.)

Вот почему между английским дворянином и купцом отнюдь не существовало той вражды, которая наблюдалась между этими сословиями во Франции; английское дворянство, взятое в целом, не имело того ярко выраженного паразитического облика, который так бросался в глаза за Ламаншем. Купец же в свою очередь в Англии не только не презирался, а служил вдохновляющим примером для многих дворян.

Удивительно ли, что при таких условиях браки между представителями знати и купечества в Англии являлись обыденным делом. Более того, знатному сынку нередко приходилось долго обивать пороги какой-нибудь лондонской купчихи, прежде чем ее отец-суконщик соглашался породниться с небогатым графом или бароном.

(Однако английское дворянство первой половины XVII в. нельзя рассматривать как единое целое. Развитие капитализма в Англии провело в рядах этого сословия резкую разграничительную черту. Мелкое и среднее дворянство в английских условиях представляло собой особенно многочисленный класс, никогда не обладавший достаточными феодальными средствами.)

Казалось, что именно этот класс был прежде всего обречен на гибель в новых условиях, когда феодальные доходы благодаря революции цен резко сократились. В действительности же произошло нечто противоположное. В значительной своей части он пышно расцвел именно тогда, когда феодальная знать по преимуществу переживала упадок и разорение.

Это случилось только потому, что среднее и мелкое дворянство, издавна мало связанное рутиной феодальных традиций, оказалось особо восприимчивым к новым запросам хозяйственной жизни.

Оставаясь в основе своей классом землевладельческим, это дворянство было по существу новым, ибо самое землевладение, как мы видели, оно использовало как буржуа-предприниматель, т. е. не только для извлечения высоких земельных рент, но и капиталистической прибыли. Таким образом, мы говорим «новое дворянство», чтобы не сказать «буржуазившееся дворянство». Новое дворянство порождено английским XVI веком точно так же, как именно им порожден и класс капиталистов-фермеров.)

Чтобы поддержать свой престиж в качестве джентльменов, они превратились в дельцов-коммерсантов, формально оста-

ваясь «рыцарями шпаги», они, выражаясь словами Маркса, превратились в «рыцарей наживы». А для достижения этой цели все занятия и профессии были в их глазах достойными джентльмена.

(Новый дворянин — это наиболее беспощадный лорд-огораживатель, предпочитающий обычным, мелким держателям крупных арендаторов, уплачивающих за землю высокие рыночные ренты.) Нередко мы его встречаем то как крупного арендатора, то как крупного копигольдера — в соседнем маноре: хозяйничающий с помощью батраков, он выращивает скот для сбыта его на лондонских рынках, разводит стада овец и продает крупные партии шерсти, зачастую он член торговых компаний, судовладелец, строитель мануфактур, основатель заморских факторий.

(Поистине, промышленная и торговая история Англии — не только дело рук буржуазии; в значительной мере она творилась представителями дворянства.)

Своих сыновей они посылают (в особенности младших, не рассчитывающих на наследственные земли) в учение не к схоластам Оксфорда, а к торговым компаниям Лондона и других торговых центров страны. Так, например, из 125 «учеников», принятых в компанию купцов-авантюристов Ньюкасла (за десятилетие 1625—1635 гг.), 42 были сыновьями йоменов, а в 40 случаях родители названы «джентльменами». То, что являлось характерным для Ньюкасла, в еще большей мере должно было иметь место в Лондоне.

Не приходится поэтому удивляться, когда мы слышим, что совокупное состояние всего английского джентри уже в 1600 г. в три раза превышало состояние пэров, епископов, деканов капитулов и зажиточных йоменов вместе взятых.

Конечно не следует думать, что мелкое дворянство только преуспевало, а знать только приходила в упадок. Как среди одних, так и среди других можно, при желании, найти немало случаев обратного порядка. Но речь идет о ведущей тенденции.

Об усилении и расцвете этого нового по существу класса английского общества можно судить еще и по тому, как активно он выступает на земельном рынке страны.

Из общего количества земли, проданной между 1625—1634 гг. на сумму в 234 437 фунтов, 133 рыцаря скупили более половины. Если землевладение короны уменьшилось с 1561 по 1640 г. на три четверти, а землевладение пэров более чем наполовину, то джентри за тот же период увеличило свое землевладение почти на одну пятую.

(Все сказанное не должно означать, что между новым дворянством и буржуазией не было никаких различий. Такая грань существовала и она заключалась в том, что при всей разнородности сфер экономической деятельности новое дворянство в своей основе было классом землевладельческим, составляя органи-

ческую часть политически господствующего сословия страны, т. е. дворянства в целом, чего нельзя сказать о буржуазии.

Сильное своим социальным престижем, сословными привилегиями и экономическим положением, новое дворянство было среди всех классов антиабсолютистской оппозиции наиболее сплоченным и организованным и поэтому наиболее подготовленным для роли гегемона в буржуазной революции.)

Новому дворянству была не по нутру расточительность знати и двора, его возмущали попытки королевской власти контролировать и тормозить огораживания, ломавшие традиционный порядок землепользования в деревне; оно не желало впредь мириться с феодальной зависимостью своего землевладения от короны, выражавшейся в повинностях и ограничениях, связанных с обладанием так называемого рыцарского держания, оно ненавидело дорогостоящую «веселую англиканскую церковь» и засилье прелатов.) Тесно связанные с буржуазией городов, сельские джентльмены выступают от ее имени в палате общин, проводят ее политику в роли присяжных и мировых судей и делают общее с буржуазией дело, поднимая против абсолютизма свой голос, а впоследствии — и полузабытую шпагу.

Однако было бы ошибочно думать, что в начале XVII в. все английские дворяне вступили на путь предпринимательской и коммерческой деятельности. Отнюдь нет. Только что нарисованный (тип новых дворян, дворян-коммерсантов, встречался главным образом на юге и востоке Англии, т. е. в экономически наиболее развитых графствах. На севере и северо-западе страны преобладали дворяне старого покроя — дворяне-феодалы. Главные доходы их все еще складывались из повинностей держателей-крестьян: денежных и натуральных оброков.) Они редко сбывали сельскохозяйственные продукты на рынки и вели полунатуральное хозяйство. Эти высокомерные господа с презрением смотрели на выскочек-дворян, зачастую выходцев из рядов купцов и ремесленных мастеров, и не желали делить с ними ни власть свою, ни привилегии. Отсталый север и запад оставался в XVII столетии краем феодальной старины, которому предстояло сделать соответствующий выбор в грядущих битвах между «новой» и «старой» Англией.

Эта старая Англия продолжала существовать, несмотря на все перемены и бурные события XV и XVI столетий.

Олицетворением ее и оставалось феодальное дворянство, сохранявшее вопреки всему свой прежний облик.

(Английская знать в отличие от французской не имела столь ярко выраженный придворный характер.) Это отнюдь не значит, что в Англии аристократия не получала королевских «подарков» и не пользовалась предпочтением при замещении высших государственных должностей. Это лишь означало, что она в значительно меньшей степени была сконцентрирована в столице,

при дворе, зависела от милости двора. В принципе это была аристократия родовая. Однако высшая знать Англии XVII в. за редкими исключениями не могла похвалиться ни древностью своих родов, ни особой их знатностью. В преобладающей своей части она была в лучшем случае создана Тюдорами, в худшем — Стюартами. В самом деле, еще Генрих VI призвал в парламент 53 светских лорда. Но в первом парламенте Генриха VII их оказалось только 29 — столь роковою для старой английской знати оказалась кровопролитная война Роз. Первые Тюдоры, как известно, довершили ее разгром, и в парламенте 1519 г. уже насчитывалось лишь 19 светских пэров. Позднее, при Елизавете, их число было доведено до 61, а при Якове I — до 91. Более половины состава палаты лордов 1642 года получила свои титулы после 1603 г. Таким образом, в абсолютном большинстве своем знать была совсем недавнего происхождения.

(По источнику доходов и образу жизни это была аристократия феодальная, основывавшая свое положение и привилегии в первую очередь на землевладении, сохранявшем свой чисто средневековый уклад.) По своей структуре это последнее представляло собой сложные, запутанные комплексы феодальных прав и сочетания барских доменов и крестьянских держаний, разбросанных сплошь и рядом по многим и далеко отстоящим друг от друга графствам. Разнородные владения одних лордов вклинивались и перемежались с землями других крупных и мелких лордов. Права и привилегии феодальных сеньоров при этом переплетались так же прихотливо и беспорядочно, как и земли. Будучи в средние века источником силы и власти над массой поземельно-зависимых людей, принадлежащий феодалу владельческий комплекс уже к началу XVII в. приносил подчас не столько доходов, сколько хлопот, не столько власти, сколько формального и чисто внешнего почета, лишенного реального содержания)

Обычно проживавший в своем городском дворце или в уединенном замке герцог или граф, виконт или барон редко вникал лично в управление своими распыленными по стране владениями, в полной мере полагаясь на управляющих и целый штат их помощников, проедавших и присваивавших значительную часть барских доходов. Во всех этих владениях хозяйничали по-старинке и производили исходя лишь из запросов господского двора.

«Революция цен», резко сократившая доходы получателей ренты и толкавшая их, как мы видели, на путь капиталистической перестройки землевладения, в манорах (поместьях) английской знати, не повлекла за собой никаких изменений в укладе поземельных отношений, в окостеневших хозяйственных отношениях.

По следующим данным мы можем себе представить имущественный облик знати: стоимость владений 41 роялистского пэра

равнялась 1 241 906 фунтов, что составляет в среднем 30 тыс. фунтов на одного пэра. Только 16 пэров получали доход, превышавший эту среднюю цифру. Среди них эрл Сейнет получал 150 тыс. фунтов в год, эрл Уэстморленд — 90 тыс. фунтов, герцог Ричмонд — 73 570. Зато эрл Норич имел только 3 300 фунтов в год, виконт Огль — лишь 1 800, эрл Мальборо — всего 340 фунтов. Владения 93 баронетов-роялистов были оценены в 1 033 588 фунтов, т. е. в среднем на каждого из них приходилось 11 114 фунтов. Владения 34 баронетов превышали эту среднюю цифру. Уильям Портмен получал 60 тыс. в год, Томас Литлтон — 45 тыс., зато 9 баронетов не имели и 1000 фунтов в год, Уильям Кэрти был вынужден ограничиваться 600, Генри Муди — 200, Джон Трелоуни — 150 фунтами.

Все эти цифры говорят о большой имущественной пестроте, о явном разорении значительной части старой знати. С каждым годом возрастало число титулованных людей, владевших незначительным доходом. Тем не менее, несмотря на все признаки упадка и оскудения, представители знати не собирались менять образ жизни. Они стремились во всем уподобиться придворным вельможам. Они не хотели отставать от них ни в убранстве своих палат, ни в количестве, ни в номенклатуре слуг¹ и челяди, ни в чистокровности своих скакунов и борзых, ни в роскоши своих экипажей и туалетов, ни в изысканности своей кухни и винных погребов.

Целыми тучами увивались вокруг таких дворов приживальщики и бездельники, не знавшие, как убить время, но в совершенстве постигнувшие одно ремесло — лезть. Это были тунеядцы, готовые за жирный кусок с барского стола идти за господином в огонь и в воду. Не удивительно, если в первые десятилетия XVII в. засвидетельствовано разорение многих десятков дворянских фамилий, если начало XVII в. видело массовую распродажу, нередко с аукциона, крупных имений. Данные того времени фиксировали огромную задолженность знати ростовщикам и банкирам Сити. Впечатление о размерах этой задолженности можно себе составить хотя бы по тому, что в 1642 г., т. е. к началу гражданской войны, ставшие на сторону короля дворяне задолжали Сити около 2 млн. фунтов стерлингов. ✓

Немало пэров в те дни стали попросту «знатными нищими», вынужденными покинуть ставший им недоступным «высший свет».

«Сколько здесь было знатных фамилий, — сокрушается автор памфлета в начале XVII в., — память о которых ныне полностью стерлась. Как много мы видели здесь цветущих родов, ныне исчезнувших во мраке забвения». Тот, кто прежде мог выставить

¹ Уже восставшие в 1540 г. крестьяне потребовали ограничить количество слуг у лордов с тем, чтобы на каждые 100 марок дохода приходился только один слуга.

полк кавалерии,— замечает другой современник,— ныне едва ли способен снарядить 25 человек.

Эта рисующаяся перед нами картина кризиса и разложения феодального класса в Англии, как уже отмечалось, отнюдь не исключает того, что отдельные его представители сумевшие своевременно перевести свое хозяйство на капиталистические рельсы, т. е. дополнить убывавшую феодальную ренту растущей капиталистической прибылью, избежали упадка.

Достаточно упомянуть в этой связи графа Бедфорд, инициатора компании по осушению болот в Восточной Англии, вложившего в это дело 100 тыс. фунтов, графа Уорика, возглавившего Гвинейскую компанию, получившую патент в 1618 г., или хотя бы тот примечательный факт, что в числе пайщиков организованной в 1600 г. Ост-Индской компании мы находим «15 герцогов и графов, 13 графинь и других титулованных дам, 82 кавалера различных орденов» (в том числе члены королевского совета),— чтобы это стало совершенно очевидным.

Но таких восприимчивых к духу времени аристократов было все же относительно немного. Знать, оставаясь до мозга костей знатно феодальной, продолжала судорожно цепляться за отжившие порядки и привилегии, мечтая о возврате прежнего благополучия, она настойчиво искала спасения на путях феодальной реакции. Она пыталась при помощи королевской власти подчинить своим интересам буржуазное развитие страны.

Большим своеобразием отличалась и английская буржуазия этого времени. Наиболее характерной ее чертой была крайняя неоднородность ее состава. Верхний ее слой составляли несколько сот денежных и торговых воротил лондонского Сити и провинции, в первую очередь люди, пожинавшие плоды тюдоровской политики покровительства отечественной промышленности и торговли. Их интересы были тесно связаны с короной и феодальной аристократией: в первом случае в качестве обладателей королевских монополий и патентов, откупщиков налогов и финансистов, во втором случае в качестве кредиторов. Кроме того, с аристократией их нередко соединяли тесные родственные узы. Обедневшие аристократы стремились путем браков поправить пошатнувшееся благополучие. Так, лорд Комптон женился на дочери Джона Спенсера — мэра Лондона, оставившего наследство, оценивавшееся в 300 тыс. фунтов. Лорд Уиллоуби женился на дочери Ольдермена Кокни, принесшей ему приданого 10 тыс. фунтов, граф Гольдернес женился на другой дочери Кокни. Деньги открывали денежным тузам Сити широкий доступ к дворянским титулам. Интересно отметить тот любопытный факт, что многие высшие прелаты английской церкви, в том числе и архиепископ Лод, вышли из рядов городских богачей.

В преобладающей своей части, однако, английская буржуазия состояла из промышленников и торговцев средней и мелкой руки. Как предприниматели эти буржуа были еще тесно связаны

с цеховым строем ремесла, как торговцы они оттеснялись от заморской и оптовой торговли владельцами королевских монополий и поэтому вели посредническую торговлю на внутренних рынках. Эта часть городской буржуазии, с одной стороны, вела борьбу против развивающейся и конкурировавшей с ней нецеховой промышленностью (мануфактурой) и, с другой, против монополий и множества тех притеснений, которые обрушивало на них стюартовское государство.

Именно в этой среде буржуазии оно встречало своих наиболее решительных противников.

Что касается мелкого люда — мелких ремесленников и торговцев в городе и мелких землевладельцев в деревне, — т. е. того наиболее многочисленного класса в стране, которым управляли и который был совершенно лишен какого-либо веса в управлении страной, то он фактически стоял вне официального общества. Его уделом было страдать и молчать. К нему апеллировали борющиеся в стране политические силы — то феодальная монархия, то буржуазия, выдавая свои интересы за интересы всего народа. И до поры до времени именно она пользовалась его поддержкой в борьбе против строя, от которого эти массы страдали больше всего.

Итак, несовпадение классовых граней с социальными, поскольку речь идет о дворянстве, раскол дворянства на два по существу антагонистических класса являлись самой важной отличительной особенностью английского общества в начале XVII в.

Если всякий крупный землевладелец во Франции XVII в., как правило, являлся дворянином и каждый французский дворянин, независимо от его имущественного положения, пытался жить как феодал, то дворянское сословие в Англии включало в свой состав две в классовом отношении враждебные друг другу группировки. Одна из них — феодальное дворянство, сохранившее свой паразитический облик и старавшееся при помощи королевской власти и средневековых привилегий сковать дальнейшее буржуазное развитие страны. Вторая — дворяне предпринимательского типа, интересы которых тесно смыкались с интересами городской буржуазии, требовавшей уничтожения всех средневековых препон на пути свободного капиталистического накопления.

Вот почему французская буржуазия, восставшая против феодально-абсолютистского порядка во главе «третьего сословия», имела против себя целиком все дворянское сословие наряду с феодальной монархией и с средневековой феодальной церковью.

Готовившаяся же к восстанию английская буржуазия имела против себя лишь часть дворянства, в то время как другая и притом многочисленная его часть оказалась в качестве соратника вместе с ней по одну и ту же сторону баррикады.

Перед нашими глазами прошла хозяйственная жизнь Англии в переломный период ее истории, прошли представители различных сословий города и деревни с их противоречивыми и переплетающимися интересами — и везде мы наблюдали черты неустойчивости, текучести, резкие перемены, свидетельствовавшие о разложении и гибели феодальных отношений.

В таких условиях должны были коренным образом измениться и старые взгляды и представления людей. Не могла остаться неизменной и идеология средневековья — религия.

ГЛАВА III

Церковь

В жизни средневекового общества церкви принадлежало совершенно особое место. По силе и могуществу ее власти, по накопленным в ее руках несметным сокровищам она не знала себе равных в Европе. Церковь благословляла мир и войну, она развенчивала одних и венчала на царство других. Угроза церковного отлучения нередко смиряла самых гордых и непокорных владык. Даже в дни самой дикой феодальной вольницы придорожный крест служил прибежищем и спасением от разгулявшегося рыцаря.

Еще более всеобъемлющей была власть церкви над рядовым жителем города и деревни. Не будет преувеличением сказать, что ни одно сколько-нибудь важное событие в его жизни не совершалось без вмешательства и одобрения церкви. В удушливых ее объятиях он находился буквально от колыбели до гроба. На чем же основывалась эта страшная власть церкви над человеком средневекового общества?

Прежде всего на примитивном уровне его материальных, а следовательно, и духовных сил. Примитивными и несовершенными были орудия труда, труд земледельца скупо вознаграждался, гнет могущественных властителей лишал его самого необходимого.

Ни неприступные феодальные замки, ни закованные в броню рыцари не могли защитить угнетателей от гнева обездоленных. Им на помощь и была призвана церковь, которая должна была своим учением держать трудящихся в повиновении власти имущим. Проповедуя угнетенным покорность и терпение и обещая за это блаженство «в загробной жизни», которая рисовалась как единственно желанный удел христианина, церковь отвлекала обездоленных от борьбы за свое счастье на земле.

Всякое отступление от безропотного повиновения церковь называла «грехом», закрывавшим доступ в «царство небесное».

Только «заступничество» церкви могло «замолить» грехи ослушников и снова открыть перед ними двери «рая». Итак, церковь брала на себя роль «руководительницы» человека в его земной жизни, она же его готовила и к «жизни загробной» — «на том свете». Человек, отвергнутый церковью, был отвергнут и людьми, он лишался мира «земного» и «потустороннего». Его участь была страшна, как страшна сама смерть.

Но кроме средств духовного принуждения, в руках церкви находились огромные материальные средства, служившие той же цели. Церковь была крупнейшим феодалом Европы — она обладала примерно третью всей обрабатывавшейся тогда земли. Сотни тысяч крестьян были ее крепостными и своим трудом наполняли ее закрома и сокровищницы. Добровольные пожертвования верующих и принудительные поборы, взимавшиеся по всем странам Западной Европы, текли в Рим нескончаемым потоком. Денег собиралось так много, что потребовались специальные банкиры для управления папскими финансами. Римская курия была первой школой банкиров нового времени.

Церковь была сильна и своей организацией. В рыхлом, политически раздробленном феодальном мире церковь была единственной строго централизованной силой. Вся многостепенная и сложная церковная иерархия, от кардинала до самого отдаленного приходского священника, бесприкословно повиновалась папскому слову. Многие церковные прелаты, и прежде всего сам римский папа, были одновременно и светскими владыками, обладавшими многочисленными светскими вассалами, т. е. войском. Нередко епископы лично вели своих вассалов на войну и владели мечом гораздо лучше, чем церковной премудростью.

На протяжении почти тысячи лет церковь выполняла в средневековом обществе целый ряд важных и только ей в ту пору свойственных функций. Школы, как низшие, так и высшие, были церковными. Монастыри долгое время были единственными издателями рукописных книг; по своему содержанию это были по преимуществу богословские книги. Церковным или так называемым каноническим правом регулировались акты купли-продажи. Священники были третейскими судьями во всех семейных и имущественных делах. Церковь брала на себя призрение престарелых, уход за больными, предоставляла кров странникам. Затрачивая гроши из своих огромных богатств на эти «богоугодные дела», церковь провозглашала себя «заступницей слабых», «утешительницей обездоленных». В действительности же не было более жестокого эксплуататора крепостных, более безжалостного душителя социального протеста и свободной человеческой мысли, чем католическая церковь. Своим ореолом она освящала мрак и невежество, насилие и гнет, весь общественный строй феодального общества.

Так шли века. Но и общество не оставалось на месте: постепенно улучшалась обработка почвы и повышались урожаи. Раз-

вились ремесло, торговля, и на этой основе появились крупные города. Зародилась и крепла светская образованность, которая начала везде теснить церковную науку. Изобретение печатного станка содействовало распространению в народе книжной грамоты, что раз и навсегда подорвало прежнюю духовную монополию церкви. Расцвели литература и искусство, по своему содержанию чисто светского характера. Это было пробуждением человеческого ума от многовековой спячки.

Сложившееся в городах буржуазное сословие нуждалось в прекращении феодальных усобиц, в сильной королевской власти для охраны торговли на суше и на море. На деньги, получаемые от него, короли набирали большие наемные армии, при помощи которых побеждались непокорные феодальные бароны. Так складывались сильные, централизованные государства, которые все более тяготились церковной опекой. Многочисленные поборы, шедшие в Рим, истощали королевскую казну. Все более нуждавшиеся в деньгах светские феодалы с завистью взирали на огромные владения церкви и прикидывали: нельзя ли прибрать их к своим рукам? Но самого опасного врага средневековая церковь встретила в лице городской буржуазии.

Вступая во все большее противоречие с феодальным общественным строем, молодая и крепнущая буржуазия не могла подняться против него, не осудив прежде всего католическую церковь, которая своим учением, своей моралью освящала ненавистный феодальный строй.

В самом деле: буржуазия жаждала прибылей, стремилась к накоплению капиталов, а церковь предавала анафеме ростовщиков и учила, что взимать проценты на одолженные деньги — смертный грех. При этом сама церковь и в первую очередь монастыри подавали пример самого бессовестного ростовщичества.

Буржуа, как скопидомы, копили деньги (им на первых порах явно не хватало капиталов), а церковь тем временем утопала в драгоценностях, лежавших без дела, тратила огромные средства на украшения и для этого всеми способами грабила верующих. Нет, решили буржуа, церковь слишком дорого обходится, ее надо удешевить, упростить!

Молодая предприимчивая буржуазия рвалась к деятельности, к непрерывному, неустанному обогащению, но на пути ее снова стояла церковь с ее бесчисленными праздниками и постами, молитвами и службами. Она требовала от верующих «добрых дел», т. е. бесконечных приношений как единственного средства «спасения души». При этом сами служители церкви не только не подавали примера святой жизни, но и вызывали всеобщее возмущение своим невежеством, жадностью, обжорством и ленью.

Буржуазия собирала силы, чтобы дать бой феодальной монархии и ее опоре — дворянству; церковь же учила, будто власть королей установлена богом и что поэтому тот, кто поднимает

руку против земных властителей, тем самым совершает «смертный грех».

К концу средних веков церковь все более обнаруживала свой паразитический характер, все более падал ее моральный авторитет, все меньше внимали ее слову. В такой обстановке началась реформация — социальное восстание против средневековья, направленное своим острием против католической церкви — его «идеологической опоры». Поэтому по форме своей реформация — бунт религиозный. Идеологи буржуазии XVIII в. осудили средневековье на уничтожение именем Разума. Идеологи буржуазии в XVI в. не осмеливались апеллировать к доводам Разума — столь сильна еще была вера; им приходилось провозглашать интересы своего класса от имени бога, но в их толковании это был уже не средневековый, а совсем другой, новый бог — бог буржуазии.

Реформация выступала не против церкви вообще, а против феодальной, католической церкви, противопоставляя ей новую церковь, приспособленную к интересам буржуазии. «В XVI в., — писал Вольтер, — легкоеверие и невежество, довольно еще значительные, быстро уменьшались, и поэтому оказалась необходимость построить религию на основании, соответствующем изменившимся обстоятельствам, религию, более благоприятную для духа пытливости, менее обремененную чудесами, легендами и идолами, религию, в которой церемонии были бы не так часты и тягостны, религию, которая не поощряла бы умерщвления плоти». Таковы были причины реформации XVI в. во всех странах Европы, в том числе и в Англии.

Но если в Германии и во Франции реформация вылилась в грандиозное общественное движение, то в Англии на первых порах она была делом рук короля. Сильная королевская власть, установившаяся здесь со времени нормандского завоевания, сравнительно рано оградила страну от эксплуатации ее Римом и к началу XVI в. оказалась от него почти полностью независимой. Идя на окончательное отложение от власти римского первосвященника, король Генрих VIII Тюдор преследовал двоякую цель. Прежде всего он надеялся конфискацией церковных владений обогатить вечно пустую казну. С другой стороны, он желал раздачей церковных земель мелким дворянам сильнее привязать их к своему престолу, сделать их своей надежной опорой в борьбе с крупной феодальной знатью.

Воспользовавшись, как поводом, отказом папы Климента VII признать его развод с Екатериной Арагонской (теткой императора Священной Римской империи Карла V), которой он предпочел красавицу Анну Болейн, Генрих VIII парламентским статутом 1534 г. объявил себя «главою церкви», а власть папы над английскою церковью — окончательно уничтоженной. Это послужило основанием для закрытия английских монастырей (около 700). Вся принадлежавшая им земля была конфискована

(секуляризирована) в пользу короны. В одном король просчитался: уже через несколько лет после ограбления монастырей казна оказалась столь же бедной, как и до этого. Зато дворянство и частично буржуа, всеми правдами и неправдами запелутившие в свои руки монастырскую собственность, остались довольны политикой короля и в парламенте безропотно творили его волю.

Что же касается самой церкви — ее учения, ее организации, ее обрядов, — то на первых порах они почти не подверглись изменениям (если не считать того, что король в качестве «главы англиканской церкви» заменил папу). В целом новая англиканская церковь почти не отличалась от католической. Так длилось до восшествия на престол Марии Тюдор (1553—1558), бывшей замужем за «любимейшим сыном» католической церкви испанским королем Филиппом II. Она на время вернула английскую церковь в лоно Рима, но не смогла возвратить церкви отобранных монастырских владений. Сотнями отправляла она протестантов на костры и заточала в тюрьмы, за что заслужила славу «кровавой». Еще большее их число оказалось в изгнании. Много английских протестантов скрылось от преследований королевско-католической, найдя убежище в Женеве, где в то время безраздельно господствовал «папа протестантов» Жан Кальвин.

Преемница Марии, Елизавета Тюдор, снова восстановила в Англии реформированную церковь. Под влиянием разгоревшейся ожесточенной борьбы с католической Испанией составленные по ее указанию «39 глав» нового вероучения значительно приблизили англиканскую (реформированную) церковь к протестантским церквям континента. Однако англиканская церковь и после этого сохранила немало следов католицизма.

Вернувшись назад в Англию, беглецы-протестанты были глубоко разочарованы половинчатым и незавершенным характером английской реформации. И в этом нет ничего удивительного — ведь перед их глазами стояла Женева! А то, чему учил Кальвин, как нельзя лучше отвечало интересам самой передовой, «самой смелой части тогдашней буржуазии» (Энгельс).

В самом деле, главное в кальвинизме — учение о предопределении — гласило: от века одни люди «определены» богом к спасению, другие же им осуждены на «вечные муки» ада. Первым, для того чтобы «спастись», уже не нужны никакие «добрые дела», вторым — никакие «добрые дела» уже не помогут, так как не в воле человека спастись вопреки бежнему предначертанию.

На каком основании, учил далее Кальвин, происходит это избрание, недоступно пониманию человека; однако если человек найдет в себе достаточно сил, чтобы совершить «превращение», т. е. убедить себя в своей «святости», он тем самым получает свидетельство в своей принадлежности к избранным. Англичане, всегда отличавшиеся практичностью, последовательно развили

это положение в том смысле, что таким же свидетельством божьего «избрания» может служить и «мирское призвание» человека. Чем успешнее, скажем, он торгует, чем лучше идут его дела, если он промышленник, тем очевиднее становится его «предызбранность». Итак, буржуа, столь стесненные рамками средневековой католической церкви, отныне приобретали церковь, именем божьим освящавшую их будничную деятельность как «мирское призвание» человека.

Более того, нажива и обогащение толковались как знак божьей милости. Разорение купца, постигшая ремесленника нищета провозглашались знамением божьей немилости.

Обедневшие труженики должны были видеть в своей судьбе перст божий, непререкаемую волю небес. Биржевая игра, плутни удачливого купца освящались теперь высшим авторитетом неба, так же как и скорбный удел тысяч обездоленных людей. Новая религия тем самым сковывала волю угнетенных, подавляла их протест ссылкой на божественное предначертание.

Упраздняя языческую пышность прежнего культа и вымогательство его назойливых слуг, устраняя нелепое обилие праздников, кальвинизм таким образом покончил с церковной эксплуатацией народа, расчистив поле для эксплуатации его буржуазией.

Поскольку церковь Кальвина включала в свой состав только «избранных» и оставляла за порогом всех остальных, в ней совершенно менялась роль священников. Они не являлись более «посредниками» между верующим и богом, как в средние века. Посредник неужен был кальвинисту, коль скоро последний считал, что «святой дух» постоянно наполняет его сердце. Как следствие подобного убеждения, отпадала вся громоздкая и дорогостоящая церковная организация. Отныне руководители кальвинистской церкви не назначаются, а избираются общиной верующих. Тем самым церковь получала неизмеримо более демократическую, чем в средние века, «республиканскую организацию», «...а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов-помещиков?»¹

Но как далеки были английские церковные порядки от их идеала — кальвиновской Женевы! На каждом шагу английские последователи Кальвина наталкивались на остатки «римских суеверий и заблуждений», как теперь называли пережитки католицизма в англиканской церкви.

Прежде всего отнюдь не все англичане были протестантами, немало, в особенности в среде крупных дворян, было здесь и католиков, лишь ожидавших удобного момента, чтобы обрушиться на «еретиков»-протестантов, как это в свое время уже сделала

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 297.

Мария Кровавая. И такой момент едва не последовал, когда у берегов Англии появились корабли Филиппа II Испанского. Гибель «Непобедимой Армады» вновь загнала английских католиков в подполье, но они не сложили оружия: в 1605 г. Гай Фокс по наущению иезуитов подложил под здание парламента пороховые бочки.

Католиков ненавидело огромное большинство англичан. Слово «католик» долго звучало здесь так же, как «предатель». Возврата к католицизму особенно боялись буржуа и те дворяне, которым в этом случае пришлось бы расстаться с награбленным монастырским имуществом.

Немногим лучше в глазах кальвинистов выглядела и англиканская церковь. Мало что изменилось в делах веры от того, что в церкви место папы занял король, а епископы назначались королевскими указами. Но зато происшедшие перемены причиняли очень много зла в повседневной жизни широких слоев народа.

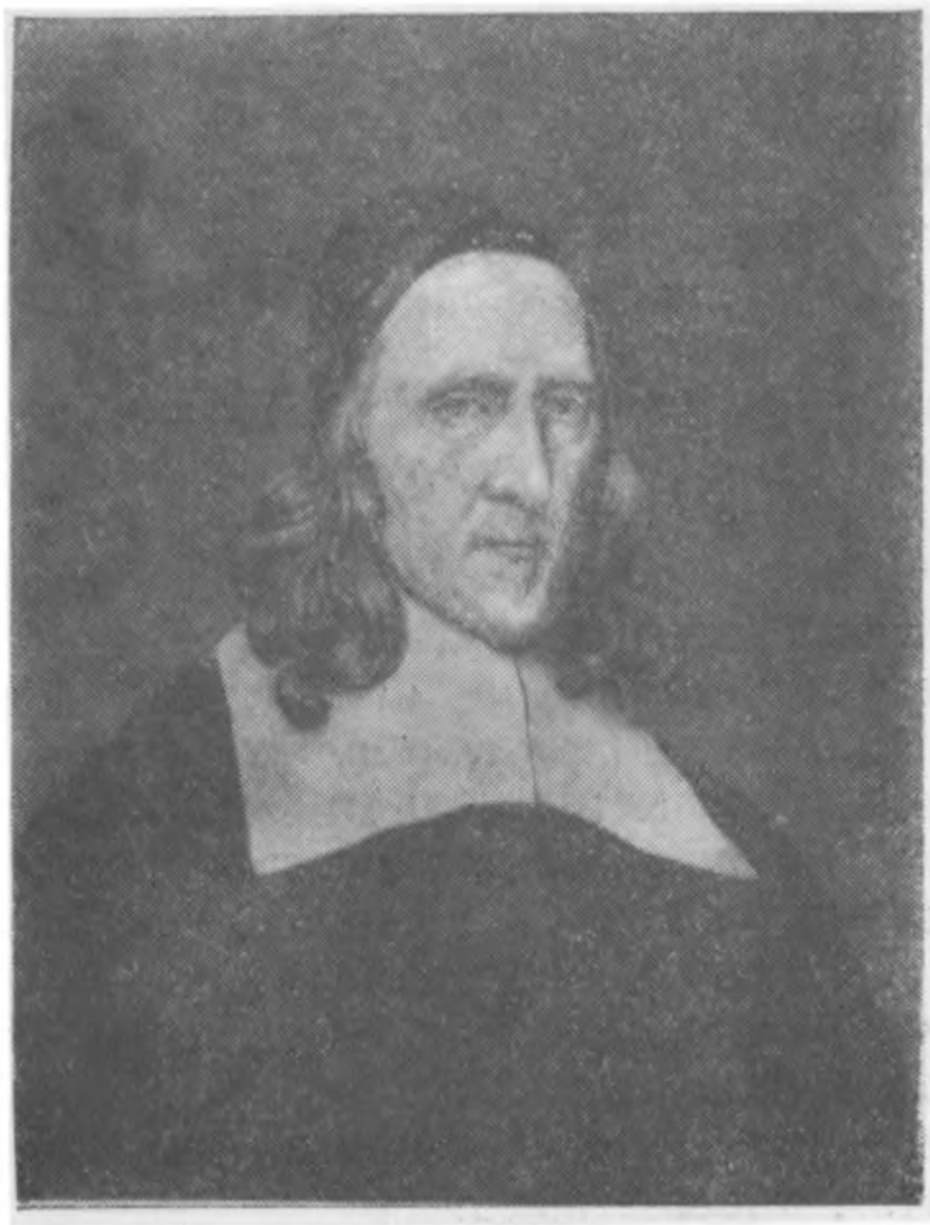
С момента реформации церковь окончательно потеряла свою былую самостоятельность и превратилась в служанку короны. Клирики, назначаемые королем или с его одобрения, скорее напоминали королевских чиновников, чем «пастырей душ». Воля короля стала для них непреложным законом, а его авторитет был для них превыше священного писания: он диктовал им даже истины вероучения. С церковной кафедры оглашались королевские указы, с нее же сыпались угрозы и проклятия на головы ослушников королевской воли. Священники осуществляли строгий полицейский надзор за каждым шагом верующего. Епископские суды (и прежде всего верховное церковное судилище — «высокая комиссия») жестоко расправлялись с людьми по малейшему подозрению в вероотступничестве.

Прелаты англиканской церкви, желая сохранить за собой власть и доходы, стали оплотом абсолютизма.

Естественным результатом столь полного слияния церкви и государства явилось то, что ненависть к абсолютизму неизбежно проявлялась в отступничестве множества людей от королевской церкви. Политическая борьба при подобных условиях облекалась в форму религиозных споров. Вот почему, когда мы наблюдаем взрыв возмущения у прихожан, вызываемый, скажем, появлением священника не в мантии, а в ризе, или таким «важным» событием, как перемещение причастного стола с одного места на другое и т. п., — нас не должно удивлять поведение этих людей. В церковных спорах прорывалось затаенное негодование, говорившее о приближении политической бури. Требуя новых церковных порядков, англичане XVII в. домогались новых общественных порядков.

По мере того как росло недовольство широких слоев горожан политикой Елизаветы и ее преемников, складывалось религиозное течение, которое требовало доведения реформации до

конца. Очищение церкви от всего, что даже внешне напоминало католический культ,— таковы были первые требования последователей этого течения — пуритан (от латинского слова *rigus* — чистый). Пуритане требовали удаления из церкви всяких украшений, образов и алтарей, покрывал и цветных стекол; они не терпели пения на клиросе и органной музыки; вместо молитвы по богослужебной книге они требовали устной проповеди; они не желали бить поклоны при упоминании имени Христа, осенять крестом крещаемых, вставать при чтении евангелия, преклонять

Пуританин.

колени, принимая причастие, и т. д. А так как англиканская церковь продолжала держаться всех этих «языческих», по мнению пуритан, обрядов, упорствующих пуритане предпочитали собираться в частных домах и всюду, где представлялась возможность, совершать богослужение в такой форме, которая менее всего, как они выражались, «затемняла бы свет их совести».

Мы знаем уже, что скрывалось за требованием «упрощения» и уदेशвления церкви. Но пуритане вели себя соответственно и в повседневной жизни. Их легко было узнать по той внешней суровости, которой веяло от

всего их облика. На их лице — вечная печать внутренней сосредоточенности и благочестия. Они молчаливы и черствы в обращении с людьми; свою речь, краткую и деловитую, они то и дело пересыпают библейскими притчами и сказаниями. Черный невзыскательный костюм пуританина резко бросается в глаза среди ярких нарядов англикан. Его воротники и манжеты — из простого полотна, в отличие от шелков и кружева знати. Пуританин не терпит ни малейшего проявления жизнерадостности: смех и пение, танцы и театральные представления, игры и музыка — все это для него одно лишь зазорное легкомыслие, наваждение дьявола, сплошной грех. Пуританин бережлив до скупости, он трудолюбив и прилежен. Его девизом могут служить слова, однажды сказанные Яковом Фуггером: «Пока я жив — хочу зарабатывать»; но заработанное

он тратит не для удовольствий, а на новые предприятия, которые умножили бы его состояние.

Поистине у колыбели капитализма стояла мрачная, неугомонная и ненасытная богиня, имя которой — Нажива! Да это и понятно, если учесть положение буржуазии, рождающейся в феодальном обществе. Если дворянин и промотавшись оставался знатным: графом, герцогом или бароном, сохраняя доступ во дворцы и замки, то цеховой мастер и торговец прекрасно сознавали, что их сила в обществе и государстве заключается только в одном богатстве. Только оно открывало перед ними тяжелые двери парламента и давало им вес в обществе.

Пуританин был до фанатичности религиозен. Он искренне верил в свою «избранность» и «непогрешимость», но практически это лишь означало, что он столь же горячо верил в правоту своих социальных земных требований. Пуританин требует освобождения от гнета епископальной церкви, поскольку порядки последней стесняют его жизнь и хозяйственную деятельность. Освобождение коммерческой наживы от каких-либо стеснений отныне определяет собой содержание его религии. Он не знает милосердия и презирает бедняка, как отверженного богом, который возвысил одних и принизил других.

Но если внешний облик пуритан мог вызывать только насмешки их противников, то их политические настроения вызывали у врагов страх и озабоченность. Это относилось в первую очередь к той секте пуритан, которая сложилась в 90-х годах. Последняя требовала не только очищения церкви от «языческих» обрядов, но и реорганизации ее на кальвинистских началах. Не признавая власти епископов, назначенных сверху, они требовали замены их синодами пресвитеров-старейшин, которые избирались бы церковными общинами (отсюда самое название этих пуритан — «пресвитериане»). Впоследствии король Яков I правильно оценил всю опасность, которую представляли для монархии эти требования: «без епископа — нет и короля».

Но и для пуритан церковь оставалась полицейским учреждением, т. е. учреждением, наделенным по отношению к верующим правом принуждения. Носителями этого принуждения и контроля над совестью членов общины должны были стать «пресвитеры» — самые почтенные, а стало быть, наиболее именитые и богатые люди. Иными словами они мечтали о подчинении церкви буржуазии, о превращении ее в моральное и политическое орудие этого класса. Пуритане не только стремились установить суровый полицейский контроль над жизнью верующих, они непримиримо относились ко всем проявлениям инакомыслия и были готовы жестоко карать отступников от кальвинистской догматики.

Наконец, на крайнем левом фланге пуритан в то время стояли немногочисленные сторонники полной независимости каждой церковной общины. Отсюда их название конгрегационалисты.

(впоследствии их назовут «индепендентами», т. е. независимыми). Они требовали, чтобы община верующих не знала подчинения ни папе, ни епископу, ни королю, ни даже пресвитерам и их синоду. Представители этого направления считали, что каждая община верующих должна быть самостоятельная в делах веры (разумеется, оставаясь на почве кальвинистского учения). Для этих «независимых» за пределами общины верующих уже не существовало никаких авторитетов в делах веры. Что могли означать для них земные авторитеты и церковные установления, если они самих себя считали «святыми» (godly), «орудием неба» или, как впоследствии Кромвель сам себя называл, «стрелой в колчане бога». Легко себе представить, сколь разрушительными должны были казаться эти взгляды всем сторонникам старых порядков.

В 90-х годах Елизавета писала своему будущему преемнику на английском престоле, в то время королю шотландскому — Якову Стюарту: «Позвольте мне предостеречь вас: как в вашем королевстве, так и в моем возникла секта, угрожающая опасными последствиями. Они желали бы, чтобы совсем не было королей, а только пресвитеры, они стремятся занять наше место, отрицают наши привилегии, прикрываясь словом божьим. За этой сектой надо хорошо доглядывать». И Елизавета взялась за выполнение этой задачи, призвав на помощь тюрьму и виселицу. Вот почему еще в конце ее царствования немало пуритан вынуждено было покинуть Англию и направиться в Голландию, где уже победил кальвинизм. В начале XVII в. пуритане в поисках «земли обетованной» первыми отправляются за океан, в североамериканские колонии.

Так в пуританской драпировке зрела в Англии буржуазная революция, которая именем «новой веры» будет сражаться за новое общество.

ГЛАВА IV

Яков I Стюарт и английский парламент

Все присущие английскому обществу особенности не могли, конечно, не отразиться и на политическом строе страны. Как и во Франции, власть здесь находилась в руках феодального дворянства, интересы которого представлял король. Как и во Франции, королевская власть здесь к началу XVI в. чрезвычайно укрепилась. Развитие торговли и промышленности, которое она до поры до времени поддерживала, дало ей могущественное средство — массу денег, ставших «главным нервом войны», а стало быть, и основой могущества. Тюдоры были почти

неограниченными правителями страны. Парламенты, хотя и продолжали собираться, были в то время рабски, покорны королю. Реальная власть сосредоточилась в королевском дворе — в Тайном совете, в чрезвычайных судах — Звездной палате, Высокой комиссии и т. д.

Однако абсолютизм в Англии никогда не достиг того могущества, которым отличалась королевская власть во Франции при Людовике XIV. Следует удивляться не ослаблению английского парламента при Тюдорах, а тому, что даже при Тюдорах он продолжал собираться и выполнял свои функции, в то время как генеральные штаты во Франции фактически перестали существовать.

Эта особенность английского государственного строя, сохранявшаяся к началу XVII в., объясняется многими причинами. Главные из них следующие.

В отличие от французских английские короли не имели сколько-нибудь значительных постоянных доходов, которые сделали бы их материально независимыми от воли парламента, — постоянных налогов. В средние века большая часть расходов королевского двора покрывалась в мирное время за счет доходов с коронных владений, или, как тогда говорили, «король жил за свой счет». В случае войны, когда расходы резко увеличивались, король созывал съезд представителей всех сословий: духовенства, дворян и горожан — парламента, разрешавший ему одновременно собрать с подданных определенного размера налог. Сам же король мог требовать от своих подданных платежи лишь в тех случаях, когда они были держателями его земель. Других финансовых обязанностей по отношению к трону английские подданные не признавали. Таким образом, король Англии мог собирать налоги только с разрешения парламента. Этот порядок, существовавший сотни лет, стал со временем рассматриваться как единственно законный, и все, что его нарушало, считалось противозаконным. Не имея в своем распоряжении постоянных налогов, король не мог содержать и постоянной армии. Оборона Англии основывалась на территориальной милиции, в которую зачислялись свободные жители графств и которая собиралась только в час опасности и расходилась по домам, как только угроза миновала.

Но если парламента был столь важной частью английской государственной машины, что от него не могли отделаться даже могущественные Тюдоры, то Стюартам и подавно это было не под силу. Уже Елизавета распродала значительную часть своих коронных поместий и таким образом резко сократила доходы казны. К тому же, наступившее в это время в Англии обесценение денег уменьшило реальные размеры старых феодальных платежей, сумма которых была раз и навсегда установлена. Тем временем расходы короля непрерывно возрастали и нужда в деньгах все увеличивалась.

Королю не оставалось ничего другого, как обращаться к парламенту. Итак, сила парламента отчасти заключалась в «бедности» короля, так как король каждый раз был вынужден собирать парламент ради получения субсидий — новых налогов. Рассмотрим поближе английский парламент.

Собиравшийся в Вестминстерском дворце парламент делился на две палаты — верхнюю и нижнюю.

В верхней палате заседали лорды — наиболее крупные землевладельцы страны, являвшиеся наследственными членами верхней палаты. Палата лордов — наследственное собрание английской знати. Впрочем, королевская милость очень часто доставляла это право далеко не знатным подданным, но зато всегда богатым. Членами этой аристократической палаты являлись также епископы, получавшие это право вместе с епископским саном..

Охраняя свои привилегии и власть, большинство лордов полностью поддерживало политику Якова I, так же как и его преемника. Они пользовались своим правом «вето» (запрета), чтобы отвергать неугодные им и королю законодательные начинания нижней палаты. Зато только нижней палате принадлежало право утверждать новые налоги, и в этом заключалась ее главная сила.

Нижняя палата — палата общин — была более многочисленной и менее знатной по своему составу. Однако и она была как небо от земли далека от нужд и интересов широких масс народа. Из 4-миллионного населения страны в ней было представлено не более 200 тысяч. Члены ее избирались в графствах и в ряде городов и местечек, которые либо исстари пользовались этим правом, либо приобрели его впоследствии у короля за деньги. Рыцарей графств в парламенте было 90, представителей городов и местечек 400. Между тем $\frac{3}{4}$ населения страны жило вне городов.

При этом избирательными правами пользовался только узкий круг людей — обладатели фригольдерских держаний с доходом не менее 2 фунтов — в графствах и только полноправные (зажиточные) члены корпораций — в городах. Если вспомнить многочисленных сельских дворян, живших в графствах и помыкавших многими зависимыми от них держателями, то нетрудно будет понять, почему графства всегда были представлены в парламенте дворянами. Более того, дворяне во многих случаях избирались и от городов, так как последние либо находились на земле знатного лица, либо нуждались в его покровительстве. Йомена и ремесленника в палате общин в то время и с огнем нельзя было отыскать.

Однако то обстоятельство, что сельские дворяне заседали вместе с представителями городских буржуа в одной палате, отражало существовавшее в Англии тесное переплетение их интересов и показывало, как сильно английское дворянство нового

времени отличалось от дворянства Франции, кичливые представители которого пришли бы в ужас от одной только мысли, что им придется сидеть рядом с «сыновьями сапожников». Эта особенность поможет нам понять, почему английские буржуа в грядущей борьбе против феодальной монархии будут сражаться бок о бок с новым дворянством. Влияние этого последнего в провинции было огромно, ибо в руках сельских сквайров по существу находилось все местное управление страны.

Англия в отличие от Франции не знала на местах платных королевских чиновников. Все судебные и полицейские функции безвозмездно выполняли сельские сквайры, которые таким образом сохраняли огромную власть над населением округа. Шерифы, мировые судьи — блюстители порядка и главные исполнители правительственных указов на местах, лорды-лейтенанты — начальники территориальной милиции, — все это были дворяне. Все они назначались короной и сменялись ежегодно. Их влияние было огромно. Вот почему, как правило, на чьей стороне стоял местный дворянин, на той же стороне оказывалось и окрестное население, находившееся под его «началом» и в сложной политической обстановке не всегда понимавшее свои непосредственные интересы. В организации боевых сил обоих лагерей — как королевского, так и парламентского — английскому дворянству предстояло сыграть руководящую роль.

Обратимся теперь к Якову I Стюарту и попытаемся выяснить, каковы были его политические взгляды, как мыслил он свою власть в качестве носителя короны «Англии, Шотландии и Ирландии»?

Свои воззрения на сущность королевской власти Яков изложил еще в 1598 г. в книге «Истинный закон свободных монархий». В ней он утверждал, что королевская власть установлена не людьми, а богом, что король — наместник бога на земле и поэтому подданные должны трепетать перед престолом и относиться с благоговением и любовью к личности короля. Но если власть короля, продолжал он, не земного происхождения, а является властью «божьей милостью», то король не может считать себя связанным какими-либо законами страны, так как эти законы установлены не богом, а людьми. Следовательно, король выше этих законов. За свои поступки он может держать ответ только перед богом; подданные имеют одну обязанность — безусловно повиноваться воле короля. Более того, если они даже считают, что король злоупотребляет своей властью во вред их интересам, им ничего не остается, как молиться богу, чтобы тот вразумил и направил короля «на путь истины». Насилие над королем равносильно насилию над божеством. Парламент получает свою власть и привилегии от короля, он призван только «осведомлять» короля о своих желаниях, но не имеет никакого права обсуждать королевские действия. «Безбожие и богохульство — обсуждать, что может сделать бог; точно также сомне-

ние и высокое пренебрежение со стороны подданных — обсуждать, что может сделать король, утверждать, что король не может делать того-то и того-то». Надо довольствоваться королевской волей: «Я — ваш король, я поставлен править вами и отвечать за ваши ошибки».

Так новый король с аргументами богослова и притязаниями на неземную мудрость излагал парламенту свою теорию абсолютизма. Яков I откровенно рассматривал себя в качестве неограниченного монарха, управляющего Англией произвольно по принципу: «Воля короля — закон для подданных!» Только совершая каждый раз насилие над собой, он обращался к парламенту, к которому относился с явным отвращением. «Не понимаю, — заявил он однажды испанскому послу, — как мои предки могли допустить такое учреждение. Я чужой здесь, я застал его, когда пришел, я должен мириться с тем, от чего не могу избавиться».

Даже могущественные Тюдоры, на деле приближавшиеся к неограниченной власти, и те не находили нужным публично говорить об абсолютном характере своей власти и тем самым бросать открытый вызов парламенту. Правда, вскоре выяснилось, что Яков в гораздо большей мере способен рассуждать о неограниченности своей власти, чем осуществить ее на деле. Но именно поэтому парламент не желал оставить без отпора ни одного из его притязаний.

Палата общин уже в 1604 г. заявила: «Ваше величество было бы введено в заблуждение, если бы кто-либо убедил вас, что король Англии имеет какую-либо абсолютную власть сам по себе, либо — что король может единолично изменить существующие законы страны». Общины далее упорно настаивали на том, что их привилегии основаны не на «доброй воле» короля, как угодно думать Якову, а на «исконных правах», что права эти не могут быть у них отняты, так же как имущество и владения у подданных. И с полным сознанием своей силы, которая заключалась в обладании денежным мешком страны, палата заключала: «В этой стране нет палаты, которая стояла бы над общинами, которая могла бы сравняться либо в достоинстве, либо во власти с этой высокой палатой парламента, с королевского согласия издающей законы для других и не принимающей ни от кого другого ни законов, ни распоряжений».

Таковы были те две совершенно противоположные и друг друга исключаящие точки зрения на сущность английской конституции, за которыми стояли и две враждебные друг другу общественные силы страны. В одном из этих двух лагерей были король и все те слои общества, сила и власть которых основывались на феодальных доходах и привилегиях, на расположении и подачках королевского двора.

В другом — палата общин, выражавшая интересы городских буржуа и сельских сквайров, цехового мастера и крупного кре-

стьянина — йомена, одним словом — всех англичан с интересами предпринимателей, которых феодальная монархия сковывала по рукам и ногам, людей, которым она предоставляла возможность накапливать капиталы лишь для того, чтобы тут же всевозможными способами переправить их в карманы привилегированных тунеядцев.

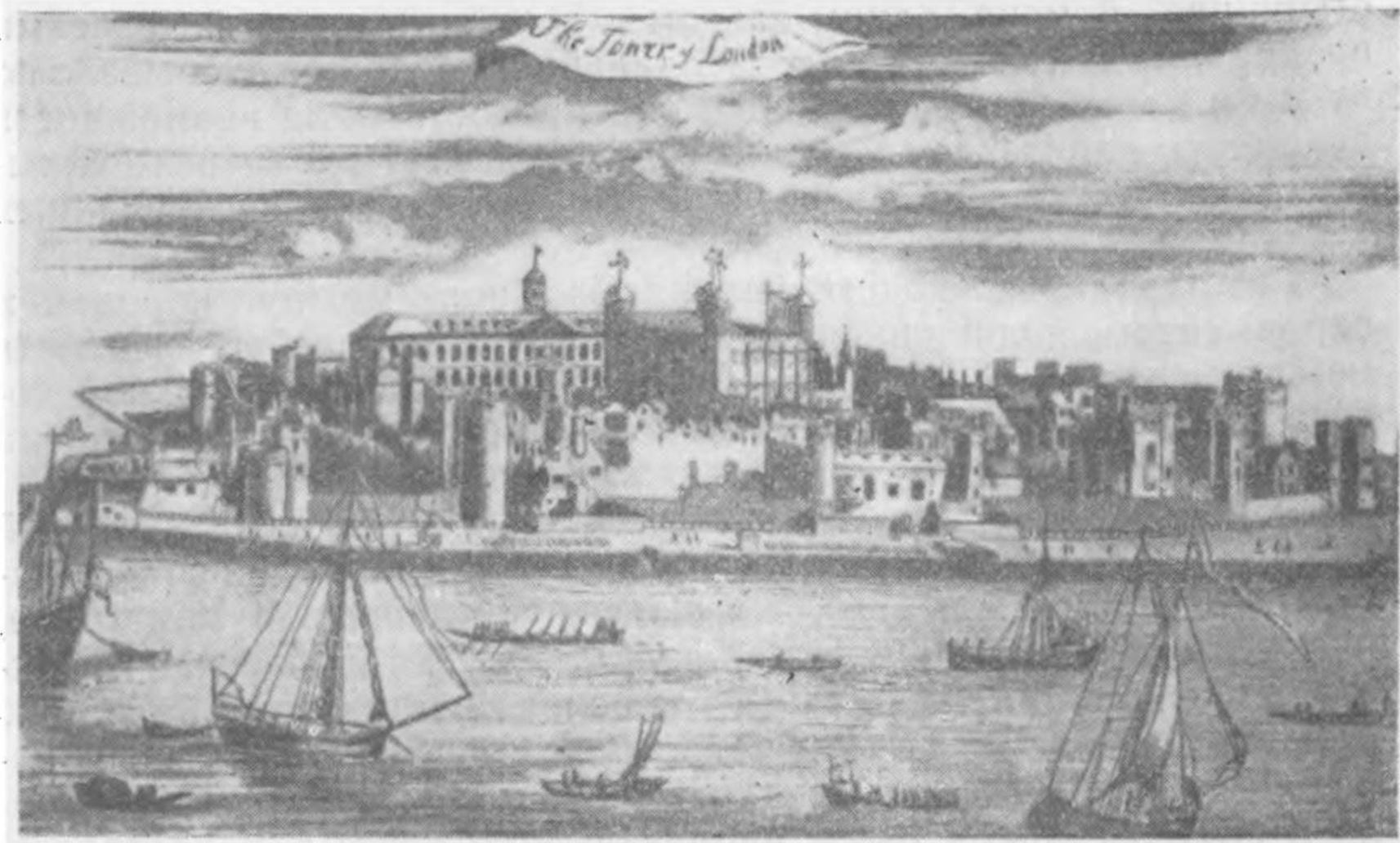
Так зародился «конституционный» спор между королем и парламентом, являвшийся не чем иным, как борьбой за власть между феодальной знатью и буржуазным классом, борьбой которая, как все великие исторические споры, могла быть решена лишь силой оружия на полях гражданской войны.

Однако имея абсолютистские замашки французских королей XVII в., Яков I был лишен их средств и возможностей. Расточительный Стюарт с первых же шагов, очутившись в Уайтхолле, оказался в тисках финансовой нужды, из которой он почти никогда не выходил. «Великая королева» Елизавета не только оставила своему преемнику совершенно пустую казну, но и передала ему 400 тыс. фунтов долгу. Вся изобретательность короля и его советников была направлена на одно: как раздобыть деньги? От парламентов Яков почти ничего не мог добиться. Едва собиралась палата и король раскрывал рот, чтобы требовать субсидии, как общины, словно забывая, для чего король собрал их в Вестминстере, начинали свои бесконечные жалобы на злоупотребления Якова и его советников. Они, не скрывая возмущения, спрашивали, почему король арестовывает членов палаты за выступления в парламенте, почему король оказывает давление на выборы, пытаясь провести в парламент угодных ему людей, почему он принуждает подданных платить не установленные и не разрешенные парламентом налоги, почему...? Перечень подобных вопросов и жалоб был бесконечен, и обычно впредь до их удовлетворения, палата и слышать не хотела о разрешении новых налогов в пользу короля.

Да и как могли идти на это общины, если Яков I совершенно отрицал за ними право вмешательства в государственные дела: «Вы, — заявлял он в палате, — имеете на это не больше прав, чем имел бы в этом случае ростовщик, у которого король занял денег».

Пришлось пустить с молотка владения короны. Еще в 1561 г. короне принадлежала десятая часть всего земельного фонда страны, а к 1640 г. коронный домен едва достигал пятидесятой части его, но от этого казна не стала полнее.

Король, таким образом, оказывался перед выбором: либо уступить требованиям парламента, т. е. согласиться на ограничение своей власти, либо доставать деньги в обход парламента, помимо него, т. е. нарушая давно установившиеся в стране порядки. На первое Яков ни в коем случае не соглашался, ибо это, по его мнению, значило «сложить корону к ногам общин не только со своей головы, но и с головы того, кто будет править

Тоуэр.

после меня». «Скорее,— заключал король,— он будет жить, подобно отшельнику в лесу». Оставалось второе. Но, вступив на этот путь, Стюарты неизбежно должны были прийти к революции.

Яков без разрешения парламента взимал старые пошлины и вводил новые. Парламент протестовал. Яков в бешенстве кричал: «Ведь может же брать пошлину король Франции, Дании, почему же я не могу?» Одним он за деньги разрешал вывоз определенных товаров, другим — запрещал. В 1614 г. он в угоду одной группе лондонских купцов запретил вывоз из страны некрашенных и неотделанных сукон и тем самым едва не погубил всю английскую шерстяную промышленность, сбывавшую главным образом неотделанное сукно. В 1618 г. он снова вернул прежние монопольные права компании «купцов-авантюристов», получив с нее 50 тыс. фунтов. За крупные суммы он выдал патенты Виргинской (1606) и Гвинейской (1618) компании.

Двор все чаще прибегал к старинному праву «преимущественной закупки необходимых припасов». Это право зародилось в отдаленные времена, когда не существовало еще развитых рыночных отношений. Применение этого права в XVII столетии было равносильно бесплатной реквизиции продуктов, так как оплата их производилась не по рыночным ценам, а по ценам, произвольно установленным двором.

Пользуясь королевскими указами, придворные спекулянты буквально за бесценок забирали у крестьян и торговцев много

продовольствия и товаров только для того, чтобы, перепродав их втридорога на лондонских рынках, делить с королем чистую прибыль этого выгодного предприятия.

Всю внешнюю торговлю Англии сосредоточили в своих руках отдельные компании, покупавшие у короля монопольное право торговли в той или другой стране. Несмотря на то, что в рядах этих компаний насчитывались тысячи пайщиков, фактически в них верховодили несколько десятков купцов, главным образом лондонских. Что же удивительного, если Лондон получал львиную долю прибылей в этой торговле. Неумеренно разросшаяся голова угрожала «поглотить тощее тело». Так, в начале XVII в. пошлины столицы составляли сумму в 160 тыс. фунтов, а пошлины всех других английских портов — только 17 тыс. фунтов. Парламент уже в 1609 г. требовал от короля объявить торговлю свободной для всех подданных, ибо это «неотъемлемое право всех свободно рожденных англичан». Король же, напротив, думал, что «морские порты — ворота королевства, которые он может перед кем угодно закрыть и открыть». За одно лишь требование «свободной торговли» король многих бросал в тюрьму. В результате резко сократился английский вывоз: в 1613 г. Англия вывозила товаров на 346 тыс. фунтов больше, чем ввозила, в 1621—1622 гг. ввоз в Англию превысил вывоз на сумму в 288 тыс. фунтов.

Еще большее возмущение в стране вызывала продажа королем монополий на производство и торговлю отдельными товарами внутри страны. Уже при Елизавете протесты против этой практики были столь единодушны, что корслева в 1601 г. сочла благоразумным «добровольно» отменить большинство патентов такого рода. При Якове тотчас же возобновилась торговля патентами. Через несколько лет уже было трудно найти такой предмет, который не был бы объектом чьей-либо исключительной монополии: мыло и растительное масло, квасцы и каменный уголь, соль и селитра, бумага и кожи, стекло и пиво — все это благодаря монополиям продавалось втридорога. Вычислено, что в то время как монополии приносили короне ежегодно 70—80 тыс. фунтов дохода, покупатели из-за них переплачивали 200—300 тыс. фунтов в год.

Протесты парламента против монополий в 1609 г. заставили Якова, желавшего получить от парламента субсидию, уничтожить на время ряд ненавистных монополий, но в 1614 г., после роспуска второго парламента, он распродал еще большее количество патентов. Парламент в 1621 г. снова атакует монополии. «Я говорю, — заявил оратор в палате общин, — от имени города, который скорбит и страдает, от имени сельской местности, которая стонет и изнывает под гнетом отвратительных и бессовестных откупщиков... Главнейшие товары моего города и округа сосредоточены в руках этих пиявок». В ответ король вынужден лицемерно заявить: «Волосы становятся дыбом при одной

мысли, как его народ ограблен ими». Однако потребовалось еще три года, прежде чем были уничтожены наиболее ненавистные и осужденные парламентом монополии.

Несмотря на все эти ухищрения, казна по-прежнему была пуста. Елизавета имела ежегодных доходов 220 тыс. фунтов, ежегодные доходы Якова составляли к 1607 г. 500 тыс. фунтов, и тем не менее его долги возросли до 735 тыс. фунтов. Поиски денег становятся все более лихорадочными. Король просит «взаимы» и собирает добровольные пожертвования, торгует должностями, дворянскими титулами. Продажа последних стала настолько обычным и массовым явлением, что даже установилась специальная расценка: титул баронета стоил 1000 фунтов, титул барона — 10 тыс. фунтов, титул графа — 20 тыс. фунтов. За первый год своего царствования Яков I посвятил в рыцари большее количество людей, чем было посвящено за все предыдущее десятилетие. Но так как охотников принимать старинное рыцарское звание было немного, то королю приходилось прибегать к прямому вымогательству. «Подарков и добровольных займов» от имени короля требовали шерифы во всех графствах, за отказ отправляли в тюрьму.

Преследуя все те же фискальные цели, правительство Якова I осуществляло крайне стеснявший производство и внутреннюю торговлю придирчивый, чисто средневековый контроль за качеством изделий. Королевские чиновники должны были осматривать все товары и ставить на них свои печати (пломбы), без которых они не могли продаваться. Ширина тканей и их вес, количество ниток в основе и длина куска — все это тщательно проверялось лишь для того, чтобы, придравшись к нарушению давно устаревших правил, получить желанные взятки или штрафы. Новые изобретения и усовершенствования запрещались под нелепым предлогом возможного ухудшения качества изделий. Буквально каждый шаг цехового мастера или купца регламентировался или находился под наблюдением. Казна, несмотря на все эти меры, оказывалась бездонной бочкой.

✓ Казнокрадство и раздача крупных сумм фаворитам, никогда не являвшиеся новинкой для Англии, при Якове I особенно пышно расцвели. Значительная часть собранных налогов и сборов оставалась в карманах сборщиков и откупщиков. Их частая смена знаменовала отнюдь не прекращение злоупотреблений, а лишь обогащение новых казнокрадов. Государственный аппарат был продан сверху донизу. Взятки брали все, начиная от короля и кончая мировым судьей. Различной была лишь сумма. Арабские скакуны и своры охотничьих собак превращали в воск сердце короля. Графиня Сефокская, жена лорда-канцлера, требовала взятку у всех, кто только имел какое-либо дело к ее мужу. Вместе с супругом она попала в Тоуэр и была оштрафована на 50 тыс. фунтов. Лорд-канцлер Бэкон, знаменитый философ, был отрешен от той же канцлерской должности и с такими же

последствиями за слишком частые и большие «подарки». В палате общин подкупались при случае все более или менее видные депутаты, начиная от Спикера. Судьи и присяжные брались на содержание во время их выездных сессий и получали заранее оговоренную мзду после вынесения соответствующего приговора. Так, в одном отчете судившегося купца мы читаем: «На содержание судьи израсходовано 1 фунт 10 шиллингов, на содержание его лошади 10 шиллингов; за 36 ярдов хорошего широкого сукна для судьи уплачено 3 фунта 9 шиллингов. Завтрак жюри стоил 4 шиллинга 7 пенсов, им же уплачено за труд 5 фунтов».

Где же тут было несостоятельному человеку добиться правосудия. Сплошь и рядом он даже и не обращался в суд, заранее зная, что все дело кончится тем, что его пустят по миру юристы-крючкотворы.

Двор в Англии никогда не был столь расточительным, как при Якове. Многочисленная рать придворных слуг и челяди, все более изысканный придворный этикет, сочетавшийся с невероятным пьянством и обжорством,— все это поглощало значительную долю государственных доходов.

✓ Особую слабость король испытывал к фаворитам, которые один за другим совершенно подчиняли себе безвольного государя. Наиболее характерна в этом отношении головокружительная карьера безвестного сельского джентльмена Бэкингема. Представленный в августе 1614 г. двору даже без рыцарского звания, он к январю 1618 г. стал уже герцогом, а через год — лордом-адмиралом, главнокомандующим английского королевского флота, которого он никогда до этого и в глаза не видел. Только в виде единовременного подарка король передал ему коронные поместья с доходом в 80 тыс. фунтов. До конца дней Якова все знали, что путь к сердцу короля лежит через Бэкингема, и соответственным образом поступали.

Засилье временщиков рождало в широких массах презрение к трону и ненависть к придворным.

Не меньшее негодование вызывала церковная политика первого Стюарта. Надежды многих на то, что король кальвинистской Шотландии и в Англии будет сочувственно относиться к протестантам, быстро поблекли. Когда пуританские проповедники осмелились подать королю на его пути в Лондон петицию от имени «тысячи» священников с просьбой уничтожить некоторые наиболее «нетерпимые» с их точки зрения католические обряды английской церкви, то 10 человек из числа подателей были брошены в тюрьму. На собравшейся по приказу Якова конференции по церковным вопросам в Гемптон-корте (1604 г.) король обрушился на пуритан с бранью и угрозами.

«Если вы хотите,— заявил он им,— собрания пресвитеров (старейшин) на шотландский манер, то оно так же мало согласуется с монархией, как черт с богом. Тогда начнут собираться

Джек с Томом, Уил с Диком и будут обсуждать меня, мой совет, всю нашу политику. Уил встанет и скажет: «Это должно быть вот так», а Дик будет возражать: «Нет, это должно быть вот этак».

Обсуждения, критики, народного волеизъявления, как огня боялся король Яков, усматривавший величайшую опасность в праве простых людей собираться вместе, хотя бы и ради церковных целей.

Упорствующих в своих заблуждениях пуритан он угрожал «вышвырнуть из страны или сделать с ними что-нибудь еще похуже».

И, не дожидаясь выполнения подобных угроз, многие пуритане, распродав свой скарб, сами спешили покинуть «закосневшую в суевериях родину» и направиться к неведомым и суровым берегам Северной Америки в надежде освободиться там от ненавистного короля и ненавистной церкви. Так по ту сторону океана стали возникать все новые английские поселения — колонии.

В самой же Англии, перед лицом все более распространявшегося в массах пуританизма, установился еще более тесный союз меча и креста, короля и англиканской церкви. Сознывая, что «эти люди (т. е. пуритане) начинают с церкви только для того, чтобы развязать себе руки по отношению к государству», Яков I обрушивает на головы пуритан жестокие преследования и казни.

Эта перемена в церковной политике была не менее разительной, чем во всех других областях. Еще два-три десятилетия тому назад главного врага трона видели в лице католиков-папистов. Теперь же для Якова I таким противником стали пуритане. Он называет пуританизм «корнем всех смут и непокорности подданных, их строптивости и всех ересей в стране».

Но так как в большинстве случаев пуритане — это те же городские цеховые мастера и купцы, сельские сквайры и зажиточные крестьяне, то становится совершенно очевидным, что в церковной борьбе лишь находили свое выражение социальные и политические столкновения расколовшегося на два враждебных лагеря английского общества, отражалась только борьба враждебных друг другу классов.

О том, насколько политика первого Стюарта пришла в противоречие с интересами английской буржуазии, выдававшимися последней за «национальные интересы» Англии, ярко свидетельствует внешняя политика Якова I. Как уже отмечалось, развитие английской заморской торговли и стремление английских буржуа к колониальным захватам постоянно наталкивались на колониальное преобладание Испании. Все царствование Елизаветы прошло в ожесточенной борьбе с этим главным врагом «протестантской Англии». Купцы-пуритане привыкли смотреть на носителя английской короны, как на главу и защитника про-

тестантизма не только в Англии, но и во всей Европе. Представление о том, как в Англии начала XVII в. ненавидели испанцев, могут дать два любопытных эпизода, разыгравшиеся на улицах Лондона в царствование Якова. В 1619 г. смельчак, промышлявший на большой дороге, показал свое удалство на улицах Лондона, сорвав с головы испанского посланника шляпу с дорожной бриллиантовой застёжкой. Пришедшая в восторг от этого поступка уличная толпа сделала все для того, чтобы герой дня благополучно скрылся от погони. Ровно через год тот же посланник, путешествовавший по Лондону в носилках, услышал по своему адресу весьма нелестный выкрик: «Смотрите, вот несут черта в навозной телеге». Произошла свалка между слугами посла и уличной толпой. На этот раз дело дошло до дипломатического скандала. Так как посол не получил удовлетворения (толпа не дала публично пороть двух подмастерьев, виновников события), в дело вынужден был вмешаться сам король, и лишь после этого приговор был приведен в исполнение.

Король, несмотря на это, оставался глухим к внешнеполитическим требованиям лондонского Сити. Он действовал в направлении, прямо противоположном этим требованиям. Вместо борьбы с католической Испанией он на протяжении 10 лет продолжал добиваться тесного союза с ней. Даже когда вспыхнула Тридцатилетняя война и Испания оказалась в стане врагов зятя Якова I курфюрста Пфальцкого Фридриха (женатого на его дочери Елизавете), Яков не пошел на разрыв с Испанией; войне он предпочел, чтобы протестантизм в Чехии был разгромлен и зять его изгнан через год после того, как принял ее корону, а также лишен своих наследственных прирейнских земель — Пфальца. Только полк добровольцев вступился за честь Англии с неизбежным результатом: он был разбит, а «могущественный король Англии, Шотландии и Ирландии» продолжал заискивать перед испанским двором, добиваясь осуществления брака между наследником английского престола, принцем Уэльским, Карлом, и испанской инфантой. Ради богатого приданого король согласен был прекратить преследование католиков в Англии и даже превратить королевский двор в гнездо католиков-иезуитов. В основе всей этой происпанской политики Якова I лежало стремление найти внешнеполитическую опору феодально-абсолютистской политики, осуществлявшейся Яковом внутри страны. Нетрудно догадаться, как должны были отнестись широкие слои народа к проектам испанского брака. Когда принц Уэльский и Бэкингам после неудачного сватовства при испанском дворе вернулись домой, по всей Англии их встречали с такой радостью, с таким восторгом, как будто страна избавилась от великой опасности. Повсюду жгли костры, устраивали иллюминацию, звонили в колокола, торжественно встречая путешественников, огорченных неудачей и непредвиденным ликованием соотечественников.

Итак, мы шаг за шагом проследили различные стороны английской жизни в начале XVII в.: сталкивались с представителями различных классов и сословий страны; узнали их религиозные и политические взгляды, их чаяния и думы, их нужды и стремления. Это позволило убедиться в том, как рождался великий социальный конфликт между старой, средневековой и новой, буржуазной Англией, конфликт, в котором Кромвелю предстояло избрать свое место и, избрав его, отстаивать до конца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА V

Молодость

Гентингдон в начале XVII в. был типичным городком сельской Англии. Центр одноименного графства, он насчитывал каких-нибудь 1000—1200 жителей, состоявших преимущественно из мелких сквайров и арендаторов, скотоводов и ремесленников, лавочников и земледельцев. Если с окрестных холмов взглянуть вниз — весь приютившийся у их подножия городок будет как на ладони. По обе стороны грунтовой дороги нестройными рядами вытянулись его приземистые дома с островерхими крышами, образуя главную улицу города. Со всех сторон к нему подступали плавни и торфяники, уходившие вдаль к самому горизонту. Вытекавшая из них река Уза медленно проносила мимо городка свои ржавые воды и тотчас же за его околицей снова терялась в нескончаемой «равнине болот». На фоне этой черной и мрачной равнины выделялись только колокольни двух гентингдонских церквей. Упираясь своими крестами в низкое облачное небо, они стояли, как немые стражи этого затерявшегося среди болот городка.

На одной из его окраин расположился широкий двор местного джентльмена-землевладельца средней руки Роберта Кромвеля. Он был хорошо известен жителям города как строгий и благочестивый пуританин. Но что удивительного? Ведь все его благосостояние, как и всего рода Кромвелей, построено на развалинах монастырей. Его дед, Ричард Вилльямс, принявший впоследствии фамилию своего могущественного родственника Томаса Кромвеля, сумел прибрать в свои руки изрядную долю земель, принадлежавших закрытым в ходе реформации монастырям. Часть монастырских владений унаследовал Роберт Кромвель. Лишить его этих земель — и он перестанет быть джентльментом, потеряет весь тот почет, которым пользуется в родном графстве. Вот почему Роберт — пуританин, всей душой

ненавидящий папистов-католиков, проклинающий папу как «дьявола» и «антихриста».)

В то время как Роберт Кромвель отдает распоряжения по хозяйству, ведет дела с арендаторами, узнает, где можно выгодно сбыть шерсть и мясо, его жена Елизавета тоже не сидит сложа руки. Несмотря на то, что ее фамилия Стюарт, давала ей повод подозревать в своих жилах «королевскую кровь», Елизавета отнюдь не стеснялась содержать пивное заведение.

25 апреля 1599 г. даже на лице молчаливого, хмурого Роберта засветилась счастливая улыбка: у него родился второй сын, Оливер. Детство Оливера Кромвеля овеяно легендами. Рассказывали, будто в четырехлетнем возрасте он встретился во дворце своего дяди в Хинчинбруке с трехлетним наследником престола и в первой же стычке до крови разбил нос будущему королю Карлу I. Говорили, что однажды в предраассветной мгле маленький Оливер будто увидел устремленные на него огненные глаза, и чей-то голос произнес: «Ты будешь великим человеком». Все эти легенды родились в ту пору, когда жизнь Кромвеля клонилась к концу, а слава его достигла зенита. Достоверных сведений о детстве и юности будущего протектора сохранилось мало. Однако некоторые факты несомненны.

Вся окружавшая Оливера домашняя обстановка была насквозь пуританской. В то время как другие дети по воскресным дням пели и играли на городской лужайке, Оливер вместе с сестрами в сопровождении отца и матери отправлялся в церковь, а затем, после обеда, должен был высиживать часами за столом, за которым отец читал из какой-то толстой книги бесконечные молитвы. Они были скучны и непонятны, но отдельные, часто повторявшиеся слова: «ад», «огонь», «божий гнев» — навевали страх и врезывались в память впечатлительного мальчика.

Строго пуританской была обстановка, царившая в гентингдонской начальной школе, куда Оливер был отдан в ученье пуританскому доктору Бирду. Благочестивый доктор только то и делал, что рассказывал, какие страшные кары ждут на том свете тех, кто предается легкомысленным забавам, поет и смеется, играет и танцует. Он был неистощим на примеры, показывающие, как сурово бог наказывает не только больших, но и малых грешников. Когда не помогали слова, на выручку приходила розга, часто гулявшая по спине его учеников и наглядно убеждавшая, сколь неприятен гнев божий.

Следующим шагом Кромвеля по пути науки был Кембридж. В апреле 1616 г., в год смерти великого Шекспира, отец привел 17-летнего Оливера в колледж старинного университета и сдал его на попечение пуританского доктора Сэмюэля Уорда. Хотя богословие все еще оставалось стержнем университетской науки, оно не было единственным предметом обучения — в колледже преподавались также геометрия и арифметика, риторика и логика, латынь и греческий. Мы не знаем доподлинно, как занимал-

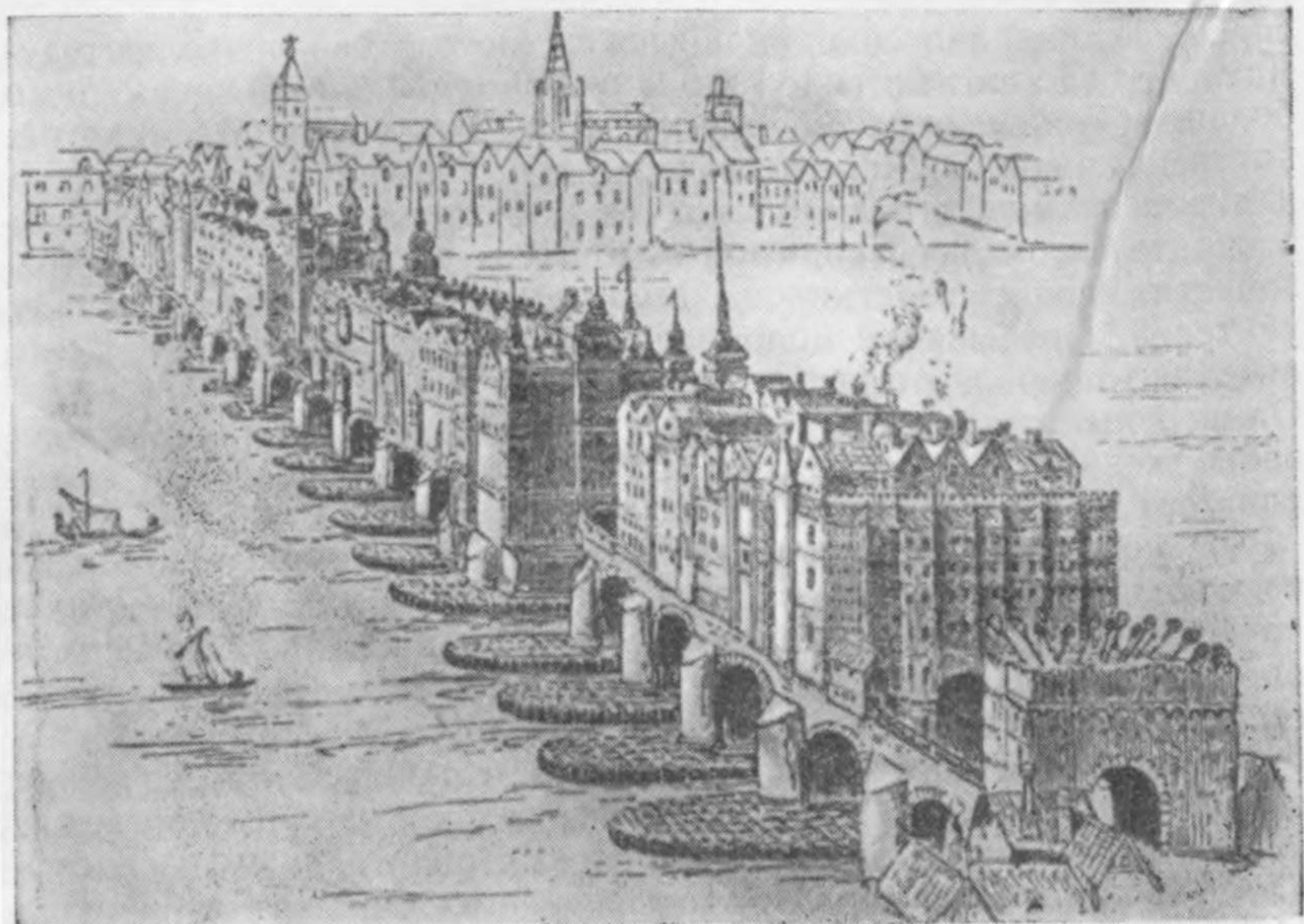
ся Оливер, однако сохранившиеся свидетельства позволяют думать, что за книгами сидел он не очень прилежно. С неизмеримо большим увлечением он занимался верховой ездой и охотой, которые ему полюбились еще в родном Гентингдоне; он плавал и играл в мяч, стрелял из лука и фехтовал. Одним словом, в спорте он, по всей видимости, гораздо чаще был предметом зависти своих сверстников, чем в науке заслуживал похвалу учителей. Пребывание молодого Кромвеля в университете было внезапно прервано смертью отца. Летом 1617 года 18-летний Оливер вынужден был вернуться домой, чтобы помочь матери вести хозяйство — ведь он был единственным сыном в семье (два его брата умерли еще в детстве).

Из университета, однако, Кромвель вынес сохранившееся на всю жизнь преклонение перед светскими науками, известную начитанность, во всяком случае в истории. Так, рекомендуя впоследствии своему сыну Ричарду «Историю» Рэли, он писал ему: «Эта книга содержит связанное изложение истории, и она будет тебе гораздо более полезна, чем отдельные исторические отрывки». В родном доме он на этот раз прожил два года, выказав себя, на удивление соседям, весьма рачительным и способным сквайром. В 1619 г. мы слышим, что Оливер отправился в Лондон изучать право. В этом не было ничего удивительного. Сельскому сквайру с его многочисленными земельными и торговыми делами знание права было крайне необходимо. Кроме того, не забудем, что каждый сквайр мог быть назначен мировым судьей или избран в парламент, где без юридических знаний нельзя было сделать и шагу.

20-летний Оливер, статный и плечистый, производил впечатление силача. Его темнорусые волосы густыми волнами ниспадали на плечи. Высокие брови, как крылья, поднимались над большими, задумчивыми и несколько грустными серыми глазами. Но эти же глаза временами метали огонь, и редко кто выдерживал их взгляд. На его широком и энергичном лице выдавался длинный мясистый нос, ставший со временем излюбленной мишенью всех роялистских насмешек. Глубокая волевая складка над переносицей и резко очерченный подбородок выдавали твердый характер, внутреннюю сосредоточенность, целеустремленность и решительность. Последняя еще более подчеркивалась тонкими, плотно сжатыми губами, над которыми выделялись небольшие усы. Квадратная борода — позднейшее прибавление к его портрету.

Обветренное, красное лицо Кромвеля, его грубого покрова провинциальная одежда должны были сразу обнаружить в нем сельского сквайра. Именно таким его и встретил Лондон.

Легко себе представить, какое огромное впечатление на провинциального джентльмена произвела столица — средоточие английского богатства и роскоши. С первой утренней зарей просыпался этот огромный город, раскинувшийся по берегам Темзы.

Лондонский мост.

Как бы расталкивая плотно сгрудившиеся деревянные строения, там и здесь поднимались сверкающие стеклом и мрамором особняки столичной знати, высились соборы и просторные палаты торговых компаний, а над муравейником шумного Сити господствовала монументальная громоздкая Биржа. Через многочисленные заставы ежедневно въезжали сотни подвод, доставлявших сюда продукты и изделия со всех концов страны. К лондонским причалам ежедневно прибывало множество больших и малых кораблей, бороздивших все моря и океаны Земли. Какие только товары не выгружались из их трюмов! Какие горы товаров, лежавшие у причалов, они увозили отсюда! Но кроме всего прочего, моряки доставляли совершенно особый и очень ходкий товар — новости. И в порту по утрам собиралась жадная до них толпа. Бывал здесь часто и молодой Кромвель, заслушивавшийся рассказами о битвах, бушевавших в немецких землях, где шла не первый год Тридцатилетняя война. Кто знает, может быть, в эти минуты рука молодого джентльмена тянулась к рукоятке шпаги, висевшей у него на боку, и он готов был ринуться в Германию, чтобы в рядах протестантов сразиться с «нечестивыми католиками».

Но вот новости исчерпаны, и толпа постепенно расползается во все стороны по узким и пыльным улицам Сити. Одни спешат в Вестминстер, находившийся тогда в некотором отдалении от города, — у них дела в парламенте или в одной из королевских

канцелярий; другие — на биржу, которая с раннего утра жужжит, как улей, на всех языках мира. Здесь продают и покупают, делают заказы, смотрят образцы товаров и заключают контракты. Здесь богатеют и разоряются с одинаковой быстротой; тут накапливаются баснословные состояния, но часто отсюда же уведут в долговую тюрьму. Третьи направляются к собору Св. Павла, площадь которого представляла собой своеобразный городской клуб, где золотая молодежь щеголяла нарядами, а студенты школ правоведения — знанием латыни; тут же предлагали свои услуги астрологи и врачи, повара и лакеи. Любители развлечений спешат в Заречье, где устраиваются театральные представления и травли быков и медведей. Столь же оживленно на Лондонском мосту, единственном тогда мосту, соединявшем Сити с пригородом Саузерк. На нем расположились дома и многочисленные лавки. Здесь всегда бродит толпа зевак и бездельников в ожидании уличных драк и сплетен. Народу везде так много, что приходится буквально протискиваться. Стук колес и ржанье лошадей, уличный говор и смех покрываются выкриками продавцов сладостей, водоносов, зазывал, привлекающих покупателей в торговые лавки. Зачастую здесь раздавались зычные возгласы королевских глашатаев, объявлявших, кто сегодня будет повешен на городском пустыре Тайберн или чья отрубленная голова будет по древнему обычаю выставлена на Лондонском мосту. Вечером город окутывает мрак и улицы пустеют — хозяевами их становится темный люд. Где-то в отдалении стучат в свои колотушки городские сторожа, бьют часы на башне, и время от времени перекликаются часовые лондонской крепости-тюрьмы Тоуэр...

В Лондоне Кромвель провел целый год. Что он там делал, действительно ли изучал английское право или попросту проматывал на шумных пирушках присылаемые матерью деньги, — сказать затруднительно. Известно лишь, что 22 августа 1620 г. Оливер Кромвель, 21 с половиной года от роду, женился на Елизавете, дочери богатого лондонского купца-меховщика, бывшей на год старше его. Он поддержал старую традицию своего рода: это был типичный брак «предприимчивого сквайра» стюартовской Англии.

ГЛАВА VI

Сельский сквайр

Год 1620. В пасмурное и туманное утро октября из просторного двора, расположенного на краю Гентингдона, выехал статный всадник на вороном коне и сразу же пустился в такую бешеную скачку, что прохожие шарахались в стороны и прижима-

лись к плетням. Они тотчас же узнали всадника: конечно же, это Оливер Кромвель, лучший наездник всей округи, и, невольно поворачивая вслед за ним головы, любовались его захватывающей дух ездой. Вскоре всадник растаял в густом тумане, волнами наплывавшем на городок из окрестных плавней.

Целый день молодой Кромвель не знает ни минуты покоя. Со времени его возвращения из Лондона на его плечи полностью легли заботы сельского хозяина. А эти заботы оказались теперь далеко не легкими. 20-е годы были чрезвычайно неблагоприятными для земледелия. Цены на пшеницу резко упали, мясо продавалось за половину стоимости, везде ощущался застой в торговле. К тому же урожай 1622/23 гг. был намного ниже среднего. Даже в следующие 5 лет (1625—1630) цена квартера пшеницы была на 10 шиллингов ниже, чем в 30-х годах. Земельные ренты резко снизились. Немудрено, что именно в эту пору разорился наиболее состоятельный представитель фамилии Кромвелей — старый Оливер, владелец Хинчинбука. В 1627 г. он продал за бесценок свой роскошный дворец и ушел доживать свои дни в сельский дом, затерявшийся где-то среди болот. Кромвель же был только мелким сквайром: 2 акра пастбищ, 4 акра луга и какое-то, во всяком случае весьма скромное, количество пахотной земли — это все, чем он располагал. Правда, унаследованное им отцовское имение приносило 300 фунтов в год, но если учесть, что, кроме него и жены, в доме жила и мать Оливера Елизавета, что необходимо было выделить приданое для четырех сестер, то доход этот окажется весьма скудным и для мелкого джентльмена. Нужны были трезвая расчетливость, сдержанность и умение довольствоваться малым, чтобы устоять в это трудное время. И Кромвель устоял.

Не имея средств содержать управляющих, он сам входил во все мелочи хозяйства. С утра нужно было отправить на работу батраков, указать, что кому делать, а в течение дня съездить в поле, чтобы увидеть, как идет работа, проведать стадо коров и овец, пасущихся на лугу, посмотреть конюшни и амбары, съездить к судье поговорить о составлении арендного контракта, выслушать жалобы одного держателя, напомнить другому, что пора платить ренту. Дел много, и в их однообразном круговороте проходят месяцы, складывающиеся в годы, а Кромвель молод, в нем бурлит неисчерпаемая энергия, и он дает ей выход в многодневных охотах с борзыми и без борзых, с соколами и без них, в шумных пирушках в городской таверне, в лихой верховой скачке, уносившей его от докучных забот в туманные просторы Восточной Англии.

Идут годы, и у Кромвеля появляются дети: в 1621 г. сын Роберт, в 1623 — Оливер, в 1624 — дочь Бриджет, в 1626 — сын Ричард, в 1628 — сын Генрих. Наблюдая со стороны жизнь Кромвеля в эти годы, поистине трудно было заметить в ней что-либо такое, что отличало бы ее от жизни тысячи других сквай-

ров, его близких и далеких соседей. Казалось, трудно было во всей Англии найти более типичного сельского джентльмена, чем Кромвель. Только близко знавшие его люди могли убедиться, какие большие внутренние силы таятся в этом человеке. Много времени прошло, прежде чем эти силы претворились в действия, решавшие судьбы Англии.

Свое положение в обществе в эти годы лучше всего охарактеризовал впоследствии сам Кромвель: «Я был джентльмен по рождению и жил не в очень высоких кругах, но и не в неизвестности»!

Но оставим на время Кромвеля с его будничными заботами мелкого сквайра и мысленно перенесемся в Лондон.

Последние годы Якова I были достойным завершением всего его неумного правления. Находясь постоянно в тисках безденежья, он тем не менее продолжал цепляться за беспочвенные абсолютистские домогательства. Его заносчивое обращение с общинами все более расширяло пропасть, давно уже разделявшую корону и парламент.

Яркий в этом отношении эпизод разыгрался в третьем парламенте Якова в 1621 г. Когда палата общин осмелилась просить короля, чтобы наследник престола Карл женился не на католичке, а на протестантке, Яков, лелеявший мечту об испанском браке, ответил письмом, в котором запретил палате впредь обсуждать какие-либо вопросы его внутренней или внешней политики, пригрозив, что ослушники будут подвергнуты наказанию вопреки древнему правилу, гласившему, что член палаты не может быть привлечен к ответственности за свои действия в парламенте. На эти угрозы общины в свою очередь ответили «протестацией», в которой говорилось, что «свобода и привилегии парламента являются древним прирожденным правом и наследием всех английских подданных, которого нельзя у них отнять». Выведенный из себя Стюарт после нескольких дней колебаний 30 декабря приказывает принести в Уайтхолл журнал парламента и собственноручно вырывает из него страницу с указанной «протестацией». Парламент распущен, но субсидии королю не утверждены. Положение королевского зятя, потерпевшего поражение курфюрста Фридриха, отчаянное. Честь короны, общественное мнение страны требовали вмешательства Англии в войну, но денег не было. Прибегли к принудительному займу, но вместо 200 тыс. фунтов он принес только 70 тыс. Вместо хорошо снаряженной армии отправляют небольшой, наспех собранный отряд, половина солдат которого погибла от болезней, прежде чем увидела врага. Везде неудачи, авторитет короны попорчен. Якову ничего не остается, как снова обратиться к парламенту. Последний его парламент собрался 19 февраля 1624 г. К этому времени провал испанского сватовства превратил придворных вельмож из поклонников в горячих противников Испании, ратовавших за войну с ней. Такая война была давнишней мечтой анг-

Карл I Стюарт.

лийского купечества, упорно стремившегося сокрушить колониальное могущество «любимейшей дочери Рима». Однако пришедшую было в восторг палату общин Яков вскоре облил ушатом холодной воды. Он желает оставаться «мирным королем»: испанская война должна ограничиться вмешательством в германские дела в пользу зятя-курфюрста. Вместо дешевой морской войны по образцу Дрейка затевалась дорогостоящая континентальная война; вместо торговой войны — война династическая. Королю утверждают только половину просимой субсидии. 23 мая 1624 г. сессия парламента была прервана, но возобновить ее он уже не успел: 27 марта 1625 г. Яков I умер; его сын, 25-летний принц Уэльский Карл, становится королем Карлом I.

Привлекательная внешность, изящные манеры, увлечение спортом и склонность к искусству, в особенности к живописи, — все это на первых порах приносит королю популярность. Ему устраивают в Сити торжественную встречу. Но, увы, очарование оказалось мимолетным. Под блестящей мишурой вскоре обнару-

жилося хорошо знакомое отталкивающее обличье Стюарта. Еще более ограниченный, чем его отец, он страдал таким же болезненным самомнением. Неуравновешенный и вспыльчивый, он редко принимал обдуманные решения. Лживость и лицемерие Карла вскоре полностью подорвали доверие к королевскому слову.

Вместе с короной отца Карл унаследовал и его могущественного фаворита герцога Бэкингемского, который и при нем оставался полновластным хозяином страны. Франция в эти дни имела во главе умнейшего политика кардинала Ришелье, Англия — жалкого, но красивого шута, абсолютно бездарного и невежественного фаворита. Пуританская Англия желала королеву-протестантку; Карл, вместо католички-испанки, женился на католичке-француженке, сестре короля Людовика XIII, своенравной и легкомысленной Генриете-Марии. Будучи на 10 лет моложе своего супруга, Генриета вскоре полностью подчинила себе слабохарактерного и безвольного Карла, который и шагу не делал, не спросив ее совета. Но какие советы могла дать эта иноземная королева, совершенно чуждая английским порядкам и глубоко ненавидевшая их?..

Таков был король, которому суждено было оказаться у державного кормила Англии в наиболее бурное время ее истории. Понадобилось всего 4 года, чтобы разрыв между королем и парламентом стал полным и окончательным. И это естественно, так как буквально с первых же шагов политика Карла I во всех областях оказалась в полном противоречии с теми интересами буржуазии и обуржуазившегося дворянства, которые выражал парламент. В самом деле: долгожданная война, начатая, наконец, с Испанией, рассматривалась Карлом главным образом как месть за личные обиды. Вопреки воле буржуазии он намерен был вести эту войну не столько на море, сколько на полях Германии (чтобы вернуть сестре потерянный Палатинат), и притом не совместно с протестантскими странами, а в союзе с королем католической Франции, который у себя дома громил протестантов-гугенотов. Естественно, что на такую войну общины денег давать не желали. Они не соглашались предоставить королю пожизненно (как это делалось при Тюдорах) пошленные сборы, взимавшиеся при ввозе и вывозе товаров, — опасно сделать Стюарта в денежном отношении независимым от парламента. Парламент требовал решительной борьбы с католиками, которые явно осмелели, надеясь на заступничество королевы-католички. На словах король соглашался на усиление репрессий против них, но на деле оставлял их совершенно безнаказанными. И в этом нет ничего удивительного: ведь вместе с королевой в Англию приехал целый обоз католических священников, которые свили себе при дворе теплое и безопасное гнездо. В капелле королевы открыто совершаются католические мессы. Она поддерживает связь с Римом и принимает папского легата,

Раздраженный король неожиданно распускает свой первый парламент (1625). Через полгода, в феврале 1626 г., неотложная потребность в деньгах вынудила Карла созвать новый парламент. Дело в том, что под давлением Бэкингема Карл оказал поддержку восставшим во Франции гугенотам, и это грозило большими осложнениями. Но вместо предоставления ему субсидий общины обрушиваются на королевского фаворита Бэкингема и требуют привлечения его к суду. Король не может этого допустить, и в июне парламент снова распущен. Карлу ничего не остается, как обратиться к принудительному займу; 300 тыс. фунтов были разложены по всем графствам, но на этот раз даже пэры отказываются давать займы королю, 5 рыцарей бросают в тюрьму и привлекают к суду за ту же вину. Менее состоятельных людей в наказание забирают в солдаты и отсылают на континент.

Внешняя политика, направляемая Бэкингемом, терпит одно поражение за другим. Снаряженная им в 1625 г. экспедиция в Кадис с целью перехватить испанские корабли, везущие американское серебро, закончилась позорным провалом. Столь же бесславно закончилась и экспедиция с целью захвата французского острова Рэ (недалеко от гугенотской Ля-Рошели). Ее лично возглавлял Бэкингем. Датский король, не получив от Англии обещанных субсидий, терпит поражение на полях Германии и выходит из войны. Стесненный в средствах Карл не может набрать достаточное количество солдат и выплатить наемным положенное содержание. Он расставляет их на постой в частные дома, вызывая всеобщие нарекания в столице и в провинции.

Атмосфера в стране все более накаляется. Быть буре.

ГЛАВА VII

Член парламента

Как круги по воде, расходятся по Англии тревожные слухи и, разрастаясь по пути, достигают провинциального Гентингдона в преувеличенной и устрашающей форме.

Сегодня в пивной лавке, которую все еще содержит старая Елизавета, особеннолюдно, но, к удивлению, там царит необыкновенная тишина. При свете медного трехсвечника сидят окутанные дымом посетители и слушают рассказ приезжего лондонского купца. Грустные новости, сообщаемые гостем, тяжелым камнем ложатся на сердце.

— Почти все участники экспедиции Бэкингема погибли, только ненавистный царедворец невредимым вернулся домой. А сколько денег эта затея стоила?..

— Королева - католичка предается дьявольским забавам: играет на сцене,— такого позора Англия, еще не знала.

— За отказ давать взаймы деньги король бросает в Тоуэр купцов Сити.

— Но где же парламент? — невольно вырывается у присутствующих.

— Что же может сделать парламент,—сокрушенно заключает гость.— Разве вы не знаете, что заявил король парламенту 1625 года? «Помните,— сказал он,— что парламенты всецело в моей власти, и от того, найдут ли я их полезными или вредными, зависит, будут ли они продолжаться или нет».

Оливер Кромвель.

При этих словах человек с длинными волосами, уединенно сидевший в углу, резко вскочил на ноги и рванулся к двери; еще мгновение, и его поглотила уличная тьма. «Это местный джентльмен Кромвель,— сообщили удивленному гостю,— человек горячий, но благосчастливый». А близко знавшие его подумали про себя: «Какая перемена произошла в этом человеке!» И действительно, Кромвеля во многом нельзя было узнать. Куда девался первый весельчак округи, где его звонкий смех и песни? Он стал замкнутым и сосредоточенным, на целые дни уединялся в своей комнате. Его большие серо-голубые глаза горели каким-то лихорадочным блеском. В них отражался такой внутренний жар, что казалось: испепелен будет тот, кто станет на пути этого человека. Кромвель в отличие от других соседей-сквайров жил в эти годы напряженной внутренней жизнью, невидимой для постороннего глаза. Он искал свое место в жизни, свое призвание. Он не мог не задумываться над тем, что происходит в стране. И как все люди того века, он искал ответа в библии, в религии. Ненавидя всей душой королевские порядки, Кромвель так же горячо ненавидел и англиканскую церковь, освящавшую эти порядки. Он пуританин по рождению, по воспитанию, пуританин по убеждению. Но его мучит вопрос: избран ли он? Не отвергнут ли он? Может ли он быть «воином божьим» в борьбе за правое дело? А правое дело для него — дело парламента, дело материальной и юридической свободы рядового сквайра, лавочника, фригольдера, дело неприкосновенности их имущества, их нажи-

вы и их веры. И до глубокой ночи он погружается в отцовскую библию и снова и снова перечитывает ее пожелтевшие страницы. Бледный, но с горящими глазами, он наутро появится на улице и, случайно встретив сквайра, у которого года два тому назад выиграл несколько фунтов, подзовет его к себе: «Получайте свои деньги — помните, вы мне проиграли». И, в одно и то же время изумленный и обрадованный, сквайр, убедившись в серьезности услышанных слов, опускал в карман звонкие монеты. Слухи о подобных поступках Кромвеля передаются из уст в уста. Он у всех вызывает удивление и у многих — искреннее уважение. Не удивительно поэтому, что, когда в Гентингдоне был получен приказ короля избрать двух представителей в его третий парламент, одним из них оказался Кромвель.

Парламент собрался в Вестминстере 17 марта 1628 г. Кромвель впервые увидел древние своды палаты общин, под которыми разыгрывалась прелюдия будущей драмы. На этот раз он еще будет сидеть почти незамеченным на задних скамьях палаты. Но то, что ему здесь довелось услышать и увидеть, оказалось для него превосходной школой политической борьбы, в которой окончательно окрепли те решения, которые в тиши родного городка давно зрели в его сознании. Здесь впервые встретились лицом к лицу Кромвель и Карл I — будущие противники, которым вскоре предстояло столкнуться лицом к лицу на поле брани.

В своей речи при открытии парламента король прямо грозил в случае отказа в требуемых субсидиях прибегнуть к тем особым средствам, «которые бог ему вручил».

Один за другим выступали лучшие ораторы палаты общин, известные всей стране вожди парламентской оппозиции: пламенный Эллиот, спокойный и несгибаемый Пим, мужественный и уверенный в себе Джон Гемпден. Мишенью всех атак снова оказался королевский фаворит Бэкингем, «покрывший позором» имя англичанина. Король же демонстративно на глазах всей палаты милостиво дал фавориту руку для поцелуя. Палата и слышать не хотела о новых субсидиях королю, пока не будут получены от него гарантии, обеспечивающие «уважение к правам и привилегиям парламента». На всю палату гремит голос Эллиота, и каждое его слово запечатлевается в памяти еще неизвестного, сидящего на задней скамье Оливера. «В этом споре, — доносится до него, — речь идет не только о нашем имуществе и владениях, — на карту поставлено все, что мы называем своим, те права и привилегии, благодаря которым наши предки являлись свободными людьми». И для обеспечения нерушимости этих «прав и привилегий» вырабатывается «Петиция о праве», которая должна получить подтверждение короля. Главное ее требование заключалось в запрете производить аресты без предъявления обвинения и решения суда. Тем самым общины пытались пресечь возможность произвольной расправы короля над теми, кто сопротивлял-

ся его политике. Об атмосфере, царившей в те дни в палате, может дать представление следующий эпизод.

Когда 5 июня 1628 г. было получено письмо короля, в котором категорически запрещалось «возводить какие-либо обвинения или клевету на правительство или должностных лиц короля», в палате произошло нечто невообразимое.

«Вчерашний день,— сообщает свидетель событий,— был для палаты горестным днем. Мы опасаемся, что он станет днем ее роспуска. Мистер Филиппс из Соммерсета говорил так, что слезы смешивались у него со словами. С мистером Пимом произошло то же, Эдуард Кок (знаменитый юрист того времени) так заливался слезами, что был вынужден в самом начале речи сесть на свое место. Даже спикер, и тот не мог удержаться от слез». В парламентской декларации с необыкновенной ясностью выражено основное стремление буржуазии и нового дворянства раз навсегда оградить буржуазную собственность от всяких посягательств со стороны феодальной монархии и опекаемых ею элементов. «Подданные,— говорится в ней,— имеют полную собственность на свое имущество, земли и владения», ...«закон охраняет как священное — деление на «мое» и «твое», являющееся кормилицей трудолюбия, и матерью доблести...» «Без этого деления на «мое» и «твое»,— говорится далее,— в государстве не может быть ни закона, ни правосудия, ибо охрана собственности и есть истинная цель того и другого».

7 июня король, наконец, согласился санкционировать петицию,— ему нужны деньги и без помощи парламента их не достать. Торжественно гудят колокола лондонских церквей, вечером в Сити устраивается яркая иллюминация. Толпы народа с факелами до поздней ночи заполняют улицы столицы.

26 июня сессия парламента была прервана до 20 октября. За это время произошли два важных события: Бэкингом был убит рукой мстившего за свои неудачи офицера Фелтона; на сторону короля перешел один из лидеров парламентской оппозиции Уэнтворт (в будущем граф Страффорд). Вторая сессия парламента открылась требованием короля утвердить в его пользу пошленные сборы. Вместо этого палата общин начала обсуждать церковные дела, внушавшие пуританам большие опасения. Англиканская церковь, по их мнению, все больше возвращалась к католическим обрядам. Главное же заключалось в том, что король сочувственно относился к этим отклонениям. В то время как приверженцы Кальвина все более впадали в немилость, отступившиеся от него всячески поощрялись и находились под покровительством двора. К удивлению многих, слова попросил Кромвель. Это было его первое выступление в парламенте. Оно было кратким, но его внимательно выслушали. Можно ли сомневаться в том, на чьей стороне выступил Кромвель? Он обрушился на епископа Винчестерского, покровительствовавшего католическим проповедям, и защищал своего бывшего учителя пурита-

нина Бирда. Атмосфера в парламенте стала до невозможности накаленной. 2 марта король приказал прервать заседания до 10-го. И тут произошло событие, неслыханное во всей истории английского парламента: большинство палаты общин отказалось подчиниться королевскому приказу. Было много оснований опасаться, что предписанная королем отсрочка заседаний превратится в роспуск парламента. Поэтому, когда спикер поднялся со своего места и направился к выходу, к нему подбежали два члена палаты, Гольз и Валентайн, и силой усадили его обратно на свое место,— без спикера палата не могла заседать. Пока спикера насильно удерживали в кресле, Эллиот предложил, чтобы палата, прежде чем разойтись, приняла следующие три постановления:

1) всякий, кто стремится привносить папистские новшества в англиканскую церковь, должен рассматриваться, как главный враг этого королевства;

2) всякий, кто советует королю взимать пошлыны без согласия парламента, должен рассматриваться, как враг своей страны;

3) всякий, кто добровольно платит неутвержденные парламентом налоги, должен быть объявлен предателем свобод Англии.

Тем временем палате стало известно, что король направил в парламент вооруженный отряд, которому приказано очистить помещение. К двери подбегает сэр Гобари и, замкнув ее изнутри, кладет ключ в карман. Но вот раздался стук — пришли... Эллиот сжигает свои предложения. Стук повторяется с большей силой... Скоро дверь будет сорвана. Гольз наскоро, по памяти, повторяет внесенные предложения. Палата единогласно их принимает и покидает зал. Король немедленно объявляет о роспуске парламента. Среди ослушников королевской воли был и Оливер Кромвель.

ГЛАВА VIII

Перед бурей

Так начался 11-летний период единоличного правления Карла I. От исхода его зависело многое и прежде всего — судьба английского парламента.

Если бы королю удалось найти достаточные и устойчивые источники доходов помимо парламента, с последним было бы покончено, и в стране восторжествовал бы абсолютизм на французский манер.

Лишившись любимого фаворита Бэкингема, Карл стал своим собственным министром. Он немедленно заключил мир с Францией и Испанией, чтобы получить свободу рук в самой Англии. Король решил идти напролом.)Отныне малейшая попытка со-

противления ему должна подавляться силой. (Наиболее видными сторонниками и проводниками этой политики подавления были в светской области уже упомянутый Уэнтворт и в церковной — Лод, епископ лондонский, впоследствии — архиепископ Кентерберийский.)

Уэнтворт, назначенный с 1632 г. королевским наместником в Ирландии, заслужил признательность Карла I последовательным осуществлением неограниченной власти. Ирландцы массами сгонялись с наследственных земель, которые тут же передавались знатным английским колонистам. Судьи послушно отсылали в тюрьмы всех неугодных Уэнтворту людей, парламент был безропотным инструментом в его руках. Его чиновники были вездесущи и всемогущи. Недаром Уэнтворт в 1638 г. писал из Ирландии Лоду: «Король здесь столь абсолютен (неограничен), как только какой-либо государь может быть в этом мире». Сокровенной мечтой Уэнтворта было перенести эту систему правления и в Англию.

Что касается Лода, то не было таких жестокостей, пред которыми он остановился бы в борьбе против малейшего проявления пуританизма. Он выслеживал и разгонял пуританские собрания, бросал в тюрьмы пуританских проповедников, сжигал книги, не прошедшие его цензуры. Проводимое им строжайшее единообразие в церковных обрядах все более напоминало католическое богослужение. Его благосклонность и терпимость к католикам, его безоговорочная поддержка единоличной власти короля рано вызвали к нему ненависть даже в среде умеренно настроенных людей города и деревни.

Прежде всего поплатились организаторы «парламентского бунта» 1629 г. — 9 членов палаты общин были брошены в казематы Тоуэра. Выказавшие покорность Карлу вскоре были освобождены. Но трое непреклонных остались под замком. В Тоуэре скончался Джон Эллиот, здоровье которого не вынесло тюремного режима. Полным ходом заработали королевские судилища: Звездная палата и Высокая комиссия.

Эти чрезвычайные судилища в отличие от обычного суда не были связаны соблюдением общего права страны.

Именем ненавистой народу королевской прерогативы они предавали пытке и смерти сотни людей, все преступление которых заключалось в том, что они смело обличали произвол и тиранию.

(Кровавые расправы были призваны запугать противников феодально-абсолютистской монархии и страхом сковать их уста. Непосещение приходской церкви и чтение запрещенных книг, отказ платить неутвержденные парламентом налоги и давать королю взаймы, резкий отзыв о епископе и намек на легкомыслие королевы — этого было достаточно, чтобы виновного в подобных преступлениях предать суду скорому и неслыханно жестокому. Так, в 1637 г. Звездная палата предала публичному наказанию

адвоката Принна, доктора Баствика и священника Бертона за сочинение памфлетов, направленных против епископов. (Стоял знойный июльский день. Тысячная толпа собралась у эшафота, где приводился в исполнение приговор. Из толпы неслись проклятия по адресу палачей, слышались рыдания. Докрасна были раскалены железные прутья... Виновные сохранили непоколебимое самообладание.) Они с эшафота продолжали в смелых речах обличать «папских прислужников» — епископов. Напряженную тишину внезапно прорезал нечеловеческий крик — это палач раскаленным железом ставит позорное клеймо на челе Баствика, то же повторяют и с Принном, и с Бертоном. Когда с этим покончено, палач берется за длинный нож. Одним взмахом он отсекает ухо, затем другое. Хлынувшая с обеих сторон кровь заливает жертву.

У Принна только остатки ушей — он уже подвергался однажды этой каре за памфлет против театральных увлечений королевы. Теперь он теряет и их. Он кричит таким голосом, чтобы его слышал король за дворцовой стеной: «Режь меня, рви меня, я не боюсь тебя, я сильнее тебя». Когда окровавленные уши Баствика упали, на помост взбежала женщина в черном и, стоя на коленях, стала целовать их.

Но вот экзекуция закончена. Толпа засыпает окровавленных узников цветами. На всем пути в тюрьму их встречают как мучеников, пострадавших за общее дело.

(Не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не секли плетью на улицах города, не выставляли у позорного столба. Но жестокость приводила к обратному: короля начинали ненавидеть даже те круги, которые еще недавно относились к нему с благоговением.

К такому же результату приводила и финансовая политика короля. Вопрос о том, как раздобыть деньги, оставался все это время главной заботой Карла I. Так как парламент не собирался, то естественно, что внепарламентские налоги и поборы превратились теперь из исключения в правило.)

Таможенные сборы взыскивались вопреки упомянутой декларации парламента 1629 г., но этих сборов заведомо не хватало для покрытия самых неотложных расходов расточительного двора. Тогда вспоминают давным-давно забытые права короны: нельзя ли их превратить в шиллинги и фунты стерлингов? В 1630 г. из архивной пыли извлекли закон, обязывавший всех англичан, имущество которых приносило 40 фунтов годового дохода, принимать рыцарское звание при коронации короля. Все уклонившиеся от этой «почести» наказывались штрафом. По всей Англии его набралось до 170 тыс. фунтов.

В 1634 г. вздумали проверить целостность границ коронных «заповедных лесов», значительная часть которых несколько столетий тому назад перешла в частные руки. «Захватчиков» также подвергли тяжелым штрафам. Заметим, что в числе их оказа-

лось немало представителей знати (графы Сольсбери, Сауземптон, Уэстморленд и др.). Штрафы в этих случаях достигали десятков тысяч фунтов стерлингов.

(В широких размерах возобновилась продажа монополий, несмотря на запрет их парламентом 1624 г. Мыло, вино, пиво, уголь, железо и даже игральные карты стали предметом монополий.) Принося сравнительно скромные доходы короне, монопольные патенты несказанно обогащали немногочисленных монополистов. Так, монополия на вино давала королю лишь 38 тыс. фунтов в год, тогда как потребители переплачивали в пользу монополистов 360 тыс. фунтов.

(Однако наибольшее возмущение широких кругов населения страны вызвали введенные в 1634 г. так называемые корабельные деньги. Старинная, давным-давно забытая повинность прибрежных графств — поставлять королю для защиты королевства определенное количество военных кораблей — была неожиданно воскрешена Карлом I. Этот явно вымогательский побор в следующем году был распространен на всю страну. Даже весьма близко стоявшие к придворным кругам сановники указывали на незаконность этого налога. В провинции все множились случаи отказа выплачивать его. По всей стране прогремело имя бекингемпширского сквайра Джона Гемпдена, потребовавшего, чтобы суд доказал ему законность этого налога. И хотя можно было быть заранее уверенным, что низведенные до рабской покорности королю судьи вынесут угодный его величеству приговор, тем не менее судебный процесс сам по себе имел большое политическое значение. Он одновременно и способствовал яркому проявлению растущего массового недовольства политикой короля, и побуждал к более решительному сопротивлению этой политике. (Первыми поднялись на борьбу народные низы. По мере обострения кризиса стюартовской монархии волна народного недовольства прорывалась то тут, то там в открытых восстаниях и выступлениях. Еще в 1604 г. на первой сессии парламента представитель Норсемптона сэр Монтегю в качестве одной из жалоб общин назвал «обезлюдение и огораживания». Всеобщие жалобы в графстве — столь озаботили его, что он считает возможным представить их «на суд мудрости парламента». Но двор оставался глухим к этому предостережению. А в мае 1607 г. в графстве Норсемптон началось уже известное нам восстание против огораживаний, названное «среднеанглийским». Оно охватило пять среднеанглийских графств. Душой его был сельский плебс. Среди арестованных впоследствии его участников мы находим главным образом рабочих-поденщиков и множество ремесленников. Но ведь именно они, эти коттеры, были главными жертвами огораживаний общинных полей.

В листовке, распространявшейся восставшими, мы читаем: «Они (джентльмены) перемалывают наше мясо на жерновах бедности, для того чтобы им самим жить среди своих стад жир-

ных баранов. От них обезлюдели деревни, они уничтожили целые селения...»

На той же почве лишения сельской бедноты общинных прав вспыхнули разрозненные восстания 20-х годов XVII в. в Вустершире, Уилтшире и в ряде других юго-западных графств. Толпы восставших, вооруженных лопатами, разгоняли возводивших изгороди рабочих, уничтожали рвы и насыпи, явочным порядком пользовались отнятыми у них общинными угодьями.

В связи с кризисом в сукноделии в тех же годах возникла реальная угроза всеобщего восстания в сукнодельческих районах страны.

В сообщении Тайному совету из графства Девон говорилось: «Когда мы взвешиваем положение этого графства, зависящего полностью от сукноделия, становится очевидным, что те, кто живет своим трудом, окажутся нищими, будучи лишены работы». В одном только местечке Кредитон мировые судьи насчитали свыше 500 человек, стоящих перед такой угрозой.

«И если столь велико число их в столь малой округе,— заключают они,— то вы легко можете себе представить, какова их численность в целом графстве». Аналогичные тревожные сигналы поступали в Тайный совет из других сукнодельческих графств Запада. Мировые судьи то и дело сообщают о распространении в народе «духа непокорности и мятежа». В городах и местечках вспыхивали стычки, собирались массовые сходки. Повсюду замечалось необычайное скопление «бродячего люда», сеющего смуту. В мае 1620 г. в одном из крупнейших сукнодельческих центров Запада — в Экстере произошли бурные выступления ткачей. Отовсюду сообщалось о «происках непристойных и бродячих людей, которые не упускают случая сеять мятежи и беспорядки».

Тайный совет принимает срочные меры. Графства очищаются от «бродяг». На дорогах расставляются пешие и конные посты. Производятся массовые аресты. По существу вводится военное положение. Во второй половине 20-х годов массовые движения плебса вспыхивают на востоке и севере страны. Они были вызваны главным образом осушением и огораживаниями так называемой Великой равнины болот, производившимися компанией осушителей во главе с графом Бедфордом. Огромные пространства заболоченных земель Восточной Англии издавна служили источником существования и важным подспорьем для многих тысяч крестьянских семей. Огораживания этих земель грозили и полным разорением и нищетой.

И здесь главной фигурой среди восставших являлся коттер, деревенский бедняк. Восставшие разгоняли рабочих, разрушали шлюзы, дамбы, уничтожали посевы на огороженных полях. Для подавления даже этих разрозненных восстаний приходилось прибегать к военной силе.

Дух народного восстания зрел по всей стране. В 1631 г. из Рэтленда в Тайный совет донесли содержание разговора сапож-

ника из Иррингэма с окрестными крестьянами, прибывшими на ярмарку: «Если вы сохраните тайну, я вам сообщу новость. Бедные люди из Оакхема говорят, что они в течение получаса могут захватить арсенал графства в свои руки. Мы расстреляем всех лордов». С острова Уайт тогда же сообщали: «Бедные слои народа готовы восстать при малейшем поводе».

В 1638 г. вспыхнул мятеж в Уорвике. Женщины, подростки и дети с камнями напали на сборщиков налогов и прогнали их из города.

Сколь разрозненными ни выглядели все эти сведения, они создавали отчетливое впечатление о назревании революционной ситуации в стране.

Оппозиция абсолютизму в парламенте была лишь эхом народного возмущения, с каждым годом становившегося более открытым и грозным.

* * *

Как же жил в эти годы предбурья Оливер Кромвель, как вел он себя в обстановке назревающего открытого разрыва его класса с короной?

На первый взгляд его жизнь в это время, насколько она нам известна, не представляет чего-либо примечательного. После роспуска парламента 1628 г. он снова вернулся к своим привычным хлопотам и радостям сельского джентльмена. Бросается в глаза разве только двухкратная перемена им места жительства. В мае 1631 г. Кромвель продал все, чем владел в Гентингдоне, и переселился в небольшой городок Сент-Айвс, пятью милями ниже по течению Узы, где он снял в аренду пастбищные земли. Причину, побудившую Кромвеля превратиться из земельного собственника в арендатора чужой земли, объясняли по-разному.

Наиболее вероятным, однако, является предположение, что он намеревался навсегда покинуть родину, ставшую теперь истинным адом для пуритан, с тем чтобы поискать «прибежище свободы» по ту сторону океана. Весьма характерно, что именно в эти годы «исход» пуритан из Англии достиг своего максимума; к тому же среди инициаторов «колониальных предприятий» мы находим кузена Оливера, упомянутого уже Джона Гемпдена. Одна из легенд передает даже, будто Кромвель с семьей уже находился на борту корабля, направлявшегося в «новую Англию», но корабль был задержан, а пассажиры его высажены обратно на берег.

Если бы Кромвелю удался этот побег, трудно сказать, как бы сложилась его дальнейшая жизнь.

Но этого не произошло, и прежде всего потому, что в 1636 г., после смерти своего дяди Томаса Стюарта, Кромвель получил значительное наследство в городе Или (в соседнем графстве Кембридже), где покойный был настоятелем собора. Переехав туда в том же году, Кромвель сразу же стал одним из наиболее

Дом Кромвеля в Или.

крупных сквайров графства. Двухэтажный дом близ церкви Св. Марии, в котором жила его семья, сохранился вплоть до наших дней. А длинный ряд амбаров, окружавших обширный двор, свидетельствовал о значительности доходов, состоявших в немалой доле из церковной десятины, выплачивавшейся преимущественно в натуре. И если Кромвель впоследствии, после победы революции, мечет громы и молнии против сторонников отмены церковной десятины, лежавшей тяжелым бременем на широких массах крестьянства, то не говорил ли в нем в первую очередь «светский собственник» десятины, унаследованной им от достопочтенного мистера Стюарта?

Но как ни погружался Кромвель в обязанности и интересы провинциального сквайра, он не мог, естественно, оставаться в стороне от того мощного потока событий, который с каждым днем вовлекал в свой бурный водоворот все более широкие круги нового дворянства — того класса, к которому он сам принадлежал. Стюартовский абсолютизм, восторжествовавший в период беспарламентского правления, не мог не задеть участника «парламентского бунта» 1629 г. и убежденного пуританина, каким уже тогда себя выказал Кромвель.

В Лондоне имя это все еще оставалось почти неизвестным. За все эти 11 лет двор встретился с ним всего лишь два-три раза и то по весьма незначительным поводам. Любопытно, что одним из них был штраф, наложенный на Кромвеля казначейством за

уклонение от принятия рыцарского звания, но имя это не встречается в ряду тех, кто, по примеру Гемпдена, демонстративно отказался платить вызывавшие всеобщее возмущение «корабельные деньги».

Однако именно в эти годы Кромвель становится одной из наиболее популярных фигур не только в Кембридже, но и в прилегающих к нему графствах. На чем же основывался здесь его бесспорный моральный авторитет? Прежде всего на том, на чем вообще основывался «авторитет» английского сквайра задолго до Кромвеля и очень долго после него: на земельной собственности, дававшей ему возможность весьма эффективно влиять на «общественное мнение» массы зависимых держателей его земли. Однако для популярности сквайра Кромвеля были и другие основания. Оливер был широко известен как строгий и благочестивый пуританин. К концу 30-х годов он становится последователем Кальвина, придя после долгих и мучительных сомнений к заключению, что он «предопределен к спасению». «Лорд плавней», как прозвали Кромвеля его враги, становится «святым».

«Я жил во тьме,— говорит он теперь о годах своей юности,— я ненавидел свет. Я был величайшим грешником. Это правда».

Не следует, однако, слишком доверять этому признанию — такова вообще была пуританская манера говорить о себе. Гораздо важнее для нас то обстоятельство, что Кромвель убедился в своей принадлежности к «избранным» именно в годы назревания открытой битвы между феодальной и буржуазной Англией. Это означало, что в 30-х годах Кромвель окончательно определил свое место в стане врагов абсолютизма.

В этом свете весьма многозначительной является следующая деталь в его биографии. Когда вскоре после переезда Кромвеля в Или королевская компания осушителей болот во главе с графом Бедфордским стала присваивать в частную собственность осушенные земли, ранее находившиеся в общественном пользовании, Кромвель решительно встал на защиту мелких держателей-крестьян. Характер всей последующей деятельности «лорда плавней» убеждает нас в том, что в данном случае его волновали отнюдь не судьбы самих крестьян; в действиях компании Кромвель усматривал произвол, творимый именем короля, выдавшего ей патент, и он выступил против этого произвола. И тем не менее в глазах широких слоев держателей Кромвель рисовался защитником их прав на общинные земли. Подобными действиями Кромвель завоевал себе по всей Восточной Англии имя поборника поправленных «вольностей и прав общин».

Между тем именно в это время казалось, что могущество королевской власти достигло зенита. После благоприятного для Карла I решения суда по делу Гемпдена (гласившего, что король вправе единолично вводить новые налоги на содержание

флота) отпали все ранее существовавшие ограничения королевского произвола Стюартов. Если король может по своему желанию вводить «корабельные деньги», то кто помешает ему в один прекрасный день ввести новый налог под предлогом содержания сухопутной армии?!

«Король отныне и навсегда свободен от вмешательства подданных в его дела», — так подытожил смысл судебного решения лорд Страффорд.

«Все наши свободы одним ударом разрушены впрах», — так восприняла приговор суда по делу Гемпдена пуританская Англия.

Но вот на небе появилась маленькая тучка — прошел слух, что в Шотландии начались беспорядки, направленные против Карла I. Мало кто думал в те дни, что эта тучка предвещает жестокую бурю.

Кальвинистские порядки, существовавшие в шотландской церкви, не давали покоя стремившемуся к «единообразию» в церковных делах Лоду. После того как (при Якове I) в Шотландии была восстановлена власть епископов, от шотландцев требовали ввести англиканские богослужебные книги. Но когда в июле 1637 г. в Эдинбургском соборе начали службу по новому молитвеннику, ее немедленно прервали крики возмущения. Священник был избит до полусмерти, молитвенник разорвали на клочки. Уже в феврале следующего года лорд-канцлер уверял короля, что англиканский молитвенник можно навязать шотландцам только с помощью 40 тыс. солдат. А в марте преобладающее большинство шотландцев подписывают «ковенант» (обет): признавая, что кальвинизм «единственно истинная и угодная богу вера», ревнители ковенанта клялись «защищать ее... до конца своей жизни всеми силами и средствами».

Шотландия отказала королю в повиновении, она восстала. Это был опасный пример. Карл решил подавить сопротивление как можно скорее и во что бы то ни стало. «До тех пор, — заявил он, — пока этот ковенант в силе, я имею в Шотландии не большую власть, чем какой-нибудь дож венецианский. Скорее я умру, чем потерплю это». В первом Карл был прав, во втором жестоко ошибся.

Собрав к маю 1639 г. ценой огромных усилий 20-тысячную армию, Карл направил ее к шотландской границе. Однако и шотландцы не сидели сложа руки: у них оказалась наготове почти равночисленная армия, возглавлявшаяся опытным воином, генералом Лесли, сражавшимся под знаменами шведского короля Густава Адольфа. Плохо оплачиваемые и еще хуже экипированные, наспех набранные солдаты Карла I разбегались, даже не вступая в сражение с шотландцами, воодушевленными сознанием правоты своего дела.

Карлу не оставалось ничего другого, как заключить мир (24 июня 1639 г.). Шотландцам было обещано все, что они тре-

бовали — их нужно было на время усыпить. Из Ирландии был вызван верный слуга короля Страффорд. Ему поручалось «научить шотландцев уму-разуму». Страффорд замышлял использовать против них созданную им в Ирландии армию, состоящую из католиков. Но для достижения этой цели нужны были деньги, а раздобыть их оказалось невозможным. Отказ платить незаконные налоги становился повсеместным. Лондонское Сити и слышать не хотело о займе королю, безрезультатными оставались обращения к Франции, Испании, даже к самому папе.

Выхода не было. По совету Страффорда пришлось созвать парламент. Он собрался в апреле 1640 г. Среди негодующих членов палаты общин мы снова видим энергичную фигуру Кромвеля. На этот раз он избран от Кембриджа. Карл I потребовал немедленных субсидий. Но в ответ королю, запугивавшему парламент «шотландской опасностью», один из членов палаты общин заявил: «Опасность шотландского вторжения менее грозная, чем опасность произвольного правления в стране. Опасность, которая была обрисована палате, находится на расстоянии... Опасность, о которой я буду говорить, находится здесь, дома». Таким образом, прежде чем открыть королю кошелек — разрешить сбор налогов, — палата общин потребовала от него восстановления нарушенных им «прав и привилегий парламента».

Терпение Карла I быстро иссякло. 5 мая, т. е. через 3 недели после открытия, Короткий парламент был распущен.

Война с Шотландией возобновилась при совершенно пустой казне. Главнокомандующим английской армии был назначен Страффорд. Но он оказался бессильным восстановить положение. При первой же встрече с шотландцами армия обратилась в бегство. Шотландцы вторглись на английскую территорию и вскоре заняли северные графства — Норсемберленд и Дерхем. Широкие народные массы остались равнодушными к поражению Карла I. Более того, победы шотландцев радовали пуритан и воспринимались как их собственная победа. «Чем хуже дела короля в Шотландии, тем лучше дело парламента в Англии», — думали руководители парламентской оппозиции, и они не ошиблись. 12 пэров подали королю петицию, требовавшую мира с шотландцами и созыва парламента. Аналогичная петиция была ему вручена от имени 10 тыс. лондонцев.

Для «замирения» шотландцев по-прежнему нужны были большие деньги, которых по-прежнему не было. Выплаты налогов почти прекратились. «Корабельные деньги» не приносили и одной десятой намеченной суммы. Даже для слепых приверженцев короны стало очевидно, что власть короля пошатнулась. По стране прокатилась волна крестьянских выступлений, и в первую очередь были разрушены изгороди во владениях короля и королевы. В Лондоне происходили бурные демонстрации ремесленного люда, измученного нуждой и безработицей. Обращение

к парламенту вновь оказалось для короля единственным выходом, и он сдался. Карл I объявил о созыве нового парламента. День открытия этого парламента стал последним днем английского абсолютизма.

ГЛАВА IX

Долгий парламент

Парламент, вошедший в историю под именем «Долгого», открылся 3 ноября 1640 г. Большинство его членов заседало здесь в мае, и теперь, вопреки всем стараниям короля, снова вернулось под древние своды Вестминстерского дворца.

Экономически наиболее развитая и населенная часть страны направила в него заведомых противников стюартовского абсолютизма. Только графства экономически отсталого Севера и Запада избрали угодных королю кандидатов, но они составляли абсолютное меньшинство палаты общин. Это соотношение сил не предвещало Карлу ничего хорошего, но выбора не было. До тех пор, пока шотландцы находились на английской территории, ежедневно требуя 850 фунтов для покрытия оккупационных расходов, он целиком был во власти парламента. Это обстоятельство хорошо сознавали обе стороны. Единоличному и бесконтрольному правлению короля пришел конец.

Радикально настроенное крыло этого парламента решило, что пробил час для открытого выступления против произвола королевской власти, которой надо было нанести сокрушительное поражение теперь или никогда! Во главе этой парламентской оппозиции стояли такие известные всей стране ее лидеры, как Джон Гемпден, отказавшийся платить незаконные корабельные деньги, и Джон Пим, заменивший в парламенте умершего в тюрьме Эллиота. Видное место среди них занял член парламента от Кембриджа сквайр Оливер Кромвель. О том, сколь кипучей была деятельность Кромвеля даже в этот первый и мирный период революции, можно судить хотя бы по тому, что менее чем за годичный срок он избирался в состав 18 различных парламентских комитетов и, как увидим ниже, выступил инициатором ряда важных законодательных актов, подрывавших корни «старого порядка» в Англии.

Но чтобы лучше понять роль Кромвеля, бросим взгляд на социальный облик Долгого парламента.

Долгий парламент был на девять десятых собранием дворянским. В палате лордов к 1640 г. насчитывалось 123 светских пэра и 26 предатов церкви. Эта палата являлась цитаделью английской землевладельческой знати, которая в своем подавляющем большинстве была обязана достигнутым положением покровительству Стюартов. Естественно, что не эта аристократическая палата возглавила буржуазную революцию. Данная роль выпала

ла на долю палаты общин, которая не только отодвинула на задний план свою многовековую соперницу, но вскоре и вовсе ее уничтожила.

Из 500 членов палаты общин 91 представляли графства, 4 — университеты, остальные — города и парламентские местечки Англии. В преобладающем большинстве случаев это были сельские джентльмены, сквайры¹.)

Тот факт, что сквайры избирали в парламент не только графства (где это было само собой разумеющимся), но и подавляющее большинство торгово-промышленных городов, свидетельствовал о том, насколько тесно в то время переплетались интересы нового дворянства с интересами купцов и промышленников. К тому же, сквайры всей своей деятельностью в графствах были в те дни наиболее подготовленным слоем людей, способным возглавить сколько-нибудь широкое, общенародное движение против абсолютизма.

Эти люди хорошо знали друг друга — то как владельцы соседних маноров, то как мировые судьи, то, наконец, по совместным увеселениям. Очень часто они были связаны родственными узами. Так, например, у Кромвеля в этом парламенте имелось 18 родственников (затем их число увеличилось до 27 человек), среди которых мы находим таких парламентских трибунов, как Гемпден, Сен-Джонс и другие.

Эта однородность социального состава палаты общин 40-х годов в дальнейшем объяснит нам не только причины силы, но и причины слабости Долгого парламента.

— Три первоочередные задачи стояли перед этим парламентом в момент его открытия:

1. Наказать главных советников короля — проводников политики произвола и насилия, осуществлявшейся на протяжении 11-летнего периода беспарламентского правления Карла I.

2. Сделать невозможным повторение подобной политики в будущем.

3. Упорядочить церковные дела с тем, чтобы приблизить англиканскую церковь к пуританскому идеалу.

До тех пор пока речь шла о достижении первых двух целей, в парламенте царил полное единодушие, и следствием этого явилась решительность его действий.

Не удивительно поэтому, что в течение нескольких месяцев была проделана такая «очистительная» работа, которая в другое, нереволюционное время потребовала бы многие годы, а то и десятилетия.

На первых же заседаниях палаты общин было возбуждено судебное преследование против наиболее выдающегося советника короля (а следовательно, и наиболее опасного для парламен-

¹ Только одних титулованных джентльменов-рыцарей и баронетов было более 200 человек.

та врага) — графа Страффорда. В нем видели главный источник зла, причиненного Карлом I буржуазной Англии; его ненавидели все плательщики незаконных налогов и сборов; ему не могли простить дерзкого совета, данного им королю накануне созыва Долгого парламента, и приведшего в ужас английских пуритан: «Идите напролом, — советовал он Карлу I, — в случае крайности вы можете сделать все, на что у вас хватит силы, в случае отказа парламента вы оправданы перед богом и людьми. Вы облагаете армией в Ирландии, и вы вправе использовать ее здесь, чтобы привести это королевство к повиновению».

9 ноября Страффорд прибыл в Лондон, а через 2 дня Пим в напряженной атмосфере закрытого заседания уже зачитывал в палате общин пункты обвинения Страффорда в государственной измене. Явившись на заседание в палату лордов, членом которой он состоял, граф Страффорд должен был на коленях выслушать выдвинутые против него обвинения. Ему приказали сдать шпагу и под стражей отправили в Тоуэр. Через месяц вслед за ним в Тоуэр был отправлен столь же ненавистный пуританам архиепископ Лод. Завоевавшие себе своей жестокостью мрачную славу королевские судилища: Звездная палата, Высокая комиссия, Советы по делам севера и Уэдса — были уничтожены. Из тюрьмы были освобождены жертвы их произвола — Принн, Баствик и другие, которым Лондон устроил ликующую встречу. Все патенты на монополии были аннулированы, а их обладатели изгнаны из парламента; приговор по делу Гемпдена был объявлен противозаконным, и впредь запрещалось взимание какого-либо налога (в том числе и пошлин) без разрешения парламента. Наконец, парламент объявил, что он не может быть распущен до тех пор, пока он сам этого не пожелает. Так началась английская буржуазная революция.

Кромвелю к этому времени было уже за сорок, он был отцом восьми детей, но по-прежнему был полон сил. Его неисчерпаемая энергия и жажда деятельности, его целеустремленность и страстность, его порыв и вдохновение поражали всех, кто сталкивался с ним в эти дни. Быть может, он один во всем парламенте с первых же дней его заседаний инстинктивно сознавал, что теперь дело неминуемо дойдет до меча, и в отличие от других смело шел навстречу надвигающимся событиям. Более того, вся его парламентская деятельность в этот период свидетельствовала о том, что он последовательно и упорно приближал развязку.

Кромвель по природе своей не был оратором; ему чужды были юридические тонкости конституционных споров, также как и искусство аргументации, иначе, чем ссылками на библию. И до тех пор пока дело ограничивалось только речами, он не пользовался большой известностью в стенах парламента. Но теперь дело обстояло иначе. Время бесконечных и безрезультатных словесных турниров осталось позади, парламент перешел к практическим действиям, и Кромвель, обнаруживший все качества по-

литического борца, занял видное место в ряду лидеров Долгого парламента.

Первое выступление Кромвеля в Долгом парламенте состоялось ещё 9 ноября, когда он поднялся со своего места для того, чтобы подать петицию от имени Джона Лильберна, томившегося в тюрьме за распространение пуританских сочинений.

В этот день его впервые заметил будущий роялист Уорвик:

«Я пришел в палату утром... и увидел выступавшего в это время джентльмена, которого я не знал. Он был очень скромно одет в простой суконный костюм, который был, по всей видимости, сшит плохим деревенским портным, в простом белье, притом не очень чистом... Он был довольно высокого роста, шпага его плотно прилегала к боку. Лицо его было одутловатое и красное, голос резкий и некрасивый, но его речь была полна пыла... я искренне сознаюсь, что когда увидел, как внимательно слушают этого джентльмена, мое уважение к этому высокому собранию сильно уменьшилось».

Таким выглядел Кромвель в глазах врага. Более дружественно к нему расположенный современник сообщает о нем: «Тело его хорошо сложено и обнаруживает силу. Рост средний. Голова его такой формы, что вы ясно видите, какое сокровище природных дарований заключено в ней. Его характер был огненным...»

Наиболее важным в деятельности Кромвеля как члена Долгого парламента в первую сессию было его участие в работе комитетов по конституционному и церковному вопросам.

В первом случае ему было поручено внести в палату билль о ежегодном созыве парламента независимо от воли короля, превратившийся впоследствии (15 февраля 1641 г.) по настоянию палаты лордов в закон об обязательном созыве парламента каждые три года. Принятием этого билля в дальнейшем исключалась возможность беспарламентского правления короля.

Тем временем положение парламента все усложнялось и было полно опасностей. Скрепя сердце, король вынужден был узаконить явно революционные парламентские постановления; но в то же время он лишь ждал удобного случая, чтобы положить конец власти парламента.

Карл заигрывал с шотландцами, стремясь привлечь их на свою сторону, чтобы с их помощью покончить с парламентом; он носился с планами использовать против него ирландскую армию, состоявшую из католиков; королева Генриета-Мария мечтала об интервенции и приходе войск из-за Ламанша,— ее брат король Франции Людовик XIII «не потерпит, чтобы ее лишили короны».

К тому же суд над Страффордом явно затягивался. Палата лордов, судившая его, находила, что доказательств для осуждения недостаточно. Это был вопрос жизни и смерти для всего дела парламента. Лидеры его ясно понимали, что оправдание Страффорда будет оправданием абсолютизма. Король лично посещал заседания палаты лордов, чтобы повлиять на ее решения.

Он письменно обещал своему любимцу, что не даст тронуть и «волоса на его голове». Двор плел сложную паутину заговоров, стремясь освободить узника.

В этот критический для революции час палата общин обратилась за помощью к народу, которому она в другое время высказывала пренебрежение, и в первую очередь к жителям Лондона, и Лондон откликнулся: 24 апреля 1641 г. в парламент подается петиция с 20 тыс. подписей, требующая смертного приговора Страффорду. Тысячные толпы целыми днями окружают парламент и дворец короля — Уайтхолл, требуя «головы Страффорда». Палата общин, не дожидаясь решения суда, принимает билль о смертной казни за государственную измену и направляет его на утверждение лордам, но лорды колеблются.

3 мая, когда в палате лордов происходило голосование билля, только 48 пэров осмелились пройти к зданию парламента сквозь грозную и возмущенную их колебаниями толпу. 37 перепуганных пэров голосуют за, 11 — против смертной казни. Наконец в субботу, 10 мая, билль передается для подписи королю. Король обещает ответить в понедельник. Он в отчаянии: ведь Страффорду королевским словом гарантированы «жизнь, честь и имущество». Но многотысячная толпа, окружившая дворец, не желает больше ждать и требует немедленного решения. К ночи ее ропот становится все более грозным. Страх перед ней проникает в роскошные залы Уайтхолла. Его обитатели не смеют ложиться — с минуты на минуту разъяренные подмастерья могут ворваться; приближенные короля стараются ускользнуть незамеченными из окутанного мраком дворца.

Чем больше Карл колеблется, тем яснее сознает он свое бессилие. Еще присутствуя на заседаниях палаты лордов, он имел возможность убедиться, как исчезал не только страх перед короной, но и простое уважение к ее носителю: члены парламента в его присутствии не снимали шляп, ели, пили, громко разговаривали, как будто и не было там короля... А теперь эта толпа, грозно гудящая всю ночь под его окнами... и Карл сдался. Он нарушил королевское слово и подписал смертный приговор своему любимцу.

(12 мая в присутствии 20 тыс. зрителей палач в красном одеянии отсек голову временщику, в глазах всего населения столицы олицетворявшему ненавистный правительственный произвол. Эта была большая победа парламента, завоеванная для него народом. (Через несколько лет судьбу Страффорда разделит и архиепископ Лод.)

С этого момента события надвигаются с ускоряющейся быстротой. Больше не могло быть равнодушных ко всему, что происходило в Лондоне. Упавшая на плаху голова Страффорда побудила к действию как сторонников, так и врагов парламента. Если буржуазная Англия вздохнула с чувством облегчения и, убедившись в своей силе, решила во что бы то ни стало добить

абсолютизм, то феодальная знать, увидев в судьбе Страффорда, как в зеркале, отражение своей собственной участи, решила покончить с парламентом. Ее благополучие, привилегии, ее богатства были поставлены на карту; вернуть короне ее былую силу и власть — отныне стало ее девизом.

Однако полные революционной решимости выступления народной массы в борьбе за осуждение и наказание Страффорда имели и другие последствия.

У многих членов Долгого парламента они вызвали тревогу и мучительные опасения. Если дать тысячам лондонских бедняков волю, кто знает, как далеко они могут зайти в своих требованиях. Эти опасения очень скоро проявились при обсуждении вопросов церковного устройства Англии как в парламенте, так и вне его. Обсуждение их в палате общин впервые обнаружило наличие резких расхождений между ее членами. Еще 11 декабря 1640 г. в парламент была подана петиция от имени 15 тыс. жителей Лондона, просивших парламент уничтожить власть епископов со всеми ее «корнями и ветвями». 9 февраля 1641 г., во время обсуждения этой петиции в палате общин, Кромвель полностью присоединился к этим требованиям, но лишь немногие поддерживали его. Когда 27 мая Кромвель внес в палату билль «о корнях и ветвях», который должен был покончить с ненавистной ему властью англиканских прелатов, он натолкнулся на ожесточенное сопротивление значительной части его членов (139 человек голосовало «за», 108 — «против»). Острота этого вопроса легко объяснима: сквайры до смерти боялись, как бы равенство людей, признаваемое в делах церковных, не повлекло за собой уравнивания граждан в делах государственных. Этот страх отчетливее всего проявился в речи сквайра Стрэнджуэйса, который прямо заявил: «Если мы введем равенство в церкви, нам придется ввести равенство в государстве». Подобная перспектива страшила многих единомышленников Стрэнджуэйса. Епископат представлялся им «защитным валом», ограждавшим их собственность и их власть от домогательств народа. Сквайры совместно с крупными буржуа Сити начали бунт против короля только для того, чтобы прибрать власть к рукам, а вовсе не для того, чтобы поделиться этой властью с народом. Вот почему теперь у многих пуритан руки не поднимались на епископат, к которому они питали давнюю неприязнь.

Откровенно предостерегающе прозвучало и выступление члена палаты поэта Эдмунда Уоллера: «Наши законы и современное церковное устройство перемешаны как вино и вода. Я смотрю на епископат, как на наружное укрепление или оплот, и говорю себе, что если оно будет народом разрушено, то будет разоблачена тайна, что мы ни в чем не можем народу отказать».

Прекрасно отдавая себе отчет в том, как тесно связаны между собой гнет церковных и гнет светских лордов, он продолжал: «А что касается злоупотреблений (епископов), то вы можете

получить тысячу примеров того, как тяжело приходится разным бедным людям от их лендлордов».

К осени 1641 г. положение парламента снова усложнилось. Уход шотландской армии с английской территории оставил его без защиты перед лицом контрреволюционных происков двора. К тому же в самой палате общин уже не было и следа от первоначального единодушия. Разногласия по вопросам церковного устройства, за которыми, как мы видели, скрывался страх буржуазии перед народными низами, все более грозили ей полным расколом. Со всех сторон в Вестминстер ползли слухи о «папистских заговорах», а интриги Карла, находившегося тогда в Шотландии, усиливали подозрения в подготовке им государственного переворота. И как бы подтверждая эти слухи и опасения, вспыхивает восстание в Ирландии. Естественно, что английские пуритане поспешили его объявить «папистским заговором». На деле вспыхнувшее в Ирландии восстание являлось лишь естественным результатом проводившейся там английскими лендлордами долголетней и бесчеловечной колонизаторской политики.

Завоевание Англией Ирландии началось еще в конце XII в. при Генрихе II Плантагенете. Однако вплоть до XVI в. английское владычество было там скорее номинальным, чем фактическим. Несмотря на многочисленные завоевательные походы и кровавые экспедиции, все попытки англичан насадить здесь свои порядки не имели успеха, и английское влияние ограничивалось лишь немногочисленными прибрежными городами на востоке острова. За этой узкой полосой ирландцы — народ кельтской расы с древней и самобытной культурой — продолжали жить по-прежнему: большими родовыми группами — кланами, занимаясь скотоводством и в меньшей мере земледелием. Они не только сохраняли свой язык, законы и обычаи, но, более того, быстро ассимилировали значительную часть осевших здесь англичан-колонистов. Для пресечения дальнейшего сближения англичан с ирландцами уже в XIV в. смешанные браки были объявлены государственной изменой, караемой смертной казнью, а ношение англичанами ирландской одежды или употребление ирландского языка влекло за собой конфискацию всех владений.

Реформация Генриха VIII еще больше углубила пропасть между англичанами и ирландцами. Англичане стали протестантами, ирландцы остались приверженцами католицизма. Однако именно с этого времени коренным образом меняется английская политика по отношению к Ирландии. Ирландию обрекали на полное подчинение, она должна была во всех отношениях слиться с Англией. Это означало полное уничтожение ирландских порядков: кланового строя, местных законов и обычаев. Это влекло за собой обезземеление ирландцев и превращение их в арендаторов английских лендлордов. С этим сочеталось посягательство на язык, веру, древнюю культуру.

Тюдоры начали новое завоевание «зеленого острова» и осуществляли его с упорством и жестокостью колонизаторов нового времени. Уже при Елизавете весь остров был объят пламенем войны. Графство завоевывалось за графством. Чтобы сломить сопротивление ирландцев, целые районы превращались в пустыню: селения выжигались дотла, скот угонялся, хлеб уничтожался на корню. Ирландцев брали измором. Вот как описывает такую «победу» очевидец.

«...Они (ирландцы) выползают из всех углов леса на руках, потому что ноги больше не носят их; они похожи на скелеты; говорят, точно замогильные духи, едят падаль... едят даже себе подобных, вырывают трупы из могилы».

(Ирландцев побеждали вероломством: им обещали прощение, если они сложат оружие, но после этого истребляли население целых деревень, не взирая на пол и возраст; ирландцев заставляли избивать друг друга, ибо только убившему нескольких соплеменников обещали свободу; ирландцев хватили и массами вывозили в английские колонии в качестве «белых рабов».

Клановый строй систематически разрушался введением английских земельных порядков. Более полумиллиона акров возделанной земли (не считая огромных пространств пустошей) было конфисковано при Елизавете и роздано английским авантюристам. При Якове I ирландская политика приобретает еще более бесчеловечные черты. Ирландскую землю стремились полностью очистить от ирландцев. Провозглашалось, что англичане должны иметь соседями только протестантов. Первый опыт такого полного «очищения» земли от ирландцев был проведен на севере острова, в Ольстере. 800 тыс. акров земли были переданы шотландским колонистам-протестантам. Накануне ирландского восстания здесь уже насчитывалось 120 тыс. колонистов. Местное же население шести северных графств было угнано из равнины в бесплодные горы и этим почти обречено на неизбежную голодную смерть. Ненасытная жажда земли охватила не только английских дворян, но и дельцов Сити. Они получили от Якова I крупную плантацию в графстве Дерри, обещая вложить в нее 20 тыс. фунтов.

Король рассматривал ирландские конфискации как важный источник пополнения вечно пустой казны и с этой целью назначал комиссии для проверки владельческих прав ирландцев. Комиссары с циничной беззастенчивостью выискивали различные предлоги, чтобы объявить землю коронной и изгнать ирландцев. Так, в 1617 г. 385 тыс. акров земли были признаны королевскими и заселены по примеру Ольстера. Владельцев, настаивавших на своем праве, арестовывали и пытали до тех пор, пока они сами не отступались от своих земель. Землю отнимали под предлогом отсутствия владельческих документов, по приговору присяжных, предварительно запуганных английскими наместниками. По отношению к «ирландским собакам» разрешалось все.

Даже убийство ирландца англичанином каралось лишь незначительным штрафом.

Политика массового обезземеления и истребления ирландцев продолжается и при Карле I. Ее проводником был хорошо знакомый нам Страффорд. Ко времени созыва Долгого парламента в руках англо-ирландских колонистов была уже четверть территории Ирландии. Однако теперь, в период все углублявшегося конфликта между королем и парламентом, Карл I пытался интриговать с ирландскими католиками, играя на их ненависти к протестантам-колонистам. Но ирландцы сделали свой вывод из английских событий: они восстали против британского владычества во имя своей свободы и независимости, своей земли и веры.

Английские колонизаторы теперь лишь «пожинали бурю», которую они сами посеяли, — не случайно восстание началось именно в Ольстере, где с ирландцами поступали наиболее бесчеловечно. Сами же колонизаторы довели ирландцев до отчаяния и теперь кричали о «католической мести». Владельцы награбленных в Ирландии земель оцепенели от страха, боясь за судьбу своих владений. Те же дельцы, которые не успели еще обзавестись землями, лицемерно оплакивали английских колонистов, погибших от руки восставших ирландцев, в то время как душа их ликовала и радовалась восстанию. Ведь для его подавления парламенту понадобятся деньги, а за подавлением неминуемо последует новая конфискация земель мятежников. Таким образом, предстояла выгодная сделка: за гроши, данные займы парламенту, оказывалось возможным стать владельцем «плантаций» в Ирландии. Наживалы-пуритане боялись не восстания; они боялись, как бы конфликт не был улажен мирным путем, они жаждали, чтобы восстание было во что бы то ни стало подавлено вооруженной силой. «Никакого мира с ирландцами!» — провозгласил парламент.

В Лондоне возмутились, когда ирландские лендлорды предложили подавить восстание своими силами, и незадачливый представитель, доставивший это предложение, был посажен в Тоуэр. При этом короля предусмотрительно лишили права помилования.

Для подавления восстания парламент, как и предполагалось, прибегнул к займу под залог двух с половиной миллионов акров ирландской земли, которую предстояло конфисковать у мятежников. В ожидании добычи аппетиты лондонских хищников становились все более непомерными. В феврале 1642 г. образовалось особое общество, обратившееся к парламенту с петицией, в которой оно предложило заранее распродать 10 млн. акров земли, подлежащей конфискации.

Предприятие обещало быть очень прибыльным, и охотников одолжить деньги под залог ирландских земель нашлось много. Небогатый Кромвель подписывается вслед за другими членами палаты на 500 фунтов.

Ирландское восстание поставило на повестку дня Долгого парламента вопрос о создании вооруженной силы, но трудность этой задачи заключалась в вопросе, кто будет ее контролировать — король или парламент? При сложившихся обстоятельствах королю, естественно, нельзя было доверять; второе решение неминуемо влекло за собой гражданскую войну. Меньшинство палаты, не страшившейся такой перспективы, спешило заручиться поддержкой народных масс. С этой целью была составлена так называемая «Великая ремонстрация» — документ, содержащий длинный перечень (206 статей) тех злоупотреблений и невзгод, которые претерпела нация с момента вступления Карла на престол, и тех мер, какие парламент принял для ограждения национальных интересов в будущем. «Великая ремонстрация» — это не «глас народа», а отражение интересов классов-союзников. В ней содержатся политические, экономические и религиозные требования этих классов. Она прежде всего заботится об утверждении принципа неприкосновенности буржуазной собственности, как основы политического и общественного строя Англии. Это буржуазно-дворянская программа революции, преподнесенная в религиозной оболочке. Многократно подчеркиваемая в ней угроза «восстановления католицизма» лишь выражала опасение о возобладании отживших классов и сил феодального общества.

Что же касается интересов широких масс крестьянства и городских низов, то они почти не нашли своего отражения в этом историческом документе. Главнейшими политическими требованиями ремонстрации были: 1) король должен пользоваться услугами только таких советников и министров, которым парламент может доверять, иными словами — министры должны впредь нести ответственность не перед королем, а перед парламентом; 2) ограничить непомерно разросшуюся власть епископов.)

Таким образом, лидеры оппозиции, выдвинув одно из основных конституционных требований буржуазной революции — подчинение исполнительной власти парламентскому контролю, сделали уступку умеренному крылу парламента в вопросе религии — в ремонстрации нет требования об уничтожении епископата.

Тем не менее, вокруг ремонстрации в палате общин разгорелись столь горячие споры, что обсуждение заняло почти весь ноябрь. Только 22 ноября она была, наконец, принята большинством всего в 11 голосов (159 за, 148 против). В этот день палата заседала 14 часов сряду. Во время голосования был момент, когда члены палаты взялись за шпаги, и дело едва не кончилось кровавой свалкой. Когда они, уже на рассвете, расходились по домам, Кромвель шепнул на ухо своему соседу знаменитую фразу: «Если бы ремонстрация была отвергнута, я продал бы на следующее утро все свое имущество и навсегда распрощался с Англией. Я знаю, что многие другие честные люди сделали бы то же самое». Для Кромвеля ремонстрация была тем пределом

уступок умеренному крылу парламента, дальше которых он идти не соби́рался.

Карл, тем временем вернувшийся из Шотландии, прекрасно понимал, что требования ремонстрации несовместимы с абсолютизмом, с королевской прерогативой. Он решил, наконец, избавиться от лидеров оппозиции, надеясь таким путем обезглавить ненавистный парламент. Для этой цели он прежде всего удаляет охрану парламента, в то же время с присущим ему вероломством заверяя его в том, что сам позаботится о «его безопасности, также как о безопасности своих детей».) По его секретному приказу Тоуэр приводится в боевую готовность, жерла орудий направляются на Сити, комендантом Тоуэра назначается головорез Ленсфорд, лишь ожидавший приказа для кровопролития.

Парламенту ничего не оставалось, как снова аппелировать к массам. Лондон немедленно приходит в движение. Толпы ремесленников и подмастерьев снова заполняют его улицы. 29 ноября вооруженные подмастерья окружают королевский дворец с возгласами «долой епископов!» Офицеры охраны приказывают открыть огонь, но солдаты не выполняют приказа.

11 декабря в палату лордов подается скрепленная 20 тыс. подписей петиция с требованиями исключить епископов из палаты лордов, 2 тыс. человек стоят у входа, многие врываются в палату.

27 декабря вооруженная толпа снова встречает лордов возгласами «долой епископов!», «долой папистских лордов!» Архиепископ Уильямс едва успевает укрыться в здании парламента от разъяренной толпы. На следующий день только два епископа из числа членов верхней палаты осмелились явиться на заседание. Лорды требуют принять меры против демонстрантов, но общины отказываются что-либо предпринять, — лондонцы их единственная опора и защита. «Боже избави, предостерегает Пим, если общины чем-нибудь ослабят воодушевление народа». В эти дни впервые прозвучали прозвища: «кавалеры» — по адресу сторонников короля, «круглоголовые» — по адресу сторонников парламента. Они вскоре станут наименованиями двух враждебных общественных лагерей на поле битвы.

(Наконец, король решился нанести удар. 3 января 1642 г. королевский прокурор явился в парламент с требованием ареста 5 членов палаты, обвиняемых в государственной измене; среди них были названы Пим, Гемпден, Гольз и другие. Но палата общин отказалась их выдать. Король пришел в бешенство. Подстрекаемый королевой, он решился на отчаянный поступок. На следующий день в сопровождении 400 солдат он сам отправился в палату, намереваясь арестовать обвиненных им лидеров. Но палата была вовремя предупреждена об этом, и обвиняемые успели скрыться.

Нарушая вековые традиции, король переступил порог палаты общин. Сопровождавшие его солдаты, с оружием и в боевой

готовности, остались у дверей в ожидании сигнала начать расправу. Король прошел меж рядами коммонеров к креслу спикера. Члены палаты встали, но на приветствия короля не ответили. В палате воцарилась мертвая тишина. Король обратился к коммонерам с речью, он задал спикеру вопросы, но никто не обмолвился ни единым словом. Король по очереди называл имена обвиняемых, но ответом снова было одно лишь молчание. Наконец, Карл убедился, как он сам выразился, что «птички улетели». С пустыми руками, опозоренный, он возвратился во дворец. На обратном пути ему пришлось пробираться сквозь возмущенную и грозно кричавшую толпу. В его карету попала брошенная прокламация, полная угроз.

Палата общин прервала заседания в Вестминстере и перенесла их в Сити. Здесь же укрылись 5 обвиняемых членов парламента.

5 января король лично явился к мэру в ратушу с требованием их выдать, но тот наотрез отказался это сделать.

Лондон в эти дни напоминал военный лагерь. 7 января по ложной тревоге на улицы высыпало более 100 тыс. человек. Королю не оставалось ничего другого, как покинуть отказавшую ему в повиновении столицу, — он вернется сюда только через 7 лет в качестве пленника Кромвеля. 10 января Карл уехал на север, чтобы собрать силы для борьбы. На следующий день палата общин в сопровождении многих тысяч лондонцев, двигавшихся водой и сушей, снова вернулась в Вестминстер. 5 тыс. сквайров и фригольдеров из Бекингемшира прибыло в Лондон, чтобы поддержать Джона Гемпдена. К шляпе каждого из них была приколота копия ремонстрации. Охрана безопасности парламента отныне была доверена лондонской милиции.

Весна и лето 1642 г. были использованы обеими сторонами для собираания сил. То было время памфлетной войны между королем и парламентом. Каждая сторона старалась изобразить другую в качестве нападающей, а собственные военные меры выдать за чисто оборонительные и вынужденные.

Неизбежность гражданской войны была теперь для всех очевидна. И чем больше она приближалась, тем увереннее звучал голос Кромвеля в палате, тем больше влияния он оказывал на ход событий. Время ораторов проходило, наступал час солдат.

Еще в начале ноября 1641 г. Кромвель предложил назначить графа Эссекса командующим вооруженными силами к югу от реки Трент. Это было в высшей мере революционное предложение, так как до той поры армия всегда находилась в исключительном ведении короля. 14 января Кромвель потребовал от палаты привести страну в боевую готовность. 7 февраля он внес 300 фунтов на военные нужды парламента, а через 2 месяца — еще 200 фунтов (Гемпден внес 1000 фунтов). Он решительно выступает за подчинение армии парламенту.

Король, желая выиграть время, лавировал между политической уступкой и войной. 14 февраля 1642 г. он согласился на исключение епископов из палаты лордов, а тем временем королева, захватив с собой драгоценности короны, уехала в Голландию, чтобы доставить королю из-за границы снаряжение, а по возможности и наемное войско.

5 марта 1642 г. парламент издал ордонанс, уполномочивавший лордов-лейтенантов в графствах призвать под ружье всех годных для военной службы подданных. Через три недели король, со своей стороны, запретил кому бы то ни было собирать милицию без его согласия.

23 апреля он предпринял попытку захватить крепость Гулль—наиболее значительный порт на севере Англии и наиболее крупный арсенал страны. Однако при появлении Карла на виду у крепости назначенный парламентом комендант Гулля приказал поднять мосты, и король был вынужден удалиться ни с чем. Штурмовать крепость у него не было сил. Вскоре оружие из Гулля было по приказу парламента морем перевезено в Лондон.

2 июня обе палаты направили королю так называемые «девятнадцать предложений», представлявшие собой по существу ультиматум парламента. Теперь речь шла уже не о признании королем той или иной привилегии парламента, а о передаче парламенту всей полноты власти. Парламент потребовал для себя права контроля за внешней и внутренней политикой, армией и флотом, права назначать судей и министров. Ему одному должно было принадлежать право помилования. Восставшая буржуазия открыто заявила притязания на власть в стране. Смысл их сводился к тому, что король может царствовать, но он не должен управлять. Ему можно сохранить знаки почета, но у него нужно отнять реальную власть. От имени короля страной отныне должен править парламент, представляющий интересы буржуазии и нового дворянства. И Карл это хорошо понял, когда в ответ заявил: «Если на это согласиться... тогда нас могут ожидать с непокрытыми головами, нам могут целовать руку, перед нами могут носить булаву и меч, мы можем развлекать свой взор видом короны и скипетра... но мы останемся только видимостью власти, только ее декорацией, только символом монархии». Но, как известно, добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу, «...гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса»¹.

Не желали сходить добровольно с исторической арены и феодальный класс Англии и олицетворявшая его господство стюартовская монархия. Карл отверг ультиматум. «*Nolumus Leges Angliae mutari*» — не желаем менять древние законы страны! — Таково было его решение. В ответ на это 4 июля парламент соз-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 609.

дал комитет обороны, который должен был возглавить его военную деятельность. 6 июля было принято постановление о наборе 10-тысячной армии, главнокомандующим которой парламент назначил графа Эссекса, сына елизаветинского фаворита. 22 августа король поднял свой флаг в Ноттингеме и тем самым официально объявил войну парламенту. Гражданская война началась.

ГЛАВА X

Гражданская война

Англия теперь открыто разделилась на два враждебных лагеря: на сторонников короля — «кавалеров» и сторонников парламента — «круглоголовых». И те и другие имелись почти в каждом графстве, в каждом приходе. Не удивительно поэтому, что война между королем и парламентом с самого начала вылилась в бесконечное количество мелких стычек, набегов и контр-набегов, ареной которых являлась вся страна. Лишь со временем, в ходе войны, последовало территориальное размежевание враждебных сторон.

Если отсталые, редко населенные графства северо-запада, а также Уэльс и Корнуол под влиянием господствовавших там могущественных лордов решительно стали на сторону короля, то экономически развитые графства юго-востока не менее единодушно выступили на стороне парламента. В этом географическом размежевании «круглоголовых» и «кавалеров» отразилось не что иное, как различие социального состава их рядов.

Все те, кто был заинтересован в сохранении средневековых порядков — крупная землевладельческая знать с зависимыми от нее держателями и челядью, придворные чиновники и финансисты, англиканская церковь, — все они подхватили королевское знамя с начертанным на нем девизом: «За бога и короля Карла», так как в торжестве абсолютного монарха они видели свое собственное спасение.

Знать широко субсидировала короля деньгами, снаряжала для него за свой счет отряды кавалерии, превращала свои усадьбы в опорные пункты роялистов.

Достаточно сказать, что один лишь граф Гламорген после реставрации предъявил королю Карлу II счет на огромную сумму в 918 тыс. фунтов стерлингов. Точно также англиканское духовенство помогало королю не только «словом божьим», но и деньгами, оружием, драгоценностями.

Те же общественные слои, которых эти порядки угнетали и обирали, и, следовательно, жаждавших их уничтожения: купцы и промышленники, сквайры, хозяйничавшие, как буржуа, но прежде всего народные массы — йоменри, ремесленные мастера

и подмастерья, — стали главной опорой парламента. О том, сколь велик был революционный подъем в народных низах, свидетельствуют многие факты.

Только за один день в милицию Лондона вступило 4—5 тыс. добровольцев. Из Норфока сообщалось о «щедрых добровольных пожертвованиях» парламенту. «Швея принесла свой серебряный наперсток, повар — серебряную ложку», вдова — мушкет и 20 шиллингов, другая вдова — 10 шиллингов и т. д.

В этих строках привлекает внимание социальная принадлежность первых жертвователей — это был бедный люд.

Особенностью разгоревшейся гражданской войны на первых порах было отсутствие армии как у парламента, так и у короля. Так называемая милиция — народное ополчение, собиравшееся по графствам лишь в минуты опасности, — являлась военной силой только по своему названию. Долголетний мир, обусловленный островным положением страны, привел к тому, что англичане давно уже отучились воевать. Если не считать немногочисленной прослойки людей, служивших в континентальных армиях, милиция обычно даже не умела как следует обращаться с огнестрельным оружием, к тому времени окончательно вытеснившим средневековый лук.

К тому же упрямое нежелание ополченцев покидать пределы родного графства служило огромной помехой при использовании их в ходе войны в качестве полевой армии. Тем не менее, к лету 1642 г. милиция была единственной военной силой Англии, и борьба за обладание ею заполнила весь начальный период гражданской войны. Король и парламент стремились опередить друг друга в призыве ее под свои знамена или, на худой конец, в овладении ее оружием.

Однако с самого начала на стороне парламента был ряд важных преимуществ перед роялистами.

Прежде всего в его руках оказался весь военный флот и все сколько-нибудь значительные порты страны — от Бристоля до Дувра и Гуллы. Это обеспечило ему полное господство на море на всем протяжении войны.

Король был отрезан от континента и ограничен одними убогими ресурсами северо-западной Англии, тогда как парламент, обладавший наиболее многолюдными богатыми графствами, имел, кроме того, еще и открытый доступ в заморские страны.

Но самое важное из всех преимуществ парламента заключалось в обладании Лондоном — хозяйственным и политическим центром Англии.

Располагая только подачками своих приверженцев и драгоценностями короны, король в ходе начавшейся войны испытывал все большие финансовые затруднения, в то время как парламент, захвативший в свои руки львиную долю королевских доходов, пользовался неограниченным кредитом лондонского Сити. Это давало ему возможность не только содержать более многочис-

ленное, чем у короля, войско, но со временем и лучше вооружить его.

Наконец, весьма важным преимуществом парламента к началу военных действий было наличие в его руках единственной обученной части милиции — ополченцев Лондона, насчитывавших до 18 тыс. человек, тогда как под рукой у короля к началу войны было всего несколько сот приверженцев. Недаром один из приближенных предупреждал его в те дни: «Ваше величество! в одну прекрасную ночь вас могут взять голыми руками».

Однако исход запыхавшей по всей стране гражданской войны определялся, как мы вскоре увидим, не столько этими преимуществами парламента, сколько его готовностью вести войну по революционному, т. е. решимостью вовлечь в борьбу против короля широкие народные массы, и не для того, чтобы, напугав его, выторговать те или иные частичные уступки, а для того, чтобы одержать над королем и его приверженцами решительную и полную победу.

Но именно такой решительной и революционной войны не желали и до смерти боялись крупные сквайры и купцы — «умеренная» партия как в парламенте, так и вне его. Война грозила им застоєм в торговле и промышленности, а следовательно, и сокращением их доходов. Но больше всего их пугало вовлечение в борьбу народных низов, социальные требования которых угрожали их богатству и власти. Вот почему, как только война стала реальностью, среди зажиточных классов и в первую очередь среди денежных тузов Сити от первоначального воодушевления «бунтовщиков» не осталось и следа. Король предстал теперь перед ними не в виде тирана, а в качестве единственной спасительной опоры порядка и законности. Что будет, если они останутся лицом к лицу с вооруженным народом? И, устрешенные подобной перспективой, они уже осенью 1642 г. потребовали: «мир с королем», «мир во что бы то ни стало!» И так, не успела гражданская война начаться, как пресвитерианское большинство парламента стало мечтать не о победе, а о примирении с королем. К Карлу I то и дело посылаются «смиренные пожелания и предложения» о мире.

На фоне этого резкого поправения верхушки зажиточных классов рельефно выделялась политическая дальновидность сельского джентльмена Оливера Кромвеля, одного из немногих представителей буржуазии, уже тогда сознававших, что без решительной победы над королем на поле брани нельзя закрепить добытых в парламенте завоеваний буржуазной революции.

Как только загревели выстрелы и обнажены были сабли, Кромвель сразу же почувствовал себя в родной стихии. Наконец ему суждено было раскрыть свое истинное призвание — призвание великого солдата.

Еще в июле 1642 г. Кромвель отправляет в Кембридж на 100 фунтов стерлингов оружия и просит палату общин разрешить

городу набрать и обучить для борьбы с роялистами два отряда добровольцев. В августе мы видим его скачущим из Лондона на север: до него дошли слухи, что Кембриджский университет собирается отправить королю все свои драгоценности, и он решил во что бы то ни стало этому помешать. Прискакав в Кембридж, Кромвель с горсткой людей захватил городской склад оружия, внезапно окружил университет в момент, когда туда прибыли королевские курьеры, и, овладев всеми драгоценностями (на сумму в 20 тыс. фунтов), отправил их парламенту.

Не дожидаясь согласия последнего, он арестовал нескольких роялистски настроенных богословов и отправил их в Лондон. Благодаря его решительности и неумолимости, Кембридж был быстро очищен от роялистов и превращен в непоколебимую опору парламента.

В сентябре Кромвель в чине капитана возглавил отряд из 60 кавалеристов-добровольцев, набранных им среди своих единомышленников — пуритан Кембриджа и Гентингдона. Со временем из этой горстки преданных революции йоменов создастся ядро знаменитой кавалерии «железнобоких».

Так началась новая полоса в жизни этого немолодого уже человека (в 43 года), новая и необычная для мирного сквайра деятельность, которая вскоре выдвинула его на авансцену революционных событий.

Комитет обороны во главе с Пимом готовился нанести королю поражение до того, как он соберет вокруг себя значительные силы своих приверженцев. Обладая гораздо большими денежными средствами, парламент развернул массовый набор добровольцев, и к началу сентября армия под командованием графа Эссекса имела уже под своими знаменами до 20 тыс. человек¹. Однако только под большим нажимом Эссекс 9 сентября вывел свою армию из Лондона, везя в обозе свои похоронные принадлежности — гроб, саван, фамильные гербы. Лидеры парламента надеялись на скорую победу над королем, а граф Эссекс, в душе горячо желавший примирения с ним, делал все от него зависящее, чтобы избежать вооруженного столкновения. Создавалось впечатление, будто полководец парламента стремится дать королю возможность выиграть драгоценное время. Так, достигнув Нортсемптона, Эссекс решил «передохнуть»; то же повторилось по достижении им Вустера. Тем временем продвигавшееся на юг войско короля росло, как снежный ком, пополняясь «кавалерами», вливавшимися в него вместе со своими слугами и дворовыми людьми. Численное соотношение быстро менялось в благоприятную для короля сторону. К середине октября Карл настолько осмелел, что решительно двинулся на Лондон с тем, чтобы одним ударом покончить с революцией. Только через 11

¹ Помимо армии Эссекса, парламент вскоре сформировал еще две армии: западную — армию Уоллера и северную — под командованием Ферфаксов.

дней после того, как королевские силы выступили из Шрусбери на юг, Эссекс разгадал их планы. Теперь он, проснувшись, наконец, от спячки, так заторопился вдогонку королю, что потерял по дороге значительную часть своих сил, в том числе всю артиллерию.

Только 23 октября противники встретились у холма Эджхилл (недалеко от Оксфорда), располагая примерно одинаковыми по численности силами (по 14 тыс. человек). Однако «кавалеры» обладали несомненным преимуществом — гораздо более многочисленной, чем Эссекс, кавалерией. Здесь состоялось первое крупное сражение гражданской войны.

Однако, прежде чем изложить его ход и конечные результаты, бросим беглый взгляд на состояние военного дела в Англии тех дней; это поможет нам лучше понять, чем был обязан парламент военному таланту Кромвеля.

Как ни отставало военное дело Англии XVII в. (благодаря долголетнему миру) от военного дела континентальных стран Западной Европы, оно все же не оставалось в стороне от технических и тактических новшеств, впервые продемонстрированных в сражениях Тридцатилетней войны. Огнестрельное оружие, значительно увеличившее роль пехоты по сравнению с кавалерией, было еще столь несовершенным и громоздким, что делало пехоту пригодной главным образом лишь для обороны. Основным оружием пехотинца был мушкет — ружье, заряжавшееся с дула и стрелявшее при помощи фитиля, которым поджигался заряд пороха. В ветреную или сырую погоду стрельба чрезвычайно затруднялась: в первом случае выдувался порох, во втором — не зажигался фитиль. Стрельба производилась через столь длительные промежутки и была еще настолько малоэффективной, что врагу наносился лишь незначительный урон. Штыков же еще не было. Обремененные громоздким, тяжелым и медленно действующим оружием, стрелки пехоты нуждались сами в защите от нападения кавалерии.

Вот почему для отражения кавалерийских атак в состав пехоты включались обычно копейщики — одетые в латы пехотинцы, вооруженные длинными (до 18 футов) копьями; ошетилившиеся стальными копьями ряды пехоты неоднократно заставляли кавалерию поворачивать обратно.

Не удивительно, что к середине XVII в. кавалерия все еще оставалась наиболее маневренной и ударной частью армии. Исход кавалерийской атаки, как правило, предreshал исход всего сражения, так как оставшейся без кавалерийского прикрытия пехоте редко удавалось избежать поражения.

Одетые в кожаные куртки (нередко и в стальные панцири), и стальные шлемы, кавалеристы атаковывали сомкнутым строем; их вооружение состояло из пистолетов и сабель. Первые пускались в ход в начале атаки, вторые — при соприкосновении с врагом.

Только у драгун — передвигавшихся верхом пехотинцев — имелись кремневые ружья. Что же касается артиллерии, то хотя англичане, и в особенности шотландцы, и восприняли нововведение шведского короля Густава Адольфа — «кожаную артиллерию» (легкие тонкоствольные пушки, покрытые сверху слоем кожи и стрелявшие двух-трехфунтовыми ядрами), однако в гражданской войне она играла лишь вспомогательную роль. Только при осаде замков и крепостей артиллерия сослужила более ценную службу.

Как видим, техническая оснащенность английской армии в дни гражданской войны мало чем отличалась от техники современных ей континентальных армий.

И заслуга Кромвеля заключалась не в технических нововведениях, а в принципиально ином, чем у врага, использовании кавалерии на поле боя, в применении того своеобразного кавалерийского маневра, которому парламент не в малой мере обязан был своими военными победами над королем.

Однако при Эджхилле Кромвель был еще только незаметным капитаном кавалерийского отряда и не он решал исход сражения.

Если в парламентских войсках успех во многом зависел от малосведущего в военном деле, вечно колеблющегося и по существу не желавшего сражаться против короля Эссекса, то в лагере роялистов его фактически определял не престарелый главнокомандующий Линдсей, а 22-летний племянник короля, пользовавшийся его особым доверием, принц Руперт, стоявший во главе кавалерии. Лично несомненно храбрый, Руперт был, однако, не только лишен военного опыта но и основного качества полководца — холодного рассудка. Во время атаки он настолько увлекался своим делом, что совершенно терял способность правильно оценивать сложившуюся на поле боя обстановку. Ослеп-

Принц Руперт.

ление в бою мешало ему учиться на собственных ошибках, и в то же время высокомерие не позволяло учиться у врага.

Таковы были военачальники вражеских станов при Эджхилле.

К полудню враги выстроились в боевой порядок, — как у роялистов, так и у войска парламента пехота находилась в центре, кавалерия — на флангах. Сражение начала кавалерия Руперта. Ее стремительная атака вскоре опрокинула и обратила в бегство стоявшую на первом фланге парламентскую кавалерию. Парламентская армия неминуемо была бы разгромлена, если бы Руперт, увлекшийся преследованием ее кавалерии и грабежом ее обоза, фактически не покинул поле боя. Менее удачной была атака роялистов на противоположном фланге. Здесь парламентская кавалерия под начальством Степльтона не только отбросила роялистов, но сама перешла в наступление. Наконец, в дело с обеих сторон вступила пехота. Но в то время как роялистам теперь приходилось сражаться без кавалерии, пехота Эссекса получила поддержку от своих кавалерийских отрядов, атаковавших королевскую пехоту с фланга и тыла.

Когда же к вечеру Руперт, наконец, вернулся снова на поле боя, он смог спасти от окончательного разгрома только остатки своей пехоты — не больше. Ночь прервала сражение.

На следующее утро получивший подкрепление Эссекс, вместо того чтобы возобновить битву, отдал приказ об отступлении, чем доставил несказанное удовольствие врагу. Король не только избежал неминуемого поражения, но неожиданно для себя приобрел плоды победы. Он вступил в Оксфорд. Ободренный нерешительностью Эссекса, Карл через несколько дней снова двинулся на Лондон, но здесь дорогу ему преградила армия Эссекса, подкрепленная на этот раз милицией Лондона. Когда у Тэрнхем-Грин Руперт увидел численно вдвое превосходящее его и несравненно лучше снаряженное парламентское войско, он приказал отступить, не дав сражения. И на этот раз Эссекс дал королю спокойно уйти от неминуемого поражения.

Лондон был спасен, но король прочно обосновался в 30 милях от него, в Оксфорде, ставшем с тех пор его штаб-квартирой до конца гражданской войны.

Для всех стало очевидным, что война затянется. Трусливые дельцы Сити сделали для себя вывод: нужно как можно быстрее добиться мира с королем. Они провоцировали демонстрации лондонских лавочников и их учеников; в парламент посыпались петиции с требованиями мира, за спиной парламента стали приглашать короля в Лондон.

Совершенно иной вывод сделал для себя Кромвель.

Эджхилл был для него, как и для многих его соратников, первой военной школой, и он оказался лучшим ее учеником. В этой битве Кромвель отчетливо увидел все сильные и слабые стороны противников. Теперь ему стало совершенно ясно, что без сильной кавалерии парламенту никогда не удастся одержать

победу над королем. Но дело этим не ограничивалось. Парламенту нужны были такие солдаты, которые сражались бы на его стороне не столько за плату, сколько по убеждению в правоте его дела, солдаты, которые по своему воодушевлению и стойкости не только не уступали бы «кавалерам», но и превосходили бы их. Между тем набранные из самых разнородных элементов парламентские отряды не обладали ни тем ни другим. Необученные, плохо дисциплинированные, нерегулярно оплачиваемые, они то и дело выходили из подчинения своих командиров, превращаясь в банды мародеров и грабителей.

Кромвель в те дни говорил своему кузену Гемпдену: «Ваши (т. е. парламентские) отряды состоят большей частью из старых, дряхлых военных слуг и пьяниц, а их отряды (т. е. королевские) — из сыновей джентльменов и почтенных людей. Неужели вы думаете, что души этих низких и подлых людей когда-либо будут в состоянии померяться силами с джентльменами, обладающими честью, мужеством и решимостью?.. Вы должны набрать людей такого духа, который заставлял бы их вести себя по-джентльменски, в противном случае вас опять разобьют». «Чтобы сразиться с людьми чести (т. е. джентльменами) мы должны иметь людей религии (т. е. пуритан), а где их найти, я знаю...». И хотя Кромвель, несомненно, преувеличивал «честь» и «мужество» джентльменов, сражавшихся под королевским знаменем, в его словах было много правды. Это признавал и Гемпден, хотя он и сомневался в возможности создания новой армии.

Кромвель же усматривал в этом выдвинутом им требовании первоочередную задачу парламента, и он первый взялся за ее осуществление.

Несколько позднее в одном из своих писем Кромвель развивает свою мысль: «Небольшое число благочестивых людей ценнее, чем толпы... если вы выберете в качестве капитанов божьих праведных людей, благочестивые люди последуют за ними; я предпочитаю простоватого капитана в грубошерстном кафтане, который знает, за что он сражается, и любит то, что он сознает, тому, кого вы называете джентльменом и который больше ничего собой не представляет».

И в поисках таких «божьих людей» Кромвель обратился к графствам Восточной Англии, где многочисленнее всего была прослойка свободных земледельцев йоменов-фригольдеров, издавна являвшихся убежденными врагами феодальных порядков, а следовательно, и убежденными пуританами и сторонниками парламента.

Именно они — крестьяне-йомены — и составили основное ядро кромвелевской кавалерии, которая, как мы вскоре увидим, и решила исход гражданской войны. «Конечно...», — признавался Кромвель, — было бы хорошо, если бы люди чести и хорошего происхождения вступили в войско. Но почему же они не показываются? Кто бы им мешал это сделать?»

При всем своем преклонении перед представителями своего класса — джентри — и нескрываемом пренебрежении к народным массам Кромвель в поисках «людей духа» обратился именно к последним, рассчитывая в их лице найти стойких и храбрых, сознательных и самоотверженных воинов. Этот знаменательный факт свидетельствует о том, что только народные массы являлись решительным и последовательным врагом абсолютизма, что только они были способны завоевать победу буржуазной революции.

Дальновидность и величие Кромвеля, как буржуазного революционера именно в том и заключались, что, добиваясь победы своего класса, он сознавал настоятельную необходимость вовлечения народных масс в борьбу; в том, что он в отличие от других сторонников парламента не побоялся в решительный момент опереться на эти массы в войне с королем.

В начале 1643 г. мы видим его уже во главе кавалерийского полка. Не жалея сил и времени, обучал Кромвель своих йоменов-кавалеристов военному искусству, железной рукой поддерживая среди них воинскую дисциплину.

И когда полк Кромвеля предстал перед глазами современников, наиболее проницательные из них разгадали, чему он обязан своими боевыми качествами.

«Большинство из них (т. е. солдат этого полка), — записал видный деятель парламента Уайтлок, — фригольдеры или сыновья фригольдеров, которые участвуют в этой войне по убеждению; будучи хорошо вооружены, они сражаются сплоченно, как один человек».

«Эти люди, — отметил другой современник, пуританский проповедник Бакстер, — были более сознательными (воинами), чем обычные солдаты».

«Полковник Кромвель выбирал офицеров не просто из вояк или состоятельных людей, но из таких, которые были простыми, не особенно состоятельными людьми незнатного происхождения» — свидетельствует третий. Эти люди гордились тем, что они не наемники, продававшиеся за деньги, не профессиональные служаки, а «ратники божьи», сражающиеся за благо народа против кровавого тирана — короля и его помощников — преступных лордов (делинквентов).

Они часто приходили со своими лошадьми и снаряжением, поражали всех своим воодушевлением и единодушием в бою, своей выдержкой, дисциплиной. Последняя особенно бросалась в глаза на фоне тех бесчинств и грабежей, которые повседневно совершались роялистами Руперта, заслуженно прозванного в народе «Роббер» — грабитель.

Исключительную для того времени дисциплинированность кавалеристов Кромвеля отмечал известный историк «великого мятежа», очевидец событий Кларендон. «Королевские войска, —

писал он, — после атаки никогда не строятся снова и не способны вторично атаковать в тот же день, в то время как солдаты Кромвеля, независимо от того, одержали они победу или оказались битыми и преследуемыми, тотчас же принимают боевой порядок в ожидании новых приказов».

Нужды солдат — их снаряжение, жалование, снабжение — стояли в центре внимания Кромвеля. Он то и дело об этом напоминал комитетам графств, медлившим с присылкой денег. Так, в одном из писем он указывал: «Моя часть выросла. Я имею прекрасных соратников... Но у меня мало собственных денег, чтобы помочь моим солдатам». В письме к мэру Кольчестера он укоряет его: «Не нагружайте слишком много на плечи бедного джентльмена, который желает только... отдать свою жизнь и последнюю каплю крови для победы... Я прошу денег не для себя. Если бы речь шла обо мне, я и рта не раскрыл бы в такое время; но другие не будут этим удовлетворены...» «Я не тревожил бы вас по денежным делам, — пишет он в Лондон, — если бы нужды моих солдат не угнетали меня сверх всякой меры».

Что же удивительного в том, что в то время как другие части парламентской армии катастрофически таяли от дезертирства, ряды кромвелевской кавалерии неуклонно росли: к концу 1643 г. она насчитывала уже 14 эскадронов, более 1100 сабель.

Так усилиями Кромвеля было создано ядро новой, невиданной до тех пор революционной армии — «железнобоких».

Однако к лету 1643 г. положение парламента становилось все более критическим. Парламентские силы терпели поражение за поражением.

Эссекс, имея под своим знаменем около 20 тыс. человек, медленно передвигался к резиденции короля — Оксфорду, слабо укрепленному и плохо подготовленному к длительной обороне. Однако его нежелание сражаться снова (в который уже раз!) спасало короля, давая ему выиграть время. К тому же нерегулярно оплачиваемые и плохо снаряженные солдаты Эссекса дезертировали массами, их косили болезни, армия его таяла на глазах.

18 июня в небольшой стычке был смертельно ранен знаменитый Гемпден, после чего Эссекс окончательно отказался от попыток наступления.

Это обстоятельство дало возможность королеве успешно доставить Карлу в Оксфорд значительные подкрепления людьми и снаряжением, а главное — крупную сумму денег (около 2 млн. фунтов). Король воспрянул духом. Он перешел в наступление. Оставленная Эссексом без поддержки парламентская армия генерала Уоллера, блокировавшая роялистов на западе, подверглась теперь сокрушительной атаке и была почти полностью истреблена. 26 июля Руперт взял штурмом второй после Лондона порт королевства — Бристоль; вскоре пал другой крупный порт — Экстер; в августе был обложен опорный пункт парла-

мента на западе — Глостер. Столь же неудачно для парламента развивались события на севере. Здесь армия роялистов, возглавлявшаяся Ньюкэстлем, нанесла крупное поражение парламентским силам, находившимся под командованием Ферфаксов (Фердинанд Ферфакс — отец, Томас Ферфакс — сын). Остатки их разбитой армии вынуждены были скрыться за стенами Гулля. Весь Йоркшир оказался в руках врага.

Теперь у короля созревает дерзкий план атаковать Лондон всеми наличными силами одновременно с трех направлений: с севера — силами Ньюкэстля, с запада — силами корнуолцев, Руперт же должен был приковать к себе армию Эссекса в центре. Опасность, грозившая парламенту, была смертельной. Единственной помехой для осуществления плана роялистов было нежелание северян и корнуолцев идти на Лондон до тех пор, пока в их тылах оставались парламентские крепости: на севере Гулль, а на западе — Плимут и Глостер.

Взятие этих парламентских пунктов стало на время центральной задачей роялистов. В этот критический для парламента час Лондон вновь оказался самой надежной его опорой.

Лондонская милиция, подкрепившая ослабленную армию Эссекса, с невиданной быстротой оказалась под стенами Глостера, и город был спасен. Когда же на обратном пути король пытался блокировать ее у Ньюбери, она проявила такую изумительную стойкость, что о ее сопротивление вдребезги разбились все бешеные атаки кавалерии Руперта. Но, выполнив свою задачу, милиция больше сражаться не желала, и с криками «домой! домой!» ополченцы устремились к Лондону. Даже лондонская милиция оказалась непригодной для длительной полевой службы!

В эти дни обнаружился основной порок прежних военных формирований парламента. Отряды местного ополчения, мужественно воевавшие вблизи родного очага, отличались чрезмерной приверженностью именно к этому очагу, к своему городу, к своему графству.

Совокупность таких отрядов не представляла собой того единства, которое заслуживает наименования армии, не являлась организованной силой, послушной единому руководству, силой, готовой сражаться там, где приказывает командование, и тогда, когда оно приказывает.

В этих условиях только отряды восточной Англии, и в первую очередь кавалеристы Кромвеля, оказались единственной активно действующей силой парламента. Еще в конце 1642 г. из 5 восточных графств: Норфольк, Сеффольк, Эссекс, Кембридж и Гертфорд — была образована так называемая «Восточная ассоциация», которая должна была объединить силы и средства отдельных графств для совместной борьбы с роялистами (позднее к ней были присоединены еще два графства — Гентингдон и Линкольншир).

15917 107
К лету 1643 г. эти графства не только оказались основной территорией парламента, но и объектом главного удара роялистов, направленного с севера на Лондон. Вот почему внимание парламента было теперь приковано к деятельности «Восточной ассоциации». И если эта ассоциация до конца войны непоколебимо стояла на стороне парламента, если ни один роялист не сумел переступить ее порога, то этим она была обязана исключительно Кромвелю. Он поистине был душой ее военных усилий. Его действия были решительны и энергичны, его марши — молниеносны, удары — внезапны и сокрушительны. Его утром можно было видеть в одном конце ассоциации, а к вечеру — в другом. Почти в одно и то же время он подавляет мятеж роялистов в Ловестофте, обезоруживает кавалеров в Линне, пресекает в зародыше роялистский заговор в Гентингдоне, захватывает вражеский гарнизон в Кроулленде. Он укрепляет родной Кембридж и очищает от кавалеров прилегающие поместья и замки. Его непримиримость пугает врагов, его энергия и воодушевление увлекает и ободряет друзей. Он не дает покоя комитетам графств, будит их активность, предупреждает об опасностях, всюду мобилизует силы сторонников парламента.

В этом отношении характерно его краткое, но выразительное письмо комитету Кембриджа: «Теперь не время для дискуссий, отправьте без промедления все, что вы можете... за исключением нашей кавалерии, которая малочисленна, нечем преградить дорогу врагу. Вы должны действовать быстро... не пренебрегайте никакими средствами».

Когда «Восточная ассоциация» оказалась перед непосредственной угрозой роялистского вторжения, парламент постановил создать 10-тысячную армию для ее защиты. Командующим ее, по предложению Кромвеля, был назначен граф Манчестер; сам он возглавил кавалерию этой армии. Однако, когда нужно было идти на выручку Ферфаксам в Гуль, готовность проявили снова одни только силы Кромвеля. Он один вторгается в Линкольншир; при Винсби (11 октября) Кромвель атаковал главные силы роялистов. Это было его первое крупное самостоятельное сражение. Под ним была убита лошадь, подмявшая его под себя. Когда ему удалось, наконец, подняться, он снова был сбит с ног. Но Кромвель поднимается снова, схватывает скачущую без седока лошадь и опять продолжает руководить боем. Его «крестьяне-кавалеристы» одержали блестящую победу в этом бою: 35 знамен и 1000 пленных роялистов стали их трофеями дня. Линкольншир был очищен от роялистов и вошел в состав «Восточной ассоциации». Через неделю после Винсби Ньюкэстль был вынужден снять осаду Гулля, Ферфаксы получили возможность присоединиться к парламентским силам. «Я берусь за необычные дела, — скажет Кромвель после этих побед, — но доведу их до конца. Я ощущаю, как будто меня увлекает чудесная сила... днем и ночью великое дело во мне идет вперед...»

Так Кромвель своей деятельностью в «Восточной ассоциации» в 1643 г. начал осуществлять свой план достижения победы при помощи войны, ведомой по-новому. Однако в парламенте этот план не только не вызывал воодушевления, но даже привел к глубокому расколу. Вовлечение народных масс в войну пугало крупных собственников города и деревни. Народ представлялся им стоглавым зверем, а Кромвель — человеком, спускающим его с цепи.

Еще в 1641 г. член парламента поэт Уоллер предупреждал, что в этом случае нельзя будет «отказать им ни в чем из того, что они могут потребовать всей массой», что «вслед за этим мы должны будем взять на себя тяжкий труд защиты нашей собственности, подобно тому как мы ее недавно отстаивали от притязаний короля». Перед лицом подобной угрозы в парламенте образовалась партия большинства, партия консервативно настроенных пуритан, добивавшихся либо соглашения с королем ценой всяческих уступок, либо победы в войне без участия народа, и в противовес ей партия меньшинства, партия более последовательных и смелых буржуазных революционеров, шедших за Кромвелем, добивавшихся победы над королем и ради этой победы не страшившихся использовать революционную энергию народной массы.

Как это было свойственно всей английской революции, политические расхождения между обеими партиями прикрывались разногласиями религиозными. Консервативное большинство Долгого парламента, желая воспрепятствовать пробуждению народа к политической жизни и связанному с этим углублению революции, добивалось заключения союза с шотландцами, ценой введения в Англии шотландских церковных порядков.

Вкратце последние сводились к следующему: во главе каждой церковной общины должны были стоять проповедники и избранные старшины — пресвитеры, из которых составлялись местные церковные советы — «пресвитерии» и центральное их собрание — синад, осуществляющие власть над церковными общинами. Роль этих органов, укомплектованных богатыми людьми, мало чем отличалась от роли епископов. Подобно последним пресвитеры насильно навязывали единообразие церковных обрядов, осуществляли надзор за «совестью» и нравственностью верующих, заставляли исповедоваться в «грехах» и наказывали нарушителей церковной дисциплины как вероотступников. С этой целью они стремились поставить себе на службу государственную власть. Государство в их глазах — только орудие в руках пресвитерий, призванное силой утвердить и охранять угодные им общественные и церковные порядки. Свобода личности в делах совести, пытливость ума, сомнения — вещи столь же неприемлемые для кальвинистской доктрины пресвитериан, как они были неприемлемы и для католицизма и для англиканской церкви.

Весь смысл этих порядков для крупных буржуа Лондона и

крупных джентльменов-аристократов сводился к тому, что они обеспечивали им руководящее положение как в церкви, так и в государстве, — ведь старшины избирались только из «лучших людей», т. е. в конечном счете из богатых. Широкие массы были совершенно лишены всякого голоса как в церковных, так и в политических делах. Сторонников этой партии поэтому называли пресвитерианами.

Партия же меньшинства выступала за полную независимость каждой церковной общины от какой бы то ни было принудительной власти. Она отвергала навязывание сверху какого бы то ни было единообразия в церковных порядках, стоящего в противоречии с совестью самих верующих. По их мнению, важно не внешнее церковное единство, а внутреннее, основанное на духовной общности людей. Одним словом, это была партия, выступавшая за относительную свободу совести, за терпимое отношение к различным исповеданиям и сектам (разумеется, за исключением католиков) — партия «независимых», или индепендентов.

Не следует, однако, думать, что индепенденты представляли собой нечто единое по социальному составу своих приверженцев и политическим их устремлениям. Как мы увидим впоследствии, это была разношерстная и многоликая масса, не только с противоречивыми, но нередко с противоположными положительными идеалами. Единственно объединяющей их была борьба за торжество принципа свободы совести, в которой они видели предпосылку свободы вообще, будь это экономическая свобода или свобода политическая.

Признанным вождем индепендентов после смерти Гемпдена и Пима (1643) стал Кромвель. Борьба его за веротерпимость против любых форм церковного принуждения находилась в полном соответствии с его планом ведения войны против короля. В народной среде среди йоменов, ремесленников, мелких торговцев были широко распространены различного рода религиозные секты, в которых так или иначе отражались ее социальные чаяния. Кто желал вовлечения этих масс в борьбу с королем, тот, естественно, не мог мириться с желанием пресвитериан поставить все эти секты вне закона, — это значило бы убить в зародыше то воодушевление масс, которое так хотел использовать Кромвель.

Кто желал создать армию из народа, должен был встречать добровольцев-сектантов с таким же радушием, как и пресвитериан, — именно так и поступал Кромвель. Недаром его кавалерия считалась «гнездом всякого рода сектантов» и, следовательно, была насквозь индепендентской.

Когда один из парламентских генералов уволил офицера под тем предлогом, что он «сектант», Кромвель писал ему: «Допустим, что он им (на самом деле) является, делает ли это его непригодным служить общему делу? Сэр, государство, выбирая

людей для службы, не принимает во внимание их (религиозные) убеждения; если они желают верно служить ему, этого достаточно».

Со своей стороны, пресвитериане не менее хорошо сознавали, чем угрожает им свобода в толковании «божьих велений», которые каждому вольно было находить в священном писании. Упомянутый нами Уоллер указывал: «Я уверен, что когда они станут выражать свое стремление к равному разделению земель и богатств, в писании всегда найдется столько же мест, подтверждающих это желание, сколько теперь приводится против прелатов и господства церкви».

Удивительно ли после этого, что лондонское Сити стало цитаделью пресвитерианства, что преобладающая часть парламента оказалась пресвитерианской, что пресвитериане располагали абсолютным большинством в созванном летом 1643 г. в Вестминстере собрании, которому поручено было разработать план церковного устройства Англии.

Кромвель и его сторонники составляли в парламенте меньшинство, и только в часы смертельной для парламента опасности они могли влиять на его решения. В обычное же время парламентское большинство было склонно вести войну вяло, с расчетом лишь на то, чтобы заставить Карла пойти на уступки и принять условия парламента.

Насколько сильно было желание состоятельных собственников примириться с королем и приостановить дальнейшее развитие революции, можно усмотреть хотя бы из того обстоятельства, что когда в декабре король вознамерился в противовес «бунтовщикам» созвать в Оксфорде «свой», собственный парламент, туда из Лондонского парламента перекочевало 175 членов палаты общин (т. е. более одной трети ее состава) и более 80 пэров — четыре пятых верхней палаты. С «бунтовщиками» осталось только 30 пэров. В августе 1643 г. был изгнан из парламента и заточен в Тоуэр член палаты общин Генри Мартен за то, что он осмелился призвать к истреблению короля и его семьи, — столь неприкосновенной в глазах пресвитериан продолжала оставаться особа короля.

Какой контраст между настроением палаты общин в ноябре 1640 г. и в августе 1643 г.! Как быстро исчезла революционность и смелость имущих классов! Как мало были они способны завершить начатое ими восстание!

«Мое расположение к вам, — писал пресвитерианский военачальник Вильям Уоллер роялисту Хоптону, перед тем как их армии должны были сразиться, — остается столь неизменным, что даже линия фронта не может разрушить мою дружбу к вам... великий бог... ведает, с каким отвращением я шел на эту службу (т. е. на службу к парламенту) и с какой ненавистью я смотрю на войну без врага». Не ясно ли, что с таким настроением нельзя было победить!

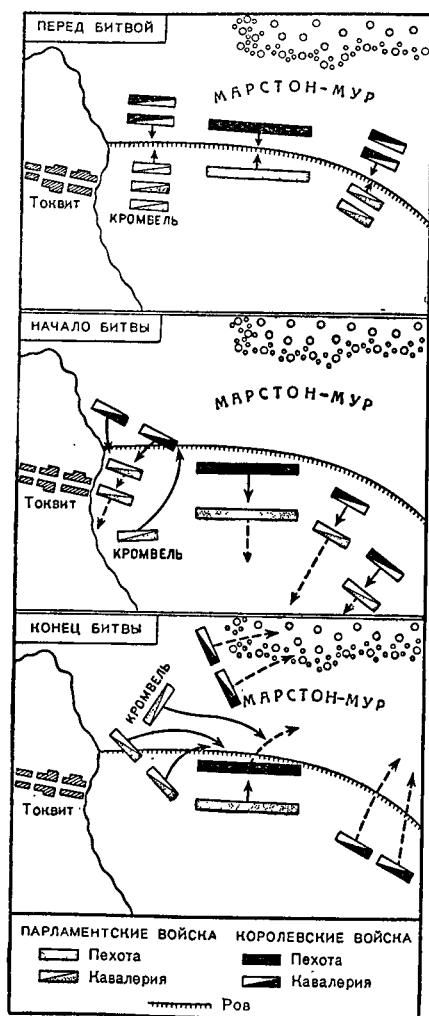
Подобная политика могла привести лишь к одному результату — бесконечному затягиванию войны, напрасному кровопролитию, неизбежной хозяйственной разрухе и усилению недовольства широких масс — в конечном счете она могла обеспечить лишь торжество короля и капитуляцию парламента.

Судя по результатам кампании 1643 г., дело близилось именно к такому исходу. Почти весь север и запад — три четвертых территории страны — оказались в руках короля. Власть парламента по существу ограничивалась территорией «Восточной ассоциации», — армия Уоллера перестала существовать, у Эссекса оставалось едва ли более 5—6 тыс. человек. Армия «Восточной ассоциации» создавалась медленно, к тому же ее командующий, пресвитерианин граф Манчестер, всячески тормозил ее действия. Правда, на стороне парламента в январе 1644 г. выступило около 20 тыс. шотландцев, привлеченных на его сторону согласием распространить на всю Англию «ковенант», (т. е. пресвитерианское устройство церкви, что должно было положить предел дальнейшему распространению индипендентства) и обещанием значительных сумм, но и король в свою очередь получил подкрепление из Ирландии.

Последнее обстоятельство снова вызвало всеобщее ожесточение против Карла. Партия мира в парламенте была значительно ослаблена, мирные переговоры с королем прерваны. Для руководства войной парламент создал теперь комитет обоих королевств, в который вошли представители Англии и Шотландии. Заслуги Кромвеля были к этому времени столь очевидны, что он был включен в состав комитета; ему было ассигновано 3 тыс. фунтов стерлингов для раздачи солдатам в качестве поощрения.

Кампания 1644 г. началась для короля неудачно. В январе Ферфакс разбил пришедшие Карлу на помощь ирландские части, высадившиеся на севере Англии. В марте Уоллер преградил дорогу роялистам запада, пытавшимся проникнуть в южные графства. Сам король с 6-тысячным войском вынужден был бежать из Оксфорда при приближении объединенных сил Эссекса и Уоллера. На востоке Манчестер взял Линкольн и начал осаду Йорка. На выручку города король направил Руперта. Соединившись с силами Ньюкэстля, Руперт оказался перед армией парламента, стоявшей на Марстон-Муре (в 5 милях южнее Йорка). Здесь 2 июля 1644 г. произошло одно из решающих сражений гражданской войны. Вместе с тем это было первое крупное сражение, в котором во всем своем блеске проявилось полководческое дарование Кромвеля: Находясь на левом фланге парламентской армии, Кромвель должен был принять на себя натиск главной ударной силы короля — кавалерии Руперта. Но он не стал его дожидаться и начал атаку первым. С пением псалмов кавалеристы Кромвеля сомкнутым строем ринулись вперед. Двинулась вперед и собиравшаяся было ужинать кавалерия Рупер-

та. Две лавины, сверкая саблями и стреляя наскоку, сближались с нарастающей быстротой. Удар был бешеным с обеих сторон. С изумлением Руперт обнаружил, что противник не рассеялся перед ним, как это бывало раньше, не побежал, а лишь несколько подался назад. Раненный в шею, Кромвель быстро перестроил

Битва при Марстон-Муре.

на Марстон-Муре участник сражения шотландец Лесли. Руперт назвал Кромвеля «железнобоким». Здесь окончательно утвердилось его военная слава.

Однако победа парламента на севере снова была сведена на нет поражениями его войск на юге. Карл едва не уничтожил ар-

свои ряды и повел их во вторую атаку, и тут произошло нечто неслыханное: прославленная кавалерия Руперта не выдержала стремительного удара, — она повернула назад и бросилась наутек с поля боя. Однако успех был пока только частичным, так как правый фланг и центр парламентской армии терпели поражение: кавалерия правого фланга была разгромлена, пехота в центре едва держалась под натиском «белокафтанников» Ньюкэстля. Положение спас Кромвель, применивший фланговый маневр. Направив часть своей кавалерии для преследования Руперта, он с основным ядром ее ударил по оставшемуся без кавалерийского прикрытия флангу роялистов. Этот удар и решил исход сражения. «Кавалеры» побежали, бросив знамена и оружие. Победа парламента была полной. Из 18 тыс. роялистов 3 тыс. погибли, 1 600 были взяты в плен, захвачено 100 знамен, 16 орудий, 6 тыс. мушкетов.

«Европа никогда не видела ничего подобного в искусстве вождения войск», — так оценил роль Кромвеля

мию Уоллера и погнался за Эссексом, шедшим на запад. Последнему спешно понадобилась помощь. Кромвель горел желанием идти ему на выручку на запад. «Имей я крылья,— писал он в те дни,— я полетел бы туда». Но Манчестер наотрез отказался двигаться. Он не желал встречи с королем на поле боя. Он не доверял больше Кромвелю, а тем более его «железнобоким».

В результате в начале сентября сложила оружие пехота Эссекса, сам же он едва спасся от плена бегством на корабле. Король, торжествуя, возвращался в Оксфорд. Только теперь Манчестер двинулся, наконец, с места.

27 октября противники встретились у Ньюбери. У Манчестера имелось двойное превосходство сил над королем (19 тыс. человек против 10 тыс.), и тем не менее он атаковал его столь неохотно и вяло, что роялисты ушли невредимыми под самым носом у парламентской армии.

Оправдывая свое нежелание дать королю решительное сражение, Манчестер говорил Кромвелю:

«Если мы разобьем короля девяносто девять раз, он все-таки останется королем, как и его потомство после него. Если же король разобьет нас хотя бы один раз, нас всех повесят и потомков наших сделают рабами».

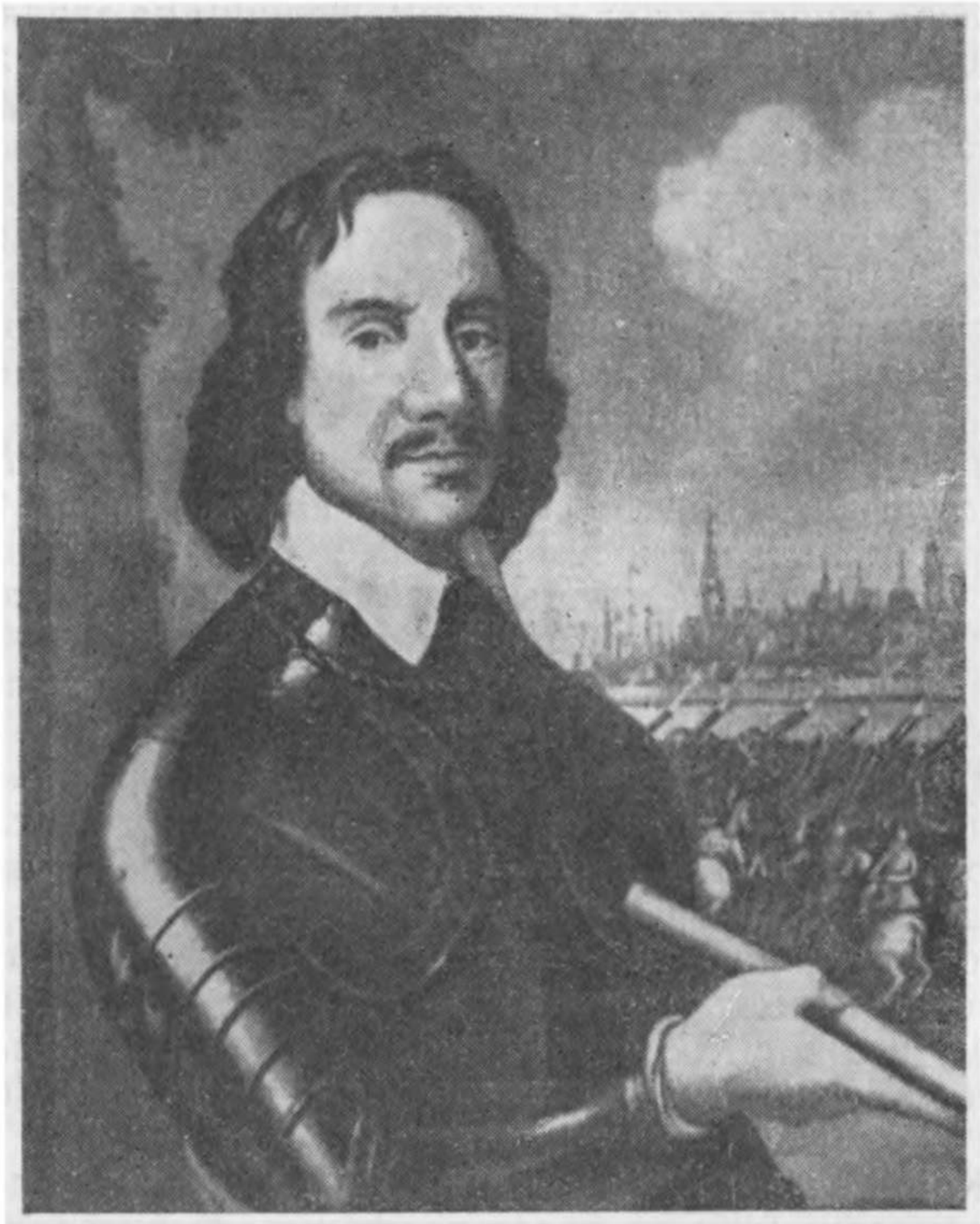
Но это было равносильно отказу вести какую бы то ни было войну против короля. «Если это действительно так, милорд,— заявил ему в ответ Кромвель,— то зачем же нам было браться за оружие?.. Если это так, то заключим мир, как бы ни были невыгодны его условия».

Для Кромвеля Ньюбери служило грозным предостережением, указывавшим, куда ведет политика пресвитерианских руководителей парламентской армии.

Эта политика, как и политика пресвитерианского большинства в парламенте, была в основе своей глубоко противоречивой, бесплодной, более того: она была губительной. Пресвитериане, с одной стороны, желали примирения с королем, с другой же, добивались того, чтобы это произошло на условиях, заведомо неприемлемых для короля, стремившегося во что бы то ни стало остаться абсолютным монархом. К чему могла привести такая политика, если не к бесконечному затягиванию войны, отвращению от парламента широких масс и гибели дела революции. Кромвель не мог больше молчать. Он покинул армию и отправился в Лондон.

25 ноября Кромвель поднялся со своего места в палате общин, чтобы публично обвинить Манчестера в предательстве и преднамеренном затягивании войны.

Атмосфера в парламенте сразу накалилась. Кромвель осмелился громко сказать о том, о чем другие, догадываясь, предпочитали молчать. Теперь языки были развязаны и в палатах развернулась ожесточенная полемика между индипендентами и пресвитерианами,

Кромвель на фоне штурма Бристоля.

Развивая мысли Кромвеля, другой член палаты заявил в декабре того же 1644 г.: «Наши победы... как бы помещены в дырявый мешок. Что мы выигрываем в одно время, то теряем в другое. Казна истощена, страна опустошена. Однако военная игра прекращается осенью лишь для того, чтобы возобновиться следующей весной; как будто пролитая кровь была только удобрением под посев новых битв».

Оправдываясь в палате лордов, Манчестер в свою очередь обвинил Кромвеля в подстрекательстве. По его словам, Кромвель выступал против знати, заявляя, что он, Кромвель, надеется дожить до такого дня, когда в Англии не будет больше аристократов. Манчестер указывал, что Кромвель, ненавидя шотландцев и их союзников-пресвитериан, грозился поднять против них оружие, если они попытаются силой навязать Англии свое церковное устройство. Он с возмущением жаловался на то, что Кромвель уверял, что если король окажется во вражеской части, которую он должен будет атаковать, то он столь же быстро разрядит в него свой пистолет, как и в любого другого врага.

Впрочем, даже пресвитерианская палата не особенно прислушивалась к этим обвинениям,— Кромвель слишком хорошо был известен своими дворянскими симпатиями. Тем не менее самому Кромвелю стало ясно, что личными нападками на Манчестера цели не добиться, и он предпринимает замечательный политический ход.

В своей речи 9 декабря 1644 г. Кромвель отрекается от выдвинутых им против Манчестера обвинений: дело не в ошибках того или иного командира, заявляет он, нужно всю армию реорганизовать на новой основе. «Что говорят о нас враги? Что говорят о нас даже люди, являвшиеся при открытии настоящего парламента нашими друзьями? Они говорят, что члены обеих палат заняли видные посты и благодаря своим связям в парламенте и влиянию в армии остаются бессменно у власти и не дают быстро закончиться войне из опасения, как бы вместе с окончанием войны не пришел конец и их собственной власти. Я говорю вам это в лицо, между тем как другие говорят это за вашей спиной».

«Если армия не будет устроена другим образом,— заключил он,— а война не будет поведена более решительно, то народ не сможет более переносить ее и заставит вас принять позорный мир».

Своим смелым выступлением Кромвель достигал одновременно двух результатов.

Прежде всего он отводил от себя подозрения в том, что, нападая на Манчестера, он преследовал личные, корыстные цели. И, во-вторых, что являлось самым главным,— этим путем удавалось освободить армию от пресвитерианского руководства Эссекса, Манчестера и им подобных людей, чего при наличии пресвитерианского большинства в парламенте нельзя было добиться иными средствами. Что же касается самого Кромвеля, то его военная слава к этому времени была уже столь громкой, что можно было заранее предсказать: без него не обойдутся.

15 декабря палата общин приняла акт «о самоотречении», обязывавший всех членов парламента, состоявших в армии, сложить свои полномочия. Вслед за тем, в январе 1645 г., палата постановила создать вместо старого ополчения графств новую, регулярную армию, руководимую из одного центра и финансируемую на общеанглийские средства. Эта новая армия, резко отличная от прежней, получила наименование «Новой модели», т. е. армии нового образца. «Новая модель» должна была вначале состоять из 10 полков кавалерии, 12 полков пехоты и 1 полка драгун — общей численностью в 22 тыс. человек. Лишь впоследствии она включила в свой состав все другие парламентские формирования.

Ядром кавалерии «Новой модели» стали «железнобокие» Кромвеля. Пехоту приходилось почти заново создавать при помощи рекрутских наборов. Главнокомандующим этой армии назначили 33-летнего Томаса Ферфакса, отличившегося в борь-

Томас Ферфакс.

бе с Ньюкэстлем на севере. Место его заместителя, командующего кавалерией, умышленно оставили свободным. Как видим, Кромвель не ошибся в своих ожиданиях!

«Новая модель» несравненно лучше снаряженная и оплачиваемая, чем прежние армии парламента, вскоре стала его решающей, ударной силой. Ее солдаты, одетые в красные мундиры, — йомены и ремесленники, мелкие лавочники и поденщики — всей душой ненавидели угнетавшие их феодальные порядки, олицетворявшие их тираном-королем. Они горели желанием как можно скорее с ним покончить.

Едва ли не самым замечательным и подлинно революционным отличием новой армии явился отказ от прочно укоренившегося принципа, будто командиром может быть лишь человек «благородного» происхождения, рыцарь, дворянин.

И в противовес этому средневековому представлению Кромвель смело отстаивает мысль о том, что на пост командира следует выдвигать не по признаку происхождения, а по признаку личной доблести, отваги и преданности революции. Это был громадной значимости революционный акт.

Так была выдвинута плеяда новых замечательных командиров, таких, как полковник Прайд — бывший извозчик, полковник Хьюсон — бывший сапожник, полковник Фокс — бывший котельщик, полковник Райнсборо — в прошлом корабельный шкипер.

Так создавалась революционная армия, отличавшаяся сознанием своего долга и гордая своим предназначением — покончить с тиранией.

В отряды революционной армии были направлены пуританские проповедники, которые должны были находиться при своих частях, разъяснять солдатам значение их долга, ободрять их именем божьим и поддерживать их бодрость и воодушевление.

Чтобы судить о той атмосфере приподнятости и энтузиазма, которая царила в рядах «Новой модели», достаточно прочесть следующие строки из письма Кромвеля:

«Ничто так не огорчало юношу в последние часы его жизни,— писал Кромвель одному полковнику, отцу погибшего в сражении сына,— как сознание того, что бог не воспользовался им, как орудием мести своим врагам, более длительный срок».

Вместе с тем Кромвель понимал необходимость сочетать боевой дух армии с безукоризненной боевой дисциплиной.

Ему принадлежит крылатая фраза: «На бога надейся, а порох держи сухим!» Железная дисциплина новой революционной армии вызывала восхищение у друзей и получала признание у врагов.

«Всякий покинувший свое знамя,— гласил боевой устав «Новой модели»,— или бежавший с поля боя наказывается смертью».

«Если часовой или дозорный будут найдены спящими или пьяными... они будут беспощадно наказаны смертью».

«Воровство или грабеж карается смертью».

Все это не могло не отразиться на боевых качествах «Новой модели». С момента своего появления на поле брани она не знала поражения. Само собой разумеется, что душой и мозгом этой армии был Оливер Кромвель, всей своей деятельностью в «Восточной ассоциации» подготовивший ее появление. Вот почему, как только «Новая модель» выступила в поход против короля, Ферфакс от своего имени и от лица военного совета армии обратился к парламенту с просьбой назначить Кромвеля его заместителем.

«Всеобщее уважение,— писал он,— и любовь, которой он пользуется среди офицеров и солдат всей армии; его личные достоинства и способности... его большая заботливость и прилежание, храбрость и верность, проявленные на службе парламента, совместно с божьим благословением, неизменно сопутствующим ему,— все это делает нашу просьбу о его назначении нашей обязанностью по отношению к вам и народу...»

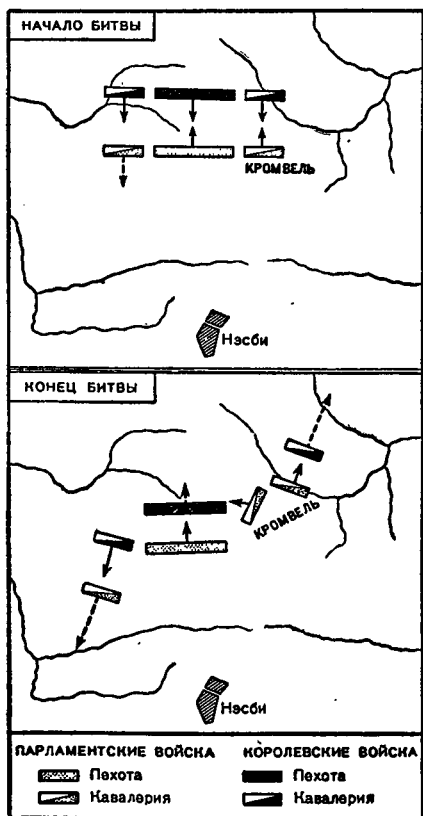
«Новая модель» шла в те дни навстречу силам короля, сосредоточенным на севере Англии, и парламент поспешил удовлетворить просьбу Ферфакса. 10 июня Кромвель был назначен генерал-лейтенантом, т. е. помощником главнокомандующего «Новой модели», а 13-го он уже прибыл в ее лагерь, встреченный приветственными возгласами солдат.

Узнав о приближении Ферфакса, король пришел в смятение. Хотя роялисты относились с пренебрежением к только что набранной из простонародья армии, они все же должны были считаться с ее количественным превосходством: на 4 тыс. всадников короля приходилось 6 тыс. у «круглоголовых», при этом пехота Ферфакса вдвое превосходила пехоту «кавалеров». Но безрассудный и нетерпеливый Руперт настаивал на сражении. У Нэсби враги встретились лицом к лицу.

14 июня произошла решающая битва гражданской войны. Правым флангом королевских войск командовал Руперт, против

него стоял будущий зять Кромвеля Айртон, командовавший левым флангом «круглоголовых». Во главе основных сил парламентской кавалерии, сосредоточенной на правом фланге, стоял Кромвель. Пехота, как всегда, была расположена в центре. Сражение начала королевская пехота. Тем временем Руперт не только успешно отбил атаку кавалерии Айртон, но стремительной контратакой опрокинул ее и погнал с поля боя. Однако по своему обыкновению увлекшись преследованием бегущего противника, Руперт оставил без поддержки свою пехоту, которая в этот момент все более теснила пехоту «круглоголовых». Теперь все зависело от того, как развернется сражение на правом фланге «круглоголовых». Кромвель не стал ждать нападения врага в первый повел своих «железнобоких» в атаку на левый фланг роялистов.

Впоследствии Кромвель писал: «Когда я увидел, как неприятель выстраивается и идет на нас в блестящем порядке, и когда я подумал, что мы — только сборище невежественных людей, старающихся навести порядок,— ибо генерал приказал мне пустить в ход всю конницу,— то я улыбнулся и вознес богу благодарение, так как был уверен, что бог посрамит кавалеров». После короткой, но ожесточенной схватки кавалерия роялистов обратилась в бегство. Но Кромвель блестяще

Битва при Нэсби.

учился на ошибках Руперта. Только часть своей кавалерии он направил на преследование врага. Сам же он с основными силами конницы обрушился на фланг и тыл вражеской пехоты, оставшейся без кавалерийской защиты. Королевской пехоте, подвергшейся стремительному натиску, ничего больше не оставалось: либо пасть, либо сложить оружие. Многие избрали первое, но еще больше оказалось в плену. Когда Руперт, наконец, вернулся обратно, судьба сражения была уже решена. Был момент, когда

король хотел сам броситься в атаку во главе резерва, но кто-то схватил его лошадь под уздцы и умчал его с поля боя. Все было кончено. 5 тыс. роялистов сложили оружие. Они потеряли всю артиллерию, весь обоз, в том числе личный кабинет короля с его секретной перепиской.

После Нэсби уже не было сколько-нибудь крупных сражений. Военные действия теперь свелись к очищению отдельных районов и крепостей северо-запада от роялистских гарнизонов.

Развязка гражданской войны фактически наступила в мае 1646 г., когда король, признав свое поражение, переодетый, тайком покинул Оксфорд, а затем сдался на милость шотландцев, стоявших на севере Англии. Закончился первый акт великой исторической драмы.

ГЛАВА XI

На перепутье

Военная победа над королем еще не означала, однако, полной победы революции. На пути к ней имелись еще многочисленные препятствия, и борьба с ними предстояла трудная и ожесточенная.

Прежде всего таким препятствием являлся сам Карл I Стюарт. Выданный шотландцами английскому парламенту в обмен за 400 тыс. фунтов стерлингов и заключенный в замок Хольмби (на севере Англии), он тем не менее продолжал себя чувствовать скорее господином, чем пленником. Правда, его приверженцы были вынуждены сложить оружие, но их силы были еще весьма значительны, и они не теряли надежд на конечное торжество своего дела. Об этом ярко свидетельствовали те пышные встречи, которые устраивались Карлу на всем пути из Шотландии в Англию: праздничный перезвон колоколов, пушечная пальба, толпы роялистов, приветствовавших его возгласами «боже, храни короля». Наблюдавших эти картины порой должно было одолевает сомнение: кто же в конечном счете победил — король или парламент?

Истинной причиной этой необыкновенной бодрости пленного короля была его тайная надежда на неминуемый раскол в лагере парламента, надежда на то, что он вскоре понадобится одной части своих врагов в их борьбе против другой. В этом отношении весьма характерно «пророчество» одного из роялистов, который, сдаваясь «круглоголовым», заявил: «Вы сделали свое дело и можете поразвлечься, если не перережете друг друга».

Парламент со своей стороны как будто преднамеренно делал все от него зависящее, чтобы утвердить короля в этих его надеждах и дать ему основание для вызывающего и высокомерного поведения. Заправила парламента не жалели денег, чтобы с комфортом обставить жизнь короля в замке и предупреждать его прихоти и желания. Этим как бы подчеркивалось, что даже по-

бежденный и содержащийся под стражей Карл остается для парламента «его величеством королем Англии». Одним словом, монархия была побеждена, но не сломлена. Угроза ее восстановления черной тучей нависла над страной.

Посмотрим теперь, что в это время происходило в лагере парламента. Пресвитерианское большинство его, представлявшее интересы крупного дворянства, вступившего на путь буржуазного развития, и интересы купеческой верхушки, преимущественно лондонской, считало революцию законченной. Отныне оно усматривало главную свою задачу в том, чтобы договориться с королем, на каких условиях он согласен своей короной придать ореол законности захваченной ими власти. В самом деле, к 1647 г. классы-союзники фактически получили почти все то, чего они добивались в борьбе с монархией.

Феодальная монархия, стоявшая на пути буржуазного развития Англии, была повержена, и парламент, в котором заправляли пресвитериане, присвоил себе всю полноту власти в стране. Крупные лорды и купцы теперь распоряжались абсолютно всем — налогами и доходными должностями, монополиями и милицией. Даже религиозные убеждения людей они стремились поставить под неослабный контроль своих старшин-пресвитеров.

Теперь они получили желанную свободу рук во всех сферах хозяйственной деятельности, единственной движущей пружиной которой была жажда наживы. Проводившаяся с 1643 г. политика конфискаций владений роялистов-делинквентов не только подрывала экономическую основу господства феодальной аристократии, но и обеспечивала перемещение значительной части земельной собственности в руки буржуазных элементов. Тотчас же после Нэсби (24 февраля 1646 г.) эти последние поторопились объявить свои земли, ранее считавшиеся зависимыми от короля, феодальными (рыцарскими) держаниями, своею неотъемлемой частной собственностью, свободной от каких бы то ни было феодальных платежей. Но при этом они и не подумали объявить столь же свободными от феодальных обязательств держания крестьян-копигольдеров и тем самым лендлорды полностью сохранили свою полуфеодальную власть над ними.

Чего же еще было желать преуспевшим пресвитерианам, как не закрепления установившегося теперь общественного порядка, при котором они, затеяв гражданскую войну, получили все, к чему стремились, а народные низы, завоевавшие победу, — ничего; удивительно ли, что тотчас же после окончания войны они провозгласили: «революция закончена, сдать оружие, главное — покорность!»

Однако на такое решение не были согласны не только народные массы, завоевавшие победу над врагом и лишенные каких-либо плодов победы, но даже и среднее джентри и средние слои городской буржуазии, еще в годы гражданской войны образовавшие партию индипендентов.

Они, как и пресвитериане, домогались установления такого политического строя, при котором была бы сохранена монархия, ограниченная властью парламента. Однако пока пресвитериане обладали парламентским большинством, они желали конституционных гарантий, предотвращающих использование могущества парламента исключительно в интересах ограниченной группы крупных лендлордов и финансистов Сити. С этой целью индепенденты требовали такого перераспределения избирательных округов, при котором за счет крупной знати резко увеличилось бы их представительство в парламенте. С другой стороны, они желали ограничить всевластие парламента признанием за имущими людьми ряда неотъемлемых прав, к которым они в первую очередь относили свободу совести (исключая католицизм), свободу слова, свободу петиций.

«В делах духовных,— писал парламенту Кромвель после взятия Бристоля,— мы не ожидаем от братьев (т. е. пресвитериан) никакого иного принуждения, кроме света и разума».

Вместе с тем и партия индепендентов теперь, после победы над королем, все более отчетливо раскалывалась на имущую верхушку, состоявшую из сельских сквайров и городских буржуа средней руки, и массу простонародья.— ремесленников, мелких лавочников и йоменов-крестьян. Если первые готовы были удовлетвориться гарантией свободы совести, являвшейся, по их мнению, главным основанием свободы личности от произвола властей, то вторые, не удовлетворяясь этим, все громче стали требовать таких преобразований общества, которые облегчали бы их жизнь, сделали бы их равноправными в делах государства. Вот почему с этих пор индепендентами все чаще стали называть только имущую верхушку этой партии. Трудящиеся же слои, ранее следовавшие за ней и постепенно разочаровавшиеся в ней, вскоре составили самостоятельную партию. В таких условиях борьба индепендентов и пресвитериан принимала характер борьбы лишь двух группировок господствующего класса, которые, несмотря на наличие между ними острых противоречий, были согласны в основном вопросе — в необходимости любой ценой отстоять только что родившуюся буржуазную власть от угрозы снизу. Естественно, что не эти противоречия были основными в английском обществе после Нэсби.

Таковыми были противоречия между захватившими власть классами-союзниками и трудящимися.

Война всей тяжестью своей легла на плечи широких народных масс. Она обрушила на них такие бедствия, в сравнении с которыми даже годы единоличного правления Карла могли казаться «раем». Временный отрыв Лондона от промышленных районов запада и севера полностью нарушил обычное течение хозяйственной жизни страны (король уже в 1643 г. запретил вывоз сукна из подвластной ему территории в мятежную столицу).

Торговля, как внутренняя, так и внешняя, была подорвана, промышленные изделия, в особенности сукно, не находили сбыта, и десятки тысяч ремесленников, подмастерьев и учеников либо оставались вовсе без заработка, либо вынуждены были работать за плату, значительно более низкую, чем в довоенные годы. В то же время вызванный войной упадок сельского хозяйства и недороды привели к резкому вздорожанию продовольствия.

Немногогим лучше была в эти годы жизнь йоменов и мелких арендаторов. С открытием Долгого парламента с новой силой развернулись огораживания общинных земель. Действие тюдоровского законодательства, направленное против них, было приостановлено. Более того, палата лордов в июле 1641 г. постановила, что все огораживания, произведенные ко дню открытия Долгого парламента, нерушимы. В случае, если они окажутся под угрозой, манориальным лордам дано право обратиться к мировым судьям. К огораживаниям прибавились неисчислимые бедствия войны. Массовое уничтожение посевов, реквизиции скота и продовольствия нанесли немалый ущерб крестьянскому хозяйству. Многочисленные военные отряды, рассеянные по деревням и местечкам, подвергали их такому беспощадному грабежу и опустошению, как будто все это происходило во вражеской стране.

Со всех сторон в Вестминстер доносились жалобы многих тысяч задавленных нуждой людей, вызывавших о помощи и ждавших облегчения. На упадок торговли жалуются моряки, оставшиеся без дела; 15 тыс. грузчиков, «доведенных до отчаяния», просят парламент принять срочные меры для оживления торговли, угрожая, что в противном случае они вынуждены будут прибегнуть «к крайностям, которых нельзя даже назвать»; ткачи и прядильщики Эссекса и Сеффолька требуют обеспечить их хлебом. В январе 1642 г. общинный совет Лондона сообщил парламенту, что «бесконечное множество бедных ремесленников» находится на грани голодной смерти.

В те дни Пим говорил парламенту:

«По причине плохого сбыта сукна и прочих изделий огромное большинство населения, живущего своим дневным заработком, ...доведено до великой крайности...» Он доказывал, что бедствие «грозит распространиться на фермеров, сельских хозяев, отсюда дальше, пока всех не сдавит во всеобщем равенстве нищеты и нужды»; он предупреждал: «Нет ничего более острого и тяжелого, чем нужда, когда люди не могут приобрести того, в чем они нуждаются». Это, по мнению Пима, создавало великую угрозу: «чего они не могут купить, они возьмут насильно».

В конце 1642 г. член палаты общин Гольз, передавая лордам очередную петицию лондонцев, сказал: «Стоны бедных достигают неба, их заставляет кричать нужда и голод, перед которым бессильны каменные стены; у них нет хлеба... Не будите дремлющего льва», — призывал он лордов. Петиции подавались и коро-

лю. В одной из них (в 1643 г.), поданной от имени жителей западных графств, говорилось: «Неужели вы не знаете, что наши дома ограблены, что плоды наших долгих трудов отняты у нас; не знаете, что наши поля лежат необработанными, в то время как ваши солдаты отнимают у нас лошадей тысячами за один раз».

Но парламент (не говоря уже о короле) оставался глухим к этим горьким жалобам. Его заправилы — сквайры и купцы — решили вести войну не только силами и кровью народа, но и за счет его имущества, ценой его лишений.

Охраняя свои денежные мешки, дельцы Сити переложили нестерпимое бремя налогов на плечи трудящихся. Вместо того чтобы обложить налогом большие состояния, они облагали предметы первой необходимости. Так, в мае 1643 г. акцизным сбором было обложено пиво, мясо, соль, ткани, топливо и т. д., что приводило к еще большему вздорожанию предметов первой необходимости. Более того, парламент переложил на плечи народа и содержание армии. Долгие месяцы задерживая выплату солдатского жалованья, он вынуждал армию жить за счет населения, доводя его своими постоями и реквизициями до полного разорения. Так, например, два графства, Норсемберленд и Дерхем, должны были ежедневно поставлять шотландским войскам 30 тыс. фунтов хлеба, 10 больших бочек пива, 6 тыс. фунтов сыра, много мяса и сала.

Результатом такой политики была столь ужасающая нищета масс, что венецианский посол счел нужным сообщить об этом на родину. «Для бедных людей, — писал он в 1643 г., — жить в этом королевстве теперь совершенно невозможно». Зато на народной нужде ловкие дельцы — члены парламента и их подопечные — наживали большие состояния, присваивая себе значительную долю взимаемых ими в пользу парламента налогов и сборов.

Пока шла война, народные массы терпеливо переносили все невзгоды, надеясь, что победа над роялистами принесет желанную свободу и улучшение их жизни. Сколь же велико должно было быть их разочарование теперь, когда они увидали, как новые господа присвоили исключительно себе все плоды не ими завоеванной победы.

Парламент и теперь, по окончании войны, ничего не делал для того, чтобы облегчить положение населения. Хозяйственный кризис углублялся, но ничего не предпринималось для оживления торговли, для обеспечения работой многих тысяч безработных.

И теперь, как и в годы войны, на улицах городов ежедневно находили десятки людей, умерших с голоду; толпы нищих бродили по дорогам и селениям страны в поисках хлеба и работы.

Неизменной оставалась и налоговая политика: акциз, введенный якобы лишь для покрытия военных издержек, продолжал взиматься и после того, как война закончилась. Военные постой

и реквизиции продолжали разорять тысячи мелких собственников. Сквайры почувствовали себя полновластными хозяевами деревень, они принялись лихорадочно огораживать общинные земли к великому «обеднению тех, кто кормился от этих земель», зная, что парламент всегда будет на их стороне. Новые собственники-буржуа, завладевшие землями деликвентов, изощрялись в отыскании всевозможных способов повышения доходности своих владений и подвергали копигольдеров гнету, какого они не знали даже при Стюартах.

Рухнули сокровенные надежды десятков тысяч копигольдеров, рассчитывавших на то, что их держания будут объявлены фригольдом, т. е. превращены в их полную собственность. Они были оставлены на произвол судьбы — «на волю лордов», которые продолжали выживать их с участков. Наконец, сохранялась и церковная десятина, лежавшая тяжелым бременем на плечах земледельцев. Пастыри, в которых нуждались новые хозяева Англии для укрепления своего господства, должны были жить за счет народа, и без того обездоленного.

Однако особенность буржуазной революции заключается в том, что не буржуазия, а народ составляет ее боевую армию. Поэтому после того как победа над общим врагом — феодальной монархией — одержана, становится неминуемой борьба между буржуазией и народными массами, борьба за установление такого общественного строя, который наиболее отвечал бы интересам каждого из них. Интересы же эти в корне противоречивы и взаимно друг друга исключают. В самом деле, борьба против «тирании Стюартов» велась буржуазией и народом под общими лозунгами: «за свободу», «за истинные законы», «за истинную веру». Однако каждый из соучастников борьбы вкладывал в эти лозунги свое особое содержание. Так, для буржуа «свобода» означала невмешательство властей во взаимоотношения хозяина-предпринимателя с рабочим, землевладельца с крестьянином, иначе говоря — неограниченную свободу буржуазной эксплуатации, свободу огораживать общинные земли и выгоны, свободу от налогообложения, свободу повышать ренту держателей и т. д.

Для народных низов «свобода» означала нечто прямо противоположное — запрет огораживать общинные земли и возврат крестьянам ранее огороженных земель. Свобода понималась как защита интересов наемных рабочих, обложение налогами богатых и освобождение от их бремени бедняков, запрещение повышать ренту держателей, уничтожение монополий и привилегий. Для одних «истинными законами» были законы, охраняющие неприкосновенность их собственности, для других — законы, запрещающие хищническое накопление богатств и их сосредоточение в руках немногих; законы, требующие равномерного распределения благ между всеми членами общества.

«Истинной церковью» для тузов Сити была церковь «избранных», т. е. преуспевающих торговцев, церковь, управляемая

«старшими» (т. е. все теми же богачами) и благословляющая их господство над неимущими. Для ткача же и земледельца «истинная церковь» представлялась как фактическое уничтожение церкви, ибо только к этому результату могло привести последовательное претворение в жизнь учения индипендентов, при котором каждый был бы волен не только веровать так, как желал, но мог бы и свободно проповедовать то, во что уверовал.

Вот почему победа буржуазной революции уже с самого начала была чревата новой гражданской войной между буржуа, присвоившими победу народа, и угнетенными, для которых не изменилось ничего, за исключением того, что одни эксплуататоры сменились другими — эксплуататоры по праву происхождения эксплуататорами, обладающими капиталом.

«Вы богаты,— обращались они к новым господам,— в изобилии обладаете (всеми) благами и ни в чем не нуждаетесь, как же можете вы сочувствовать страданиям умирающих с голоду братьев?»

К 1647 г. недовольство масс вылилось в революционное движение, которое на протяжении ряда лет серьезно угрожало господству новых угнетателей.

Еще в ходе гражданской войны народные низы то тут, то там поднимались с оружием в руках на защиту своих интересов. Волнения, направленные против огораживаний, прокатились в 1642—1643 гг. по графствам Гертфоршир, Ланкашир, Гентингдоншир, Кембриджшир, Дорсетшир, Сомертсетшир и ряду других. Крестьяне принялись ломать изгороди, вырывать межевые столбы, засыпать рвы и канавы, портить господские посевы, считая, что «если они не воспользуются благоприятным моментом (т. е. революцией), они никогда не получат такую возможность вновь». В парламент то и дело доносят о «крупных мятежах и незаконных сходках» крестьян. Граф Гертфорд сообщил, что восставшие захватили у него 160 акров огороженной земли. В апреле 1643 г. владения графа Сеффоковского подверглись нападению толпы, угрожавшей снести все изгороди. Тогда же вооруженная толпа снесла изгороди на землях графов Бедфорд и Рэтленд.

Сообщалось о крестьянских восстаниях и в графствах Дорсет, Уилтшир, Сомерсет и других. В западных графствах организовались отряды крестьянской самообороны, так называемой «клубмены» (дубинщики), «чтобы помочь друг другу,— как они заявляли,— во взаимной защите прав и собственности против всех грабителей и всех беззаконий и насилий, от кого бы они ни исходили». Военные грабежи и реквизиции стали им больше невмоготу. Движение клубменов было столь грозным для лендлордов, что против него выступили войска Кромвеля и Ферфакса. Лорды предупреждали, что, если с восставшими не будет суровой расправы, то в стране вскоре «вспыхнет всеобщая война против лендлордов». Однако в те дни в массах еще сильна была

Пуритане в походе.

вера в парламент, и поэтому они мужественно продолжали сражаться под его знаменами. Теперь, когда массы начинали осознавать, что парламент обманул их надежды, они пожелали взять свою судьбу в собственные руки. Так в петиции, озаглавленной «Всеобщие жалобы наиболее угнетенных и страдающих общин Англии», поданной в парламент, говорилось: «Мы, веря в вашу искренность, избрали вас (т. е. сквайров и буржуа) в качестве своих поверенных и защитников, мы доверили вам мир... мы предоставили в ваше распоряжение свое состояние, а вы ограбили и разорили нас; мы доверили вам свою свободу, а вы нас поработили и закрепили; мы доверили вам свою жизнь, а вы нас убиваете и истязаете ежедневно».

Армия народа — «Новая модель», прошедшая огненное горнило гражданской войны и пронесшая сквозь годы лишения вместе с победными знаменами и свои надежды, стала выразительницей накопившегося в народе недовольства своекорыстной политикой буржуа.

Эта армия и была наиболее действенной революционной силой в стране. Ее «солдаты, — отмечал проповедник Бакстер, — стоят против короля и против всякой власти, кроме народной... они считают короля тираном и врагом. Солдаты убеждены, что если они могут бороться против него, они вправе и убить его», Денежных тузов Сити бросало в дрожь при одной мысли, что «жизнь, свобода и состояние лордов и общин будут отданы на милость и свободную волю этой армии».

Не удивительно поэтому, что пресвитерианский парламент решил избавиться от нее, как только она сделает свое дело. Это случилось к началу 1647 г. Из Англии ушли последние солдаты шотландской армии, сопротивление роялистов было почти полностью подавлено, и парламент решил действовать без промедлений. В феврале было принято постановление распустить армию, оставив из 40 тыс. человек только 6400 кавалерии и 10 тыс. пехоты для гарнизонной службы. Главнокомандующим этой армии назначался «свой человек», склонявшийся к пресвитерианам, — Ферфакс. Кроме него, в армии не должно было быть офицеров с чином генерала. Таким образом заранее намечалось удаление Кромвеля из армии. Из состава «Новой модели» намечалось сформировать особую армию (12 тыс.) для завоевания почти полностью отпавшей от Англии Ирландии. Члены парламента не могли оставаться на военной службе. Все офицеры обязаны были принять ковенант, т. е. признать пресвитерианскую церковь. Этим парламент открыто бросал вызов индипендентам, составлявшим основное ядро «Новой модели».

О том, как реагировали народные низы на этот коварный замысел парламента, видно из одного современного памфлета: «Казалось, — читаем мы в нем, — что не на что было уже надеяться, казалось, что мы и вы (т. е. солдаты) вместе со всеми, всегда стоявшими за свободу народа против королевской и парламентской тирании... станем жертвами их презрения и подчиненными их преступной власти и, как прежде, будем преданы как рабы в руки короля...»

Однако в своих тщательно разработанных и далеко идущих планах парламент не учел лишь одного, а именно: воли самой армии. Между тем уже первые дошедшие до нее слухи о замыслах парламента вызвали в ее рядах сильное брожение. «Никогда еще люди не были так ожесточены, как теперь», — писал Кромвель Ферфаксу после посещения им некоторых частей, и это легко было предвидеть. Задумав распустить по домам солдат, парламент, однако, не позаботился даже о том, чтобы расплатиться с ними. Задолженность армии была огромной: пехоте следовало за 18 недель, кавалерии за 43 недели, всего она недополучила 331 тыс. фунтов стерлингов. Естественно, что для разоренных войной крестьян и ремесленников, одетых в красные мундиры «Новой модели», эта плата была единственной надеждой на то, что им не придется побираться тотчас же после ухода из армии. Парламент же одним ударом убивал эти надежды, предлагая вместо денег ничего не стоящие долговые обязательства, подлежавшие оплате неведомо кем и когда. Но этого мало; солдаты не получали никаких гарантий в том, что после роспуска армии их не привлекут к ответственности за все содеянное ими на службе парламента; последний же ни одним словом не ограждал их безопасность. Наконец, парламент совершенно бросил на произвол судьбы много тысяч солдатских вдов и сирот, остав-

шихся без кормильцев. Надо ли удивляться тому, что на предложение парламента разойтись по домам подавляющее большинство солдат ответило решительным «нет!»

Когда 21 марта в распоряжение армии прибыли парламентские комиссары для переговоров с офицерами, им была вручена от имени солдат петиция, содержащая требования: 1) немедленно выплатить задолженность армии; 2) не принуждать солдат к службе в Ирландии; 3) обеспечить вдов и сирот; 4) объявить амнистию за содеянное в войне. В ответ на петицию парламент принял декларацию, объявлявшую всех, «которые будут продолжать возбуждать волнения» и будут настаивать на требованиях петиции, «бунтовщиками», с угрозой, что с послушниками будет поступлено, как «с врагами государства и нарушителями общественного спокойствия».

Так начался конфликт между парламентом и армией. Неожиданное единодушие армии и проявленная ею решимость сопротивляться планам парламента заставила последний бросить солдатам подачку — согласиться выплатить им шестинедельное жалованье. Однако когда в апреле парламентские комиссары вторично прибыли в армию, то вместо 12 тыс. солдат для ирландской службы им удалось набрать только 2300 человек, остальные наотрез отказались отправиться в Ирландию. Конфликт становился все более открытым и грозным, в воздухе запахло порохом.

Как же отнестся к замыслам парламента вождь индипендентов, организатор победы Оливер Кромвель? На чьей стороне оказался он в развернувшейся борьбе внутри лагеря парламента?

Многие биографы Кромвеля рисовали его позицию в это время как колеблющуюся, нерешительную, выжидательную; писали о том, что у него, как у «великого оппортуниста», не было собственной политической программы, что он в конечном счете шел по течению, принимая сторону более сильной в данный момент партии; Кромвеля обвиняли в сознательном лицемерии, в двойной игре, в честолюбивых замыслах.

Но во всех этих случаях забывали самое основное — то, что Кромвель представляет собой не только яркую индивидуальность, но что он — типичный представитель своего класса — сквайр до мозга костей; что во всех своих политических замыслах он неизменно имел перед глазами интересы своего класса и ими руководствовался прежде всего. Вспомним его откровенное признание: «По своему происхождению я джентльмен...»

Так было и теперь. Кромвель был не только крупнейшим полководцем буржуазной революции. Он проявил себя и тонким политиком, умевшим идти к цели нехожеными и извилистыми тропами, которые казались непонятными одним и вводили в заблуждение других.

Как все индипенденты, Кромвель решительно не желал установления всевластия пресвитерианского парламента, проявивше-

го себя, по его мнению, способным «на такую низкую тиранию, несправедливость, произвол и гнет», что перед ними бледнели порядки Карла I. Именно поэтому он должен был желать сохранения армии, составлявшей основу мощи его партии, с тем чтобы, опираясь на нее, добиться от парламента или короля желательных уступок и гарантий.

Однако Кромвель всегда помнил, что, кроме джентльменов, армия в большинстве своем состоит из престо­на­ро­дья, чаяния которого во сто раз более опасны для власти сквайров, чем все происки Сити. Вот почему, когда парламент постановил распустить «Новую модель», намереваясь уничтожить «гнездо мятежа», Кромвель первоначально высказался за подчинение этому постановлению.

Характерно, что в парламенте он ни одним словом не обмолвился в защиту столь очевидных прав солдат, напротив, он горячо уверял палату в том, что армия спокойно сложит оружие.

«В присутствии всемогущего бога,— заявил он в одной из речей,— я утверждаю, что армия разойдется и сложит оружие у ваших дверей, как только вы ей прикажете».

Когда он в ¹⁶⁴⁷мае прибыл в армию в качестве уполномоченного парламента, он прежде всего нашел нужным призвать офицеров «поддержать власть парламента, ибо если она рухнет, из этого ничего доброго не выйдет, кроме анархии». Так думали и поступали в те дни многие джентльмены-офицеры, которых солдаты с ненавистью прозвали «грандами» (вельможами). В результате солдаты начали отворачиваться от них. О Кромвеле прямо говорили, что он «подкуплен» (парламент за его заслуги в войне подарил ему владения, приносявшие 2500 фунтов стерлингов годового дохода).

Предательское поведение многих офицеров пробудило в солдатской массе сознание отличия ее интересов от интересов грандов и толкнуло ее на путь организации своих сил. В апреле 8 кавалерийских полков избирают уполномоченных, так называемых «агитаторов», по два от каждого полка для совместных действий в защиту интересов солдат. В мае пехотные полки последовали их примеру.

Кроме того, в каждом полку были созданы свои советы агитаторов, состоявшие из представителей рот. Агитаторы вписали одну из замечательных страниц в летопись революции. «Лучше по-человечески умереть, чем быть поработленным и повешенным подобно собакам!» — таков был их девиз.

Агитаторы развернули оживленную деятельность: они поддерживали тесную связь с сочувствовавшими им низами Лондона, с войсками парламента, расположенными на севере и западе страны; смещали с должностей, обезоруживали и брали под стражу предателей-офицеров, выступали с петициями и обращениями к солдатам. Солдаты посещали собрания, нося на левом рукаве красные ленты, как символ их готовности защищать спра-

ведливость своей кровью. «Армия распоряжается всем,— сообщает в те дни за границу осведомитель роялистов,— а самой армией заправляют агитаторы».

Так, помимо офицеров-грандов и вопреки им, в армии возникла политическая организация солдат, взявшая на себя руководство их борьбой. Фактически почти на полгода в армии установилось двоевластие, причем реальная сила в этот период находилась в руках агитаторов.

Но примечательнее всего было то, что наряду с защитой особых солдатских интересов армия вскоре становится выразительницей интересов всех слоев народа, обманутых дворянско-буржуазной верхушкой.

Так, уже в апрельской петиции, поданной от ее имени в парламент, знакомые нам требования солдат дополнены заявлением, что армия не сложит оружия до тех пор, пока «права и свободы граждан не будут защищены и утверждены». В мае армейские агитаторы писали Ферфаксу следующие знаменательные слова: «Даже наиболее скромный гражданин должен воспользоваться своей истинной свободой и собственностью... Мы прошли сквозь все трудности и опасности войны ради того, чтобы завоевать для народа и для самих себя обильную жатву свобод... но вместо этого, к великому огорчению и скорби наших сердец, мы видим, что угнетение теперь столь же велико, как и раньше, если не больше».

С другой стороны, горячая поддержка требований армии народными низами свидетельствовала о том, что они хорошо сознавали, какое значение имеет для дела их свободы борьба армии, говорившей от их имени. Армию они называют «последним бастионом свободы». Мотивы ее роспуска были им совершенно ясны. Петиция, поданная в парламент, говорит, что армия «является единственной преградой для замыслов [установить] пресвитерианство и преобладание господ»; армию хотят распустить для того, чтобы «в ней не нашли прибежище и защиту угнетенные и обездоленные Англии».

Другой памфлет высказывается столь же недвусмысленно: «Очевидно, что роспуск армии является единственным средством, чтобы превратить нас в слуг и рабов воли наших врагов и обрушить на наши головы худшие из страданий».

Обращаясь к солдатам, памфлеты призывают их «оставаться твердыми и непоколебимыми в своей решимости бороться за свои и народные права».

«Пусть солдаты не допустят, чтобы их потомки могли потом говорить: «Наши предки имели возможность сделать нас свободными и счастливыми. О горе нам, по своей беспечности они упустили эту возможность и сделали нас несчастными».

Так, конфликт между армией и парламентом вскоре приобрел характер широкого общественного движения, стал водоразделом классовой борьбы в стране.

И чем больше в ходе этой борьбы от солдат отходит индипендентская верхушка, чем в большей степени они проникаются сознанием общественного долга, тем очевиднее становится для солдат армии, что борьба между пресвитерианами и индипендентами есть лишь ссора между господами «из-за дележа власти», ссора из-за того, «чьими рабами впредь должны быть бедные».

Однако не все офицеры следовали тактике Кромвеля. Немало было и таких, которые с самого начала перешли на сторону солдат и в дальнейшем возглавили их борьбу. Среди них выделялись: генерал-майор Гаррисон, полковник Рейнсборо, капитан Томсон и другие. В лице этих людей, и в особенности в лице агитаторов Аллена, Сексби, Эверарда и других, армия приобрела новых руководителей, политическое влияние которых все более затмевало авторитет парламентских генералов.

Опасность, исходившая от такой армии, была смертельной для буржуазии и джентри, только что захвативших власть. И парламент от переговоров переходит к действиям: 1 июня должен начаться роспуск армии. Для каждого полка назначается особое место и день для сдачи оружия. Одновременно парламент принял решение немедленно овладеть артиллерией «Новой модели» и доставить ее в Лондон. Туда же должен был быть переведен и король. Открытый мятеж солдат стал неизбежным. «Я предвижу бурю», — писал Кромвелю Айртон. В тот критический для судеб революции час «решимость отстаять свободу и справедливость родилась только среди солдат». Агитаторы потребовали от командования общеармейского смотра. «Будьте энергичны, — призывали они солдат, — ибо все поставлено на карту: благо всего королевства, его существование находится в наших руках». Они опередили парламент во всех его коварных замыслах: в дни, когда пресвитериане готовили внезапный удар по «Новой модели», полк Рейнсборо захватил всю армейскую артиллерию, находившуюся в Оксфорде. Парламент открыто вступил в сговор с королем, готовясь перевести его в Лондон. 2 июня корнет Джойс, бывший портняжный подмастерье, с 500 драгунами окружил замок Хольмби, где находился король. Солдаты гарнизона тут же побратались с «бунтовщиками». Ночью Джойс и несколько солдат ворвались в королевскую спальню и приказали королю собраться в дорогу. На вопрос Карла, «какой властью они действуют», Джойс указал на пистолет. На рассвете, когда окруженный драгунами король снова спросил у Джойса «где и каковы ваши полномочия», тот, указав на солдат, ответил: «Вот мои полномочия». На что король ответил: «Признаться, мне никогда не приходилось видеть полномочий, написанных более четким почерком...»

Неожиданный захват короля армией выбивал важный козырь из рук парламента. Без соглашения с королем парламент не станет в глазах народа «законной властью», Сити не окажет ему

поддержки, роялисты не возьмутся за оружие, шотландцы не пришлют войска для борьбы с мятежной армией.

Кромвель видел, что неуступчивая политика парламента с каждым часом приближала катастрофу. Он потерял надежду на то, что под давлением армии пресвитериане сделаются более сговорчивыми по отношению к индипендентам. В то же время он отчетливо сознавал, что занятая им позиция в вопросе о роспуске армии все более отчуждает ее от него; что вскоре он может утратить авторитет и власть над солдатами, а вместе с нею, быть может, и голову.

Но кто же, кроме него, сумеет в нужный момент сдержать разбушевавшуюся стихию и направить бурлящий поток в безопасное русло? И Кромвель решается стать во главе армии — возглавить ее, чтобы со временем ее политически обезглавить. Он тайно покидает Лондон, где заправили Сити лихорадочно собирали силы для борьбы с «Новой моделью» и 3 июня прибывает в ее расположение. В эти дни великий солдат проявил себя как хитрый и изворотливый политик, умеющий искусно лавировать в ожидании условий, благоприятствующих решительным действиям.

Чтобы предупредить самовольное собрание солдат, Кромвель согласился на проведение 4 июня общеармейского смотра (в Ньюмаркет-Хиз), на котором солдаты и офицеры торжественно поклялись не расходиться по домам, пока не будут получены гарантии в том, что «рядовые солдаты, как и прочие свободно рожденные люди Англии, не станут подвергаться каким-либо несправедливостям, угнетению или обременениям, как это пытались сделать ныне». Чтобы ослабить и подорвать власть агитаторов, Кромвель санкционировал создание общеармейского совета, в котором, кроме агитаторов, должны были заседать по 2 офицера от каждого полка и, кроме того, все полковники и генералы. Легко догадаться, что таким путем Кромвель спешил обеспечить перевес в этом собрании своим единомышленникам. Последствия этой меры многие разгадали уже в июле. «При помощи коварства и лицемерия,— обращается один памфлет к Кромвелю,— вы отняли у честных и смелых агитаторов всю их власть и силу». Так постепенно на революционную армию надевается джентльменская узда.

Армия требовала похода на Лондон, чтобы «освободить парламент от засилия пресвитериан», Кромвель страшился появления мятежной армии в столице; но, опасаясь еще больше, как бы солдаты не двинулись туда вопреки ему, он сам возглавляет их поход. Одновременно в письмах к Сити он всячески успокаивает толстосумов, уверяя их в том, что армия «не намерена изменить существующую власть», что она не желает «под предлогом свободы совести» открыть дорогу «анархии и безнравственной свободе». «Железнобокий» неожиданно превращался в проповедника «мира и соглашения». «То, что приобретено мирным путем,—

убеждает он солдат, — вдвое лучше того, что приобретено силой».

Но заверения не действовали. Сити обезумело от страха перед приближающейся армией.

26 июля в Лондоне произошел контрреволюционный переворот. Спровоцированные своими хозяевами «ученики» ворвались в парламент, требуя изгнания из него индипендентов. Около ста депутатов во главе со спикером, опасаясь за свою жизнь, бежали в расположение армии. Призывы под ружье милиции Лондона, набор в кавалерию, ожидание помощи из-за границы — все эти меры должны были свидетельствовать о решимости пресвитериан оказать сопротивление. Однако низы Лондона открыто сочувствовали армии и не желали сложить свои головы ради интересов дельцов Сити. Поведение самой пресвитерианской верхушки в эти дни как нельзя лучше свидетельствовало о том, что «буржуазия — по меньшей мере класс, лишенный героизма». Ее робость и малодушие ярче всего проявил лондонский общинный совет — главное гнездо пресвитерианства. Когда он получил сведения, что направившаяся к Лондону армия по пути остановилась, в нем раздавались воинственные возгласы: «Все за одного, один за всех!». Когда же доносили, что армия возобновила свой марш, воинственность мгновенно испарялась и со всех сторон раздавалось: «Соглашение! Соглашение!»

4 августа Лондон без единого выстрела капитулировал перед армией. 6-го — солдаты триумфально промаршировали по городу, неся в руках дубовые ветки — символ мирной победы.

Но странное дело! Армию, за исключением отдельных частей, торопятся вывести за черту города; досмерти было испугавшиеся пресвитериане снова приходят в себя и возвращают в парламент ранее исключенных 11 членов палаты, возглавивших сопротивление армии; пресвитериане до того обнаглели, что на протяжении почти месяца проваливают акт, аннулирующий прежние направленные против армии постановления парламента. Понадобилось расположить в Гайд-парке (вблизи парламента) полк кавалерии, чтобы этот акт был, наконец, принят. Что же произошло? Откуда взялась эта неожиданная смелость Сити перед лицом армии? Все объяснялось просто: пресвитериане воочию убедились, что Кромвель столь же боится «анархии» солдат, как и они, что между ними и Кромвелем гораздо больше общего, чем между Кромвелем и солдатами. Именно это отрадное для них открытие придало им уверенность.

Страх Кромвеля перед собственной армией был теперь столь велик, что он не только безропотно переносил наглость пресвитериан, но, несмотря на возмущение солдатской массы, не постеснялся вступить в переговоры с королем. В глазах солдат этот шаг Кромвеля был равносителен измене делу свободы, но Кромвель теперь меньше всего считался с их мнением. Если бы Карл сделал некоторые уступки буржуазии — скажем, согласился бы

передать милицию на некоторое время под контроль парламента и гарантировал элементарную веротерпимость,— Кромвель готов был бы с ним примириться.

Восстановление монархии, как казалось индипендентской верхушке, преградило бы дорогу народной революции, и ради этого Кромвель готов был целовать руку короля — своего вчерашнего врага. В эти дни он прямо заявлял: «Никто не сможет спокойно пользоваться своей жизнью и собственностью, если король не будет восстановлен в своих правах».

За королем теперь наперебой ухаживали и парламент и Кромвель; каждый из них добивался его расположения. Находясь во власти армии, Карл теперь еще меньше напоминал пленника, чем в дни его пребывания в Хольмби. Предоставленный ему дворец Гемптон-Корт был полон слуг и приближенных. К королю допускались не только его дети, но и советники и даже иностранные послы. Он был в прекрасном расположении духа, давал парламенту и Кромвелю неопределенные, но обнадеживающие ответы, а втайне надеялся, что страх перед народными низами вынудит их в конечном счете согласиться на все его условия, и революция, таким образом, окажется для него лишь неприятным воспоминанием. Впрочем, король не стеснялся быть откровенным: «Без меня,— заявил он однажды,— вы ничего не сможете сделать. Если я вас не поддержу, вы погибнете!» Заслуживает внимания тот факт, что в своем желании договориться с королем Кромвель проявлял даже гораздо больше рвения, чем пресвитерианский парламент. Так, когда король отверг в сентябре условия соглашения, выдвинутые парламентом, не кто иной, как Кромвель, настоял на том, чтобы продолжить переговоры, разработав более приемлемые требования: ограничиться введением пресвитерианской церкви только на 3 года, сократить список роялистов, подлежащих наказанию. Одним словом, чтобы протянуть руку королю, сквайры требовали от него совсем немногого.

ГЛАВА XII

Кромвель и левеллеры

Однако сговор с королем так и не состоялся. Объяснялось это не столько несговорчивостью сторон, сколько тем, что этому помешало вмешательство народных масс, за счет которых он главным образом и должен был совершиться. Политический раскол внутри армии и глубокое недовольство солдат уступчивостью индипендентского руководства привели к возникновению летом 1647 г. в среде солдат и народных низов — вне армии — их собственной организованной политической партии, которую ее враги называли «левеллерами» (т. е. «уравните-

лями»). Выдающимися ее представителями были Лильберн, Уол-
вийн, Овертон, Принс и другие. Но популярнее всех был, безусловно,
Джон Лильберн. Младший сын в семье дерхемского джентль-
мена, Джон Лильберн по обычаю того времени был отдан в «уче-
ники» к крупному лондонскому торговцу сукном. Как и многих сы-
новей провинциальных сквайров, его готовили к карьере дельца
Сити. Однако его ждала другая судьба. Бурная политическая и
религиозная жизнь предреволюционного Лондона увлекла любо-
пытного и пылкого Джона, и он оказался вовлеченным в кипучий
водоворот событий. Он рано изучил запрещенную пуританскую
литературу, установил связь с пуританскими проповедниками и
стал их горячим приверженцем. Его деятельность на этом поприще
вскоре, однако, была прервана. В 1637 г. он был привлечен
к суду Звездной палаты за печатание (в Голландии) и пересылку
в Англию запрещенных пуританских сочинений. На суде Джон
вел себя мужественно, не признавал себя виновным. Его судьи
были беспощадны: юношу приговорили к штрафу, публичному
бичеванию и заточению в тюрьме, «пока он не покается в своих
заблуждениях». Для «честного Джона» это означало — «навечно»,
ибо не таким он был человеком, чтобы отречься от своих
убеждений. «Я клянусь,— писал он в дни заключения,— что могу
жить в любых условиях: в голоде, без одежды, в нужде, в прес-
ледованиях, в тюрьме, в опасностях, в ссылке, в изгнании; я за-
являю вам, что так сильна моя вера, что я мог бы жить на бес-
плодной каменистой горе, где нельзя найти ни хлеба, ни воды,
ибо я верю...».

От верной смерти Лильберна спасла революция. Оказавшись
вместе с другими узниками абсолютизма на свободе, Лильберн
решительно становится на сторону парламента, и вступает в ря-
ды его армии в самом начале гражданской войны. В сражении у
Тернгам-Грин он попадает в плен к роялистам, приговорившим
его, как «изменника», к расстрелу. За него вступился парламент,
пригрозивший расстрелять в ответ несколько «кавалеров». Осво-
божденный в обмен на них Лильберн по рекомендации Кромвеля
вступает в армию Манчестера. Вскоре он сумел настолько отли-
читься, что в мае 1644 г. получил назначение подполковником
драгунского полка.

Однако, как непреклонный индипендент, Лильберн наотрез
отказывается подписать пресвитерианский «ковенант» и в нача-
ле 1645 г. покидает армию. «Лучше,— заявил он,— копать репу
и морковь, чем воевать за укрепление той власти, которая сде-
лает его рабом». Борьба для него лишь начиналась. Отложив
шпагу, он взялся за перо, которое в его руках стало метким и
разящим врагов оружием. Воспитанный в среде лондонских
«учеников» и тесно связанный с примыкавшими к ним низами
столицы — ремесленниками, мелкими лавочниками, подмастерь-
ями и поденщиками,— Лильберн в своих многочисленных памф-
летах выступил на защиту их чаяний и надежд.

Каковы же были политические и социальные идеалы Лильберна и его соратников? Прежде всего Лильберн был решительным республиканцем. Когда в 1647 г. гранды всячески заигрывали с королем, Лильберн и его сторонники требовали уничтожения монархии и суда над «кровавым тираном». Более того, они отрицали какую бы то ни было власть и за палатой лордов. Еще в 1646 г. Лильберн обращался к палате общин, как к единственной «верховой власти нации, собранной в парламенте». Когда он был вызван в палату лордов для объяснений, он демонстративно отказывался отвечать на вопросы, не снял шляпы, не встал на колени, заткнул уши пальцами, чтобы не слышать приговора, и за оскорбление перов — на этот раз уже Долгим парламентом — был осужден на 7-летнее заключение в Тоуэре.

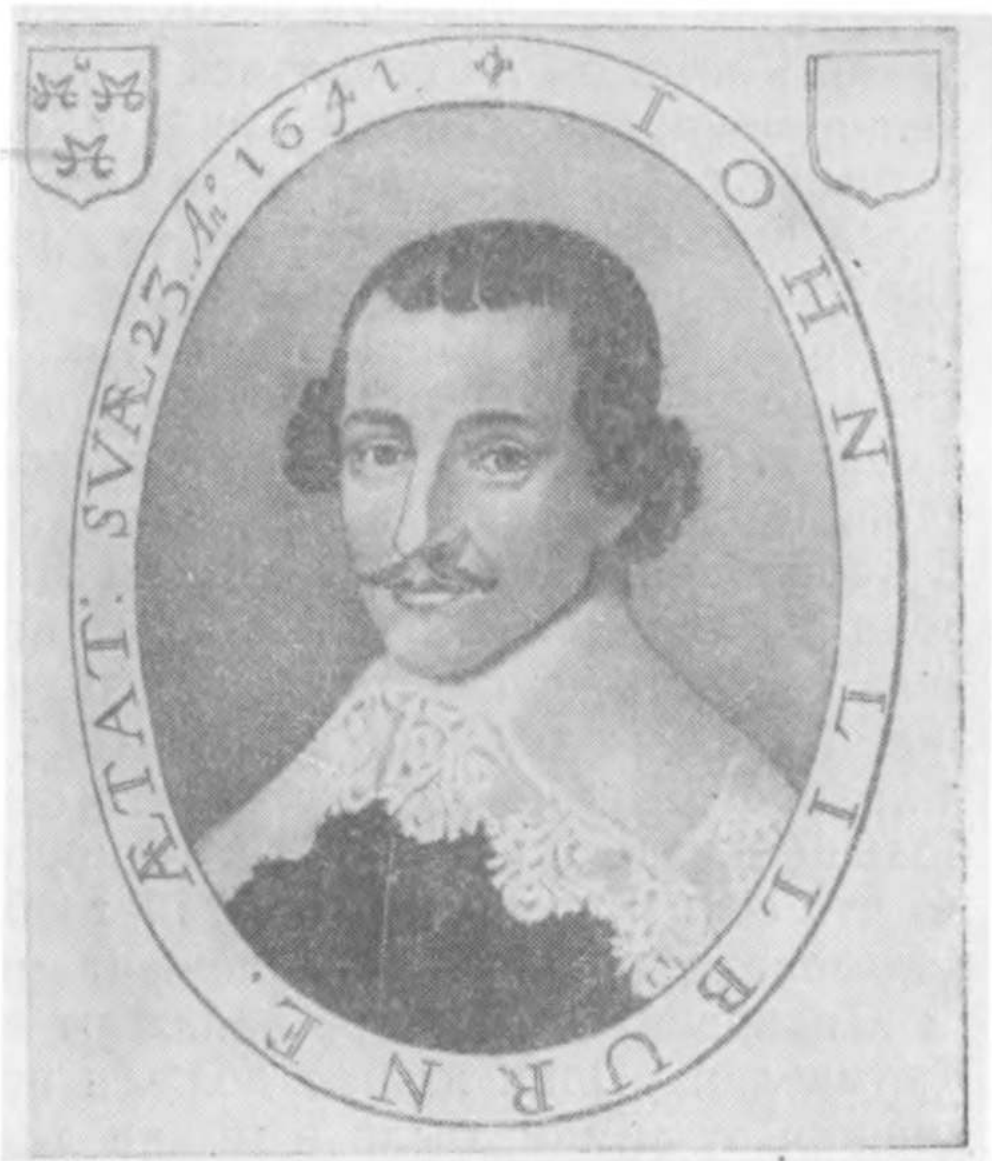
«Вся власть, — провозгласили левеллеры, — изначально и по своей сущности исходит от народа и, следовательно, принадлежит только ему. Свободный выбор этого народа и его согласие, выраженное через его представителей, — единственное основание всякого справедливого управления». Все люди, учили они, равны по рождению, и каждый из них имеет одинаковое право на безопасность и свободу.

Оставаясь по своему мировоззрению типичными мелкими буржуа, они при всей своей революционности не посягали на основу формировавшегося буржуазного общества — на частную собственность. О том, что они стояли за неприкосновенность частной собственности, Лильберн и его друзья заявляли неоднократно. Единственное спасение от всех зол они видели в признании за всеми одинаковых прав и решительно требовали равенства всех перед законом: «Ни держание, ни поместье, — писали они, — ни хартия, ни состояние, ни происхождение или место не должны давать права на изъятие из обычного законного порядка, обязательного для других». Исходя из этого основного принципа, они требовали уничтожения монополий и сословных привилегий, добивались справедливого налогообложения и свободы совести, но прежде всего — провозглашения осуществления всеобщего избирательного права. Если парламент будет избран свободным волеизъявлением народа, если его члены будут постоянно находиться под контролем своих избирателей, такое правительство, думали они, обеспечит торжество справедливости и закона.

Итак, одно лишь уравнивание (отсюда и их название «левеллеры», что значит по-английски «уравнители») людей в политических правах было идеалом справедливости «уравнителей». Последующая история буржуазного общества жестоко осмеяла эту наивную веру мелкого хозяйчика в буржуазный парламентаризм, как основание, достаточное для обеспечения всеобщего счастья. Ибо что может дать голое признание за людьми «одинаковых прав», когда сохраняется частная собственность, а с нею и имущественное неравенство, следовательно — богатые и бед-

ные, работодатели и наемные рабочие. С этой точки зрения идеология левеллеров была лишь наиболее последовательным выражением требований буржуазного правопорядка, буржуазного развития страны.

Однако в условиях буржуазной революции, когда шла борьба с феодальными привилегиями и сословным неравноправием, программа левеллеров была исторически прогрессивной, ибо она привела бы к радикальной чистке общества от средневековых пережитков и к установлению буржуазно-демократической республики.

Джон Лильберн.

Таким образом, левеллеры желали увеличить «минимум демократизма», завоеванного революцией, повести ее гораздо дальше, чем это намеревались сделать индепенденты, в то время отстаивавшие монархию и власть лордов. Левеллеры были в те дни самой демократической партией в лагере парламента.

Что же удивительного в том, что солдаты, отвернувшиеся от «шелковых джентльменов» (так в армии презрительно называли грандов), с самого начала оказались под большим влиянием левеллеров, а многие агитаторы выступили горячими приверженцами их партии. Авторитет Лильберна в армии был столь велик, что, по свидетельству уже знакомого нам проповедника Бакстера, его памфлеты «цитировались здесь, как законы». В свою очередь Лильберн горячо защищал справедливые требования солдат. «Оглянитесь вокруг, пока не очень поздно,—призывал он их,—и не давайте повода грядущим потомкам пенять на вас за то, что из-за своей низкой трусости и малодушия вы сделали их рабами; поэтому воспряньте, как один человек... и призовите к ответу тех, кто пытается разрушить и предать ваши права и свободы». Он возлагал большие надежды на агитаторов и из тюрьмы продолжал обращаться к ним с советами: «Держите крепко доверенную вам власть... пусть ничего не делается и не решается без вашего согласия». «Не доверяйте вашим офицерам из военного совета... так как они вообще продажны и превратились во врагов». И недоверие к грандам росло с каждым днем.

Агитаторы с величайшим возмущением говорили об упорном желании Кромвеля договориться с королем об условиях восстановления монархии. «Почему они (т. е. высшие офицеры) так любезны с... главными советниками короля?.. Почему они становятся перед ним на колени, целуют ему руки и выслуживаются перед ним? О, позор людям! О, какое преступление перед богом! Неужели можно обращаться так с человеком, который с головы до ног обрызган кровью ваших самых дорогих друзей и солдат?» Это нарастающее чувство недоверия к Кромвелю объединяло армейских агитаторов с гражданскими левеллерами. В «обращении ко всем солдатам армии от лица свободного народа Англии» разгневанный автор прямо заявлял: «...если Кромвель сейчас не раскается и не изменит свой курс, то пусть он знает, что вы любили и почитали справедливого, искреннего и храброго Кромвеля, любившего свою страну и свободу народа больше жизни и ненавидевшего короля, как кровавое чудовище, но что если Кромвель перестанет быть таким, он перестанет пользоваться вашим расположением».

Полковник Рейнсборо однажды в пылу спора бросил в лицо Кромвелю: «Один из нас должен погибнуть!» Опасность, исходившая от армии, была в те дни для Кромвеля столь непосредственной, что бесстрашный военачальник вынужден был время от времени менять квартиру. Брожение среди солдат снова было угрожающим. В начале октября в ряде полков переизбрали многих агитаторов, не оправдавших доверия солдат. 15 октября Ферфаксу от имени агитаторов 5 полков были переданы требования армии, озаглавленные «Дело армии, правильно изложенное». Автором этого документа был левеллер Уайльдман. К концу месяца собравшиеся в Пэтни (в предместье Лондона) агитаторы выработали на основе этого документа (от имени 12 полков кавалерии и 7 полков пехоты) политический манифест армии, представлявший собой в то же время проект нового государственного устройства Англии — так называемое «Народное соглашение», которому суждено было стать программой и знаменем левеллерского движения не только в рядах армии, но и во всей стране. Это был проект нового политического устройства Англии, каким оно рисовалось левеллерам.

«Народное соглашение» требовало безотлагательного роспуска Долгого парламента, стяжавшего себе к тому времени заслуженную ненависть армии и всего трудящегося населения страны.

По мысли авторов «Народного соглашения», парламент должен был впредь переизбираться каждые два года, и регулярное обновление его состава было призвано всякий раз отражать волю избирателей.

Проект левеллеров намечал и преобразование прежних избирательных округов, с тем чтобы число депутатов, избираемых от каждого округа, соответствовало численности населения.

Но самым главным и важным требованием, являвшимся в ту

пору и новым и революционным, было требование всеобщего избирательного права.

Избирательными правами наделялись все мужчины с 21 года и старше. Государственные служащие не могли быть избраны; члены парламента не могли вновь избираться, ранее чем через 2 года после окончания срока их полномочий. Власть короля и лордов полностью игнорировалась. Однопалатный парламент в составе 400 депутатов по существу признавался высшей властью в стране. «Дело армии» требовало уничтожения акцизов и замены их прямым налогом на имущество. Монополии, привилегии, церковная десятина отменялись. Никто не должен был терпеть принуждения ни в делах совести, ни в привлечении к военной службе. Постоянная армия заменялась милицией. Кроме того, левеллеры требовали возвращения всех огороженных земель в общинное пользование, реформу права: число законов должно быть сокращено до такой степени, чтобы все они вместились в одной небольшой книге. Все законы подлежали переводу на английский язык. Бедняки и престарелые должны содержаться за счет казны.

Однако создатели первого проекта английской конституции — левеллеры, как мелкие буржуа, готовые сочувствовать бедняку, впадшему в нужду, вместе с тем были проникнуты глубоким почтением к частной собственности и к правам собственника.

Эта двойственность и мешала им быть последовательными революционерами, способными отважиться на решительную ломку всего общественного и государственного строя старой Англии.

Не удивительно, что «Народное соглашение» было отмечено чертами половинчатости и даже некоторой робости.

Так, например, желая устранить короля и аристократическую палату лордов, левеллеры в своем проекте не произносили опасного слова «республика», а вместо этого осторожно говорили о том, что палата общин сама по себе является таким высшим органом власти, решения которого не нуждаются в подтверждении со стороны какого-либо отдельного лица (намек на короля), и таким образом республика провозглашалась не прямо, а обиняками.

Несмотря на это, «Народное соглашение» привлекло на свою сторону все революционные силы армии, в то же время гранды встретили его крайне враждебно, а парламент объявил его мятежным и запретил. Однако опасность вспышки народного движения была слишком велика, чтобы его можно было ликвидировать простым запретом. Солдаты требовали немедленного проведения в жизнь требований «Соглашения», в противном случае они угрожали образовать из представителей армии и народа свободный парламент, который будет способен немедленно освободить народ от «тягот и гнета». Агитация за «Народное соглашение» в армии и вне ее достигла столь широких раз-

Джон Уайльдман.

меров, что снова понадобилась политическая изворотливость Кромвеля, чтобы ввести движение в желанное и безопасное для грандов русло. Обстановка была чрезвычайно сложной. Король продолжал свою двойную игру и не уступал требованиям грандов, без чего невозможно было никакое соглашение. В то же время в армии нарастал открытый мятеж, угрожавший не только королю, но и власти грандов.

Кромвелю пришлось снова прибегнуть к политическому маневру. Желая овладеть движением, он соглашается обсудить требования агитаторов на общеармейском совете. Собравшийся в

предместье Лондона Пэтни 28 октября общеармейский совет сыграл огромную роль в истории революции, ибо он окончательно провел резкую разграничительную линию внутри партии индепендентов между грандами и левеллерами. Дошедшие до нас протоколы дебатов, состоявшихся в Пэтни,— это ярчайшая летопись самой острой идеологической борьбы между носителями демократических тенденций левеллерами и их противниками «грандами», решившими не допускать дальнейшего углубления революции. Именно на конференции в Пэтни были сброшены маски, и враги, наконец, открыто заговорили каждый своим языком.

Чтобы обезвредить «Народное соглашение», гранды противопоставили ему свой проект политического устройства страны — так называемые «Главы предложений», написанные Айртоном еще в августе и переданные королю как условие примирения с ним. Нетрудно догадаться, что предназначенные для такой цели «Главы предложений» не затрагивали ни власти короля, ни палаты лордов.

Конституционные требования грандов были более чем скромные: 1. Вето короля приобретало характер временного, отлагательного: билль, принятый двумя следующими один за другим парламентами, становился законом и без согласия короля.

2. Роялисты, сражавшиеся с оружием в руках против парламента, на 10 лет отстранялись от занятия должностей.

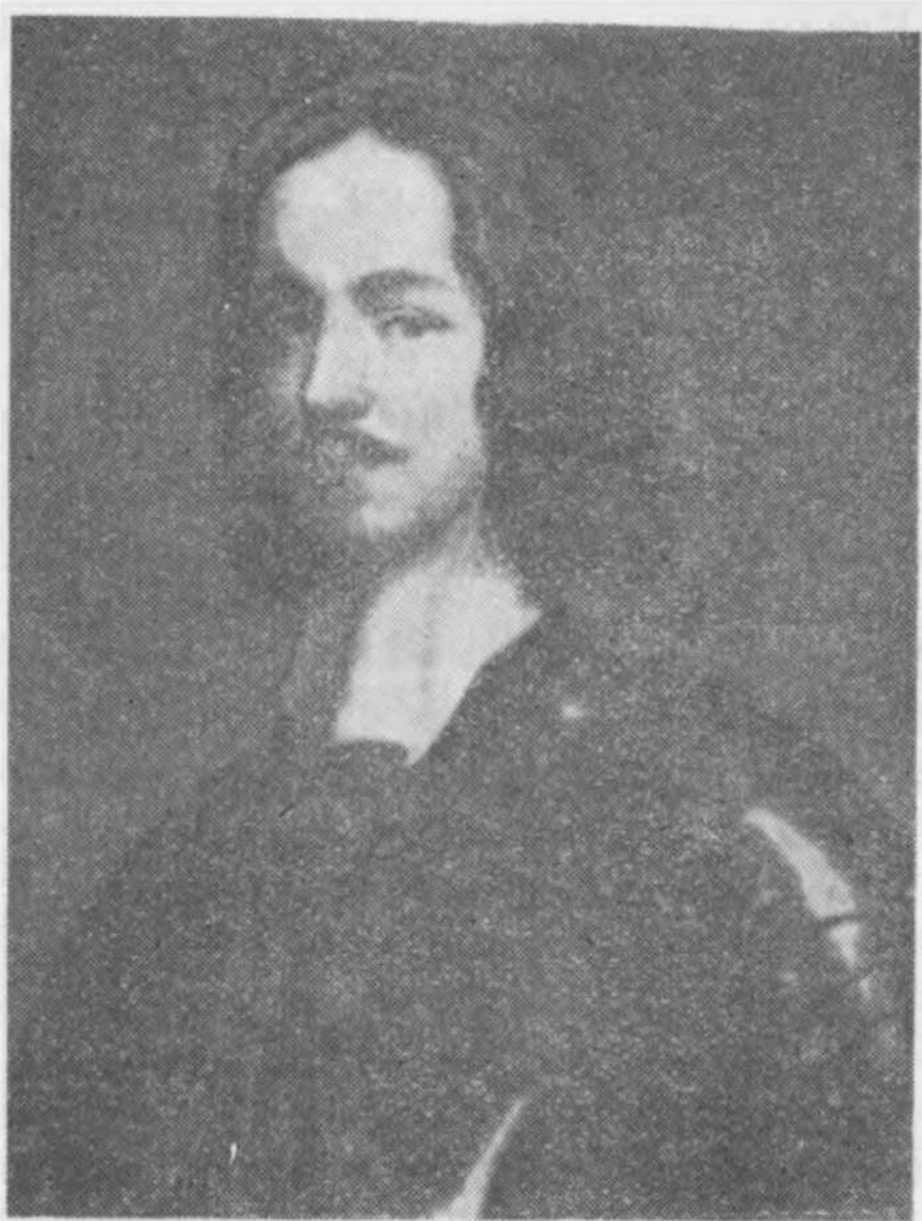
3. Епископат должен быть уничтожен актом, епископские земли — распроданы. Гранды также требовали двухгодичного парламента и увеличения представительства в парламенте сквайров за счет пришедших в упадок городов — «гнилых местечек», и гарантий свободы совести. Заметим, что большинство этих требований было вскоре пересмотрено грандами в еще более умеренном духе с той целью, чтобы завоевать расположение палаты лордов. Характерно, что в разделе IX «Глав предложений» еще раз подтверждается отмена рыцарского держания, т. е. односторонняя (лишь в пользу лендлордов) отмена феодальных повинностей.

Несомненно, что в глазах индипендентского джентри это было наиболее крупное завоевание революции.

Прения на конференции открыл агитатор Сексби, резко критиковавший политическую линию Кромвеля и Айртон. Доверие к ним и их авторитет подорваны потому, что они старались угодить всем, в результате все остались недовольны, они, продолжал он, сделали все от них зависящее, чтобы понравиться королю, «но пока мы не перережем себе горло, эта цель не будет достигнута»; они делали все, чтобы завоевать расположение палаты. Мы поддерживали здание с гнилыми стропилами, я разумею парламент, состоящий из компании порочных, разложившихся членов.

Положение королевства таково, что мы должны быстро действовать. Необходимо прислушаться к тому, что содержится в предложениях левеллеров, и если они разумны, то следует к ним присоединиться.

Айртон — главный оратор грандов — с самого начала конференции настроен агрессивно: «Я никогда не пойду заодно с теми, — кричит он в ответ агитатору, — кто ищет гибели парламента и короля», — и добавляет, что агитаторы сеют раздор в армии.

Айртон.

Кромвель, председательствовавший на заседании армейского совета, ведет себя более примирительно, он оправдывается в своих действиях, ссылаясь на то, что, настаивая на продлении переговоров с королем, он действовал отнюдь не от имени парламента,— а лишь в качестве частного лица. Но вместе с тем Кромвель не скрывает своего недовольства «Народным соглашением». Оно пугает его «новизной», своими «возможными последствиями». «Ваши предложения новы для меня,— заявил он.— Они заключают в себе важные изменения в образе правления, а подумали ли вы о последствиях, какие они могут иметь? Не вызвана ли будет этим полная смута, не сделает ли это Англию подобной Швейцарии, в которой один кантон может идти против другого? Какие плоды принесет такой порядок, как не гибель нации?» Проект левеллеров, по его мнению, порывает с духом английской конституции. Армия взяла на себя определенные обязательства и должна оставаться верной им.

Под «обязательствами», о которых настойчиво твердил Кромвель и его единомышленники, подразумевались давно устаревшие декларации армии, весь смысл которых сводился к тому, чтобы сохранить монархию, а с нею и основы прежнего государственного устройства. Кромвелю резко возражает левеллер Уайльдман: «Если обязательства несправедливы, они могут быть отброшены, а до сих пор ничего не сделано для удовлетворения народных жалоб». Задача «Соглашения» и заключается в том, чтобы дать им удовлетворение.

Кромвель говорил «о больших трудностях, стоящих на пути к осуществлению предложенного «Соглашения». На это ему отвечает полковник Рейнсборо: «Если бы мы когда-нибудь боялись трудностей, я не уверен в том, что мы когда-либо осмелились бы взглянуть в лицо врагу. Если вы убеждены в том, что дело справедливое, я считаю, что вы обязаны его осуществить». «Божьей милостью я не боюсь никого из людей»,— отвечает Кромвель, имея в виду короля. Каждый раз, когда накалившаяся атмосфера грозила взрывом, Кромвель брал слово и напоминал, что «раскол в армии — смерти подобен», он грозился покинуть заседания, он пытался убедить агитаторов в том, что он и его сторонники преследуют те же цели, что и левеллеры, но в отличие от последних офицеры желают избежать неосторожных решений и хотят все обстоятельно обдумать.

Поведение грандов в Пэтни свидетельствовало о том, что конференция представителей армии была задумана не для принятия предложений левеллеров, а для того, чтобы оттянуть принятие каких-либо решений. Пусть лучше солдаты разрядят свое недовольство в стенах армейского совета, чем вне его. Когда затеянная грандами дискуссия о прежних обязательствах исчерпала свои возможности, в ход было пущено старое испытанное средство — пуританское лицемерие. Слова просит подполковник Гоффе. Он вспоминает «бога», почему бы не обратиться

к нему, чтобы узнать его «волю». «Молитесь»,— призывает он армейский совет. Кромвель ухватился за это предложение, как за якорь спасения: молитва позволит выиграть время. Заседание следующего дня открывается молитвами, затянувшимися до полудня. Верный своему обычаю, Кромвель желает выдать сокровенные желания грандов за «промысел божий»—таковы уж были нравы пуритан! После «поисков бога» разгорелись горячие споры вокруг вопроса: кто должен обладать избирательным правом. Ответы сторон были недвусмысленны: гранды желали наделить им только людей имущих, левеллеры требовали всеобщего избирательного права для мужчин. Первым выступил Рейнсборо: «Я полагаю,— заявил он,— что и беднейший человек вовсе не обязан повиноваться правительству, раз он сам не принял участия в его создании». Левеллеры считали, что это требование является неотъемлемым правом каждого человека, т. е. правом при рожденным. На это резко возразил Айртон: «Мне думается, что не существует общего для всех права... что никто не имеет права принимать участия в решении дел королевства... кроме тех, кто имеет постоянную заинтересованность в нем» (т. е. тех, кто обладает собственностью). Таковыми для него являются в первую очередь землевладельцы, торговцы и промышленники. «Здесь говорили о естественном праве,— продолжал он.— Совершенно верно, люди... вследствие того, что они родились в Англии, имеют право на то, чтобы их не изгоняли из пределов страны, чтобы мы не отказывали им в воздухе, в праве передвигаться по дорогам... вот что принадлежит человеку по праву рождения». Легко понять, почему гранды так боялись введения всеобщего избирательного права.

«Вы хотите держаться одного естественного закона,— заявил Айртон,— но на основании его вы не имеете большего права на этот кусок земли или на какой-нибудь другой, чем я; я в такой же мере, как и вы, волен захватить все необходимое для моего пропитания или для моего личного довольства... Я прихожу в ужас от тех последствий, какие может иметь подобное предложение, я не вижу достаточного основания признавать за каждым, кто родился в данной местности, права располагать ее землями и имуществом». «Раз представительство не будет принадлежать исключительно тем, кто имеет постоянный... интерес (т. е. собственность) в королевстве, мы, несомненно, дойдем до отмены собственности...» В этих словах Айртона выразился тот непреодолимый страх за судьбу «благоприобретенной» собственности, который всегда довлел над буржуазией во всех ее политических и законодательных мероприятиях. Еще не ведая лицемерия буржуазных деятелей позднейшего времени, Айртон с редкой откровенностью высказал этот страх буржуазии перед политическим полноправием народа.

Ему снова отвечал Рейнсборо: «Я думаю, что все англичане должны пользоваться английскими законами, и я твердо уверен,

что никто не будет отрицать, что источник законов находится в народе. А если это так, то как оправдать существование избирательных ограничений? Почему лорд должен назначать 20 депутатов в парламент, а бедный человек ни одного?»

Но главный оратор грандов не унимался: «Все сказанное мной клонится к одному: к необходимости считаться с собственностью... раз вы допускаете равное право всех выбирать тех, кто будет управлять ими, вы должны признать за каждым равное право на вещи... пищу, питье, одежду. Вы должны признать, что каждый волен присвоить себе землю для обработки и вообще всякую собственность... Каждый из нас должен довольствоваться тем, что по закону принадлежит ему; никто не должен насильственно присваивать то, что принадлежит другому».

«В этой стране,— поддержал Айртона полковник Рич,— 5 человек на одного не обладают (собственностью); некоторые имеют 10 слуг, некоторые — по 20, одни — больше, другие — меньше. Если слуги и господа будут в одинаковой мере избирателями, лишенные собственности изберут таких же». Но что же помешает большинству такого парламента законодательным путем уничтожить собственность и ввести равенство состояний?»

Мы видели, что буржуазия отнюдь не желала считаться с «правом собственности», когда речь шла о собственности феодальной аристократии, церкви, короны; она самым хищническим образом и без зазрения совести ограбила своих противников, присвоив себе их землю, их леса, их драгоценности. Но, совершив это, она тотчас же поспешила провозгласить, что отныне собственность «священна и неприкосновенна». Ревнителю буржуазной собственности приходили в ужас при мысли, что немущие в свою очередь поднимут руку на «благоприобретенную» собственность буржуазии. Отныне они желали создать для ее ограждения всяческие барьеры.

В этом признался Кромвель; предложения левеллеров ведут, по его мнению, к анархии: «Какие могут быть преграды, если вы уничтожите ограничения, которые лишают возможности избирать тех, кто не имеет другой связи с местностью... кроме права дышать в ней?»

«Неужели,— спрашивал Рейнсборо,— то (обстоятельство), что я беден, дает право меня притеснять? Неужели джентльмен, живущий в деревне и имеющий три-четыре имения (и только бог один знает, как они ему достались!), при созыве в парламент должен быть его членом и он вправе угнетать бедняков, живущих по соседству?»

Но Айртон не унимался: «Где место для собственности?» На это ему смело отвечает левеллер Петти: «По правде сказать, мое сердце возрадуется, если богу будет угодно отменить короля, лордов и собственность».

«Сэр,— говорит Рейнсборо, обращаясь к Айртону,— я вижу, что невозможно получить свободу, если не будет упразднена

собственность. Но я хотел бы знать: для чего сражались солдаты? Очевидно, они сражались для того, чтобы поработить себя, чтобы отдать власть богатым людям, земельным собственникам, и сделать себя вечными рабами».

«Меня поражает,— заключил Сексби,— что мы так обману-ты... Жаль, что вы не сообщили солдатам об этом сначала, тогда, я уверен, вы имели бы под своим знаменем гораздо меньше людей». И, обращаясь к Кромвелю, заключает с угрозой: «Я полон решимости никому не уступать своего прирожденного права».

«Кромвель и левеллеры,— так подытожил борьбу в совете армии современный событиям журнал,— могут столь же примириться, как огонь и вода. Цель одних — народовластие, цель других — олигархия».

Как уже отмечалось, левеллеры не оказались до конца последовательными. «Как я представляю,— признал левеллер Петти,— мы исключили бы подмастерьев, учеников, слуг или тех, кто получает подавание, на том основании, что они зависимы от воли других людей!» Единодушие и решимость агитаторов в конечном счете возымели свое действие: на словах гранды были вынуждены согласиться с принципом всеобщего избирательного права для мужчин (по крайней мере поскольку речь шла о солдатах «Новой модели»).

Но если в вопросе об избирательном праве хотя бы формально победила гочка зрения левеллеров, то в вопросе о судьбе королевской власти и палаты лордов гранды оказались непреклонными. Для левеллеров монархия была «обреченным на гибель Вавилоном». «Божьи люди,— заявил левеллер Уайльдман,— ...успокоятся только тогда, когда власть сосредоточена будет в руках одних общин». Гранды с этим решительно не мирились и в лучшем случае соглашались лишь на лишение короля и лордов права «вето».

Кромвель и в этом случае сначала пытался выступить в роли «примирителя» сторон: по его заявлению, он даже сам был бы рад расстаться с властью короля и лордов, однако нужна хоть какая-нибудь власть, которая служила бы плотиной против разгула «анархии». «Если это будет иметь хоть видимость власти, я ухвачусь за него и не выпущу, хотя бы оно походило на зайца, переплывающего Темзу».

Но пока в Пэтни, в стенах большой церкви, где происходило собрание, длились споры, атмосфера на улице предвещала приближение грозы. Еще 29 октября левеллер Уайльдман опубликовал памфлет, призывавший солдат к смелому противодействию грандам. В этом памфлете прямо говорилось, что Кромвель и Айртон предали дело народа и отстаивают отныне интересы его врагов.

Единственным средством борьбы с изменниками-грандами провозглашалось полное единение армии и народа. Уайльдман

заверял в готовности народа помочь солдатам и призывал их не колеблясь заменить старую клику армейских руководителей новыми офицерами из своих рядов. Солдаты все настойчивее требовали немедленного суда над королем — «этим великим деликвентом», а некоторые заодно угрожали и грандам. Медлить далее было невозможно, и Кромвель переходит к действиям. Он прерывает заседание совета и приказывает агитаторам немедленно вернуться в полки. Народное соглашение было передано на рассмотрение комитету, составленному из одних офицеров. Это был конец совета армии как представительного органа солдат. В дальнейшем под этим названием будет заседать совет офицеров, т. е. «шелковых индипендентов». Прения в Пэтни можно поистине назвать историческими. Они не только провели окончательную разграничительную линию между левеллерами и индипендентами, но и обусловили начало раскола в самом левеллерском движении.

Начав борьбу на чисто политической почве, левеллеры (осенью 1647 г.) убедились, что политические перемены в стране невозможны без перемен в господствующих отношениях собственности. Принципу левеллеров избирательное право — прирожденное право свободных людей гранды противопоставили принцип избирательное право — право собственников. Только одна часть левеллеров сделала правильные выводы из этого урока. Она стала на путь, который вскоре приведет ее к истинному левеллерству. Другая же часть во главе с Лильберном продолжала разделять свои прежние иллюзии, будто свобода и счастье людей зависят лишь от «справедливых законов» и формы правления в государстве. Они остались до конца политическими левеллерами.

Однако брожение в армии с каждым днем все больше нарастало. Глеющий огонь возмущения вспыхнул ярким пламенем, когда внезапно разнеслась весть о том, что вероломный король тайно покинул Гэмптон-кортский дворец и бежал на остров Уайт, чтобы еще раз поднять свое мятежное знамя и снова попытаться счастье меча. Левеллеры теперь открыто обвиняли Кромвеля в предательстве и требовали немедленного смотра армии. Выхода не было, и Кромвель назначает на 15 ноября смотр одной трети армии — 5 полкам. Однако вместо 5 полков на смотр прибывает 7. Полки Гаррисона и Роберта Лильберна (брата Джона Лильберна) открыто вышли из повиновения. Прогнав своих офицеров, они самовольно пришли на смотр, чтобы потребовать немедленного осуществления «Народного соглашения». К головным уборам солдаты приколоты отпечатанные тексты «Соглашения», у некоторых на груди виднелись плакаты с надписью «Да здравствует свобода и права солдат». Кромвель и Ферфакс почувствовали себя в опасности, к ним никого не подпускали. Объезжая полки, они требуют от них обязательства повиноваться командованию и военному совету. Но вот они приближаются

к мятежным полкам. Увещения Кромвеля подействовали на солдат Гаррисона, и они вскоре покидают поле; но увещения оказались тщетными в отношении солдат Роберта Лильберна. Последние решительно отказались сорвать с головных уборов тексты «Соглашения». Тогда Кромвель со свойственной ему смелостью, один, со шпагой наголо, врезался в ряды мятежников и стал срывать листовки. Личный авторитет полководца Кромвеля был еще слишком велик, в то же время солдатская масса была неоднородной и неустойчивой. Мятежный полк покорился. 14 зачинщиков «неповиновения» были арестованы и тут же подверглись военному суду. Из трех приговоренных к смерти по жребию был расстрелян перед строем солдат Ричард Арнольд. Солдатское восстание было подавлено в зародыше и вместе с ним на время было покончено с преобладанием левеллеров в армии. Командование постаралось поскорее избавиться от наиболее революционных ее элементов: одни были изгнаны из армии, другие заключены в тюрьму, третьи подкуплены. *Роль левеллеров*

Агитаторы были окончательно удалены из армейского совета и перестали играть сколько-нибудь активную роль. В военном совете теперь верховодили одни офицеры.

Армия снова стала послушным орудием в руках индпендентов.

ГЛАВА XIII

Вторая гражданская война и казнь короля.

Год 1648 был одним из самых критических в истории революции; таким же он был и в политической карьере Кромвеля. Подъем левеллерского движения как в армии, так и вне ее, в народных низах, вызвал панический страх в рядах пресвитериан и окончательно толкнул значительную их часть на путь контрреволюции. Монархические симпатии, мутным потоком разлившиеся по стране, завладели почти всеми толстосумами, «терявшими голову при одной только мысли о возможности утратить собственность». Роялистские мятежи вспыхивают на этот раз не только на севере и в Уэльсе, но и в самом сердце революции, в графствах юго-востока — в Кенте, Серри, Сессексе и, наконец, в самом Лондоне.

Роль главных защитников монархии теперь взяли на себя шотландские пресвитериане — аристократы, вступившие в сговор с Карлом и поднявшие его поверженное знамя. Шотландская армия, насчитывавшая совместно с примкнувшими к ней английскими роялистами более 21 тыс. человек, вторглась в северные графства Англии. В английские дела была готова вме-

шаться и Голландия. Наконец, парламенту отказала в повиновении в прошлом его наиболее прочная опора — флот.

Что мог противопоставить этой нависшей над революцией опасности парламент? — Разброд, междоусобную войну, бесконечные интриги. Армия находилась в руках индипендентов, в парламенте же заправляли пресвитериане, ненавидевшие индипендентов и не доверявшие армии. С другой стороны, кровь солдата Арнольда оттолкнула от Кромвеля и массу левеллеров. Былой энтузиазм «железнобоких» у многих сменился глубоким равнодушием к делу парламента, казавшемуся им теперь чужим и враждебным. Кромвель был «чудовищем» для пресвитериан, лишь ожидавших удобного момента, чтобы отправить его на плаху; в то же время он был предателем в глазах левеллеров, видевших в его лице наиболее коварного врага свободы.

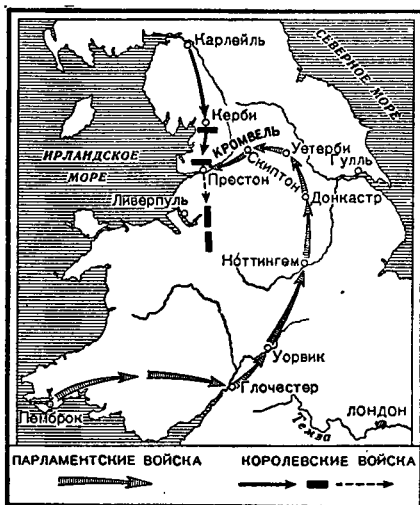
В этих условиях восстановление единства в рядах армии было для революции вопросом жизни и смерти, и Кромвель сознавал это лучше, чем кто-либо другой. Следует признать, что достижению этой цели в немалой мере способствовал и сам король.

Неискренность и тупое упрямство Карла I оттолкнули от него не только грандов, но и некоторых пресвитериан Вестминстера. В декабре 1647 г. палата общин приняла постановление прервать с ним сношения: связь с королем впредь будет рассматриваться как государственная измена. С другой стороны, и гранды, столь настойчиво и напрасно добивавшиеся соглашения с находившимся у них в плену королем, заняли теперь по отношению к Карлу резко враждебную позицию. В апреле следующего года на совещании руководителей армии в Виндзоре целые дни проходили в покаянных «молитвах и слезах». Офицеры ждали «откровения бога», и оно явилось в виде решения: «Карл Стюарт, муж крови, должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тягчайшие преступления против бога и народа». Судьба короля отныне была решена так, как этого давно уже требовали левеллеры. В результате — у левеллеров вновь возрождаются надежды на Кромвеля — он, по их мнению, еще способен вернуться на путь истины! Армия снова видит перед собой врага, видит в победе над ним заветную цель и воодушевляется для борьбы за ее достижение.

Военные действия второй гражданской войны развернулись в трех изолированных районах. Назначенный командующим южной армии Ферфакс, подавив в мае 1648 г. контрреволюционное восстание в Кенте, двинулся затем на восток и приступил к систематическому очищению отдельных укрепленных пунктов от роялистских гарнизонов. Тем временем Кромвель, поставленный во главе северной армии, ликвидировал в течение полутора месяцев роялистский мятеж в Уэльсе и поспешил на север, где Ламберт преградил дорогу шотландцам. Однако в то время как парламентские силы ждали продвижения шотландцев через Йорк,

те избрали западный путь на юг — через Ланкашир. Кромвель имел 8500 человек, т. е. немногим более одной трети численности войска шотландского главнокомандующего Гамильтона. Однако это были хорошо дисциплинированные и уже закаленные в боях ветераны — и Кромвель смело пошел на сближение с врагом.

Шотландцы спешили: они до невозможности растянули свои силы и к моменту сражения оказались разделенными на три части, отстоящие друг от друга на много миль, причем кавалерия совершенно оторвалась от своей пехоты. Разведывательная служба шотландцев была столь плохо поставлена, что Гамильтон даже и не подозревал о приближении Кромвеля. 17 августа, скрытый предрассветным туманом, Кромвель неожиданно появился перед шотландцами и с марша атаковал шотландскую пехоту у Престона. Оставив на защиту города арьергард, Гамильтон поспешил теперь с основными силами вдогонку своей кавалерии, ушедшей вперед. Началось преследование кромвелевскими «железнобокими» увязавших в грязи шотландских пехотинцев. Но тут произошло самое непредвиденное. Командующий шотландской кавалерией Мидльтон, услышав о появлении Кромвеля, поспешил обратно на помощь Гамильтону, но они разминулись, и вместо Гамильтона, он натолкнулся на конницу «железнобоких», тогда как Гамильтон в свою очередь застал только пустой, покинутый кавалерией лагерь. На протяжении трех дней Кромвель безнаказанно сокрушал совершенно выбившиеся из сил полки и бригады шотландцев. Поражение их было катастрофическим. 10 тыс. человек побросали оружие и сдались в плен. Находившийся на севере 5-тысячный отряд шотландцев и английских роялистов бежал к границе. К концу августа вторая гражданская война фактически закончилась. Могло казаться, что бесславный для роялистов ее конец, столь полное равнодушие к их судьбе, проявленное со стороны народных масс, чему-нибудь научит пресвитериан, явно и тайно сочувствовавших мятежникам. Подобные надежды оказались тщетными. Члены палаты лордов даже отказались объявить шотландцев врагами, а пресвитериане

Битва у Престона.

произошло самое непредвиденное. Командующий шотландской кавалерией Мидльтон, услышав о появлении Кромвеля, поспешил обратно на помощь Гамильтону, но они разминулись, и вместо Гамильтона, он натолкнулся на конницу «железнобоких», тогда как Гамильтон в свою очередь застал только пустой, покинутый кавалерией лагерь. На протяжении трех дней Кромвель безнаказанно сокрушал совершенно выбившиеся из сил полки и бригады шотландцев. Поражение их было катастрофическим. 10 тыс. человек побросали оружие и сдались в плен. Находившийся на севере 5-тысячный отряд шотландцев и английских роялистов бежал к границе. К концу августа вторая гражданская война фактически закончилась. Могло казаться, что бесславный для роялистов ее конец, столь полное равнодушие к их судьбе, проявленное со стороны народных масс, чему-нибудь научит пресвитериан, явно и тайно сочувствовавших мятежникам. Подобные надежды оказались тщетными. Члены палаты лордов даже отказались объявить шотландцев врагами, а пресвитериане

палаты общин столь обнаглели, что снова пригласили в парламент 10 своих вожаков, изгнанных было по требованию армии. 24 августа палата отменяет принятое ранее постановление о перерыве сношений с королем и направляет к нему на остров Уайт депутацию из 15 человек для возобновления переговоров. После длительного торга палата, наконец, постановила (5 декабря), что предложения короля (передача парламенту на 20 лет контроля над милицией и установление на 3 года пресвитерианства) могут служить основанием для соглашения с ним. Кромвелю было ясно, что эти люди готовы вернуть в руки Карла все добытые ранее завоевания революции, единственной гарантией которых оказался бы лишь «клочок бумаги». «Не было ли очевидным,—спрашивал несколько позднее Кромвель,—что этот договор уничтожил бы все, что было достигнуто в войне, и сделал бы положение худшим, чем оно было до ее начала». Над страной снова нависла угроза контрреволюции. На этот раз Кромвель решил во что бы то ни стало помешать сделке парламента с королем. Он отлично понимал, что добиваться соглашения с королем в данных условиях означало создать пропасть между собой и армией, смертельно ненавидевшей вероломного и кровавого Стюарта. И верный интересам своего класса, жизненно заинтересованного в сохранении контроля над армией — главной силой в борьбе с абсолютизмом — Кромвель не боится идти на решительное сближение с левеллерами. Он знал: без их поддержки победы достигнуть нельзя. Многие из их требований, столь пугавшие его в дни Пэтни, теперь представлялись ему не только неизбежными, но и единственно возможными.

В этом свете чрезвычайно характерно письмо Кромвеля его кузену Гэммонду, коменданту крепости Карисбрук, в которой содержался король. Гэммонд считал, что власть короля установлена богом и что поэтому нужно ей повиноваться; на это Кромвель ему отвечает: «Согласен, что власти от бога, но тот или другой вид их — создание рук человеческих. От людей зависит придать им большие или меньшие границы. Я не думаю, что власти вправе делать все, что им угодно, и что повиновение всегда обязательно».

Гэммонд настаивал, как это делал осенью 1647 г. и сам Кромвель, что парламент — законная власть. Кромвель теперь возражает ему почти языком левеллеров: «Я только попрошу тебя поразмыслить, не следует ли признать, что положение, гласящее: *Salus populi — ultima ratio* — «благо народа — высшая цель» — здоровое положение; не рискуем ли мы потерять все плоды нашей победы и вернуться к прежним, если не худшим, условиям и порядкам, вопреки всем обязательствам и всем соглашениям. Наконец, не есть ли армия та законная власть, какую бог призвал для противодействия королю и в защиту наших требований». Все содержание письма клонилось к тому, чтобы Гэм-

монд зорче стерег короля и не подчинялся приказам монархически настроенного парламента.

Но примечательнее всего было то, что Кромвель в этом послании пытался рассеять страхи своего родственника перед левеллерами. «Не думаете ли вы, что страх перед левеллерами (которых нечего бояться), страх, что они устроят дворянство и т. д., заставил многих дать себя подкупить и пойти на заключение такого гибельного договора... я не хочу утверждать, что то, чего они боятся, произойдет с ними, но если даже все это случится, они (пресвитериане) будут сами виноваты».

С другой стороны, и левеллеры были готовы пойти на соглашение с Кромвелем, если он не будет пренебрегать их требованиями. Выйдя в августе 1648 г. из тюрьмы, Лильберн счел нужным написать Кромвелю письмо, в котором изложил свое отношение к нему: «Уверяю вас, что если я когда-нибудь подниму на вас руку, то это случится только тогда, когда вы... покинете путь правды и справедливости. Если же вы решительно и бескорыстно захотите идти по нему, то я, несмотря на все ваши прежние жестокие меры против меня, остаюсь до последней капли крови ваш».

Если для индипендентов союз с левеллерами был лишь временной тактикой, иначе говоря, он был выражением несомненного «политического реализма» Кромвеля, т. е. сознания, что без поддержки народных низов гранды будут раздавлены в новой гражданской войне с королем, то со стороны левеллеров этот союз означал потерю ими своей самостоятельности, своих принципиальных позиций. Политическая узость левеллеров не позволила им разглядеть, что, поступаясь Карлом Стюартом, гранды фактически не поступались ни одним из основных принципов их программы. В то же время сами левеллеры отрекались от тех даже туманных социальных чаяний, которые присущи их петициям 1647 г.

Наконец, сама возможность политического союза между грандами и левеллерами свидетельствовала неоспоримо о том, что противоречия между ними не были в подлинном смысле слова антагонистическими, ибо различия их программ в конечном счете сводились к различной степени демократизма, допустимого на базе одного и того же принципа «неприкосновенности частной собственности».

Левеллеры фактически сдали свои позиции задолго до того, как потерпели поражение в открытой борьбе. Они сами ковали победу своих врагов.

Между тем Кромвель, находившийся на севере и издали наблюдавший происки парламента, посылал в Вестминстер полные ожесточения письма. Он писал об «измене некоторых людей» в Англии, которые подвергли опасности все английское государство и которым следовало бы «краснеть»; он желает вызвать у них «ужас и раскаяние», но вместе с тем грозно преду-

„Кроме ль подрубает королевское дерево Англии“. (Карикатура.)

преждает, что «бог, не допускающий ни издевательства, ни обмана, не потерпит, чтобы его именем пользовались для осуществления нечестных целей».

В то же время Айртон и Ферфакс от имени армии направили в парламент «ремонстрацию» с требованием суда над «главным преступником» — королем. Судить же его должен вновь избранный парламент. Многие из требований «ремонстрации» были прямо списаны с левеллерской программы. Парламент даже не считал нужным ответить на ремонстрацию, а 30 ноября постановил: не обращать внимания на требования, исходящие от «сборища мятежных сектантов» — так он презрительно называл армию. В ответ на это армия 2 декабря снова направилась на Лондон и заняла город без единого выстрела. Одновременно ее посланцы захватили короля и перевезли его в уединенный замок Херст Касл, усилив надзор за ним. Таким образом, был вторично сорван сговор короля с парламентом, представлявший реакцию пресвитерианам самым подходящим средством для того, чтобы придать своему господству видимость законности. Когда 5 декабря палата общин постановила, что сделанные королем уступки вполне достаточны для достижения с ним окончательного соглашения¹, армия снова возмутилась. 6 декабря отряд драгун под начальством полковника Прайда занял все подступы к Вестминстерскому дворцу. Полковник Прайд со списком в руках стал у дверей, проверяя по фамилиям входящих в зал членов нижней палаты. Всех более или менее известных пресвитериан тут же схватывали и заключали под стражу. Так была проведена знаменитая «Прайдова чистка» парламента. Чистка продолжалась и на следующий день. Всего из палаты было удалено более 140 ее членов. В результате «Прайдовой чистки» индепенденты получили твердое большинство. Кромвель странным образом прибыл в Лондон только вечером, т. е. к тому моменту, когда «грязная работа» была уже проделана. По своему обыкновению, он заявил, что «не был осведомлен об этом плане, но поскольку он уже осуществлен, то он рад и постарается поддержать его». Разумеется, трудно поверить в «непричастность» генерала к делу Прайда, но так или иначе дорога была расчищена. Со свойственной ему энергией и решительностью он взялся за организацию суда над королем. Офицерский совет в последний раз безуспешно пытался достигнуть соглашения с Карлом. Карл впервые за время плена был переведен на положение заключенного в Виндзор.

28 декабря палата приняла постановление о суде над королем. Политические страсти разгорелись с новой силой. Роялисты развили бешеную пропаганду в пользу короля. Появились десятки прорицателей, устранивших народ «гневом небес». От слов

¹ Уже упоминавшееся ранее соглашение о передаче парламенту контроля над милицией сроком на 20 лет и введение пресвитерианства на 3 года.

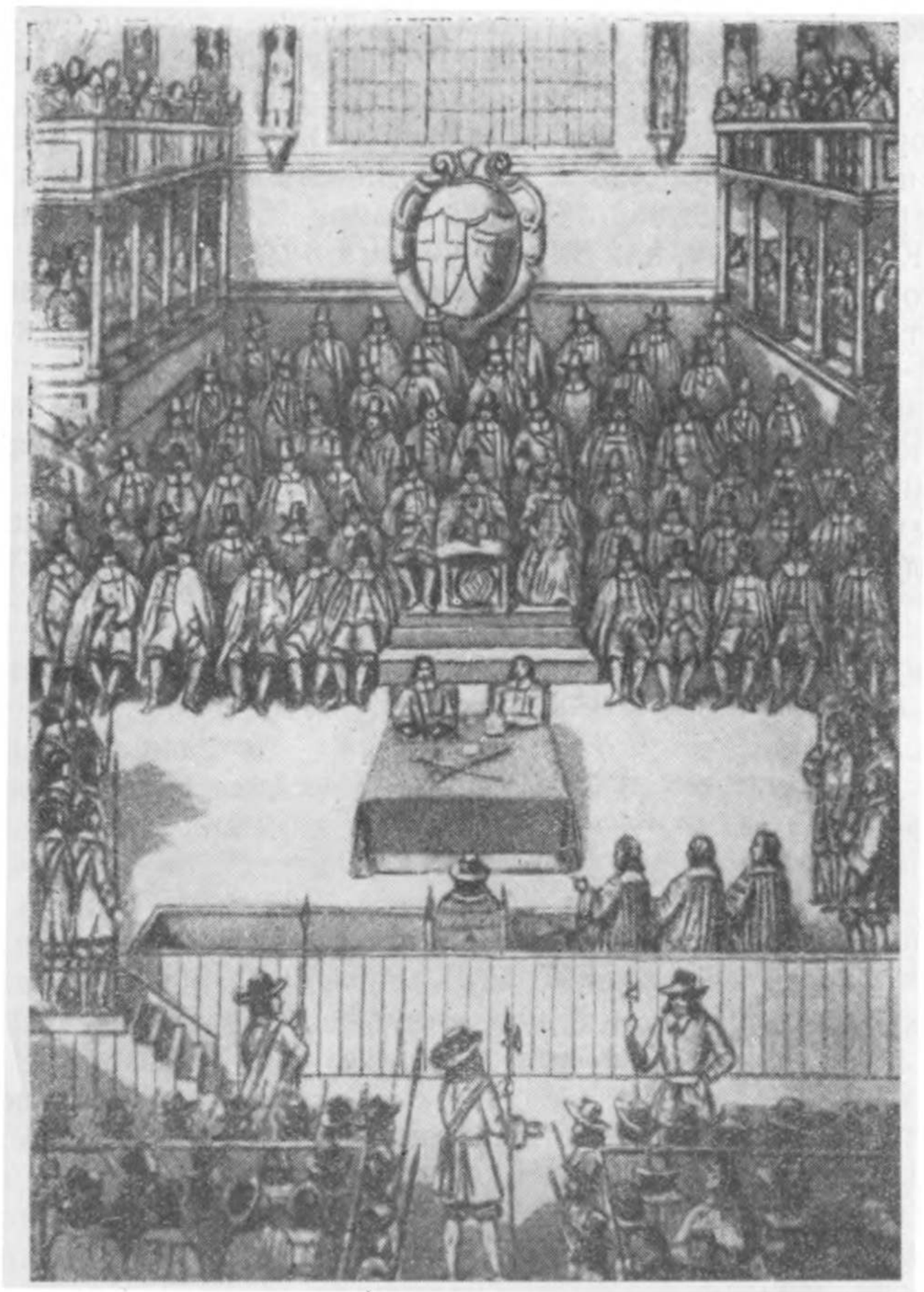
они переходили к делу: 29 декабря толпа роялистов растерзала полковника Рейнсборо, верного защитника народной свободы. Наконец, в защиту короля выступила палата лордов. Насчитывая к этому времени в своем составе только 16 пэров и нередко заседавшая в количестве 2—5 человек, она тем не менее вела себя вызывающим образом и единогласно отклонила постановление о суде над королем.

В эти критические дни армейские индипенденты нашли общий язык с левеллерами. Они снова нуждались в поддержке шедших за левеллерами масс. 10 декабря комиссия, состоявшая из представителей грандов и левеллеров, закончила выработку компромиссного проекта конституции — «Народного соглашения», включавшего все основные требования левеллеров. Но вместо того, чтобы передать его на обсуждение народа, как того требовал Лильберн, он был передан... в совет офицеров. Последний внес в компромиссный проект свои «поправки» и передал текст «Народного соглашения» на утверждение парламента. Однако парламент не торопился его рассматривать. Палату общин мучил в те дни вопрос: что сделать с лордами, как преодолеть их сопротивление? Оставался единственный выход — лишить их власти.

4 января 1649 г. палата совершает в высшей степени революционный акт: она объявляет себя носителем верховной власти в Англии.

Провозглашая народ источником «всякой справедливой власти» и считая, что они выражают его волю, общины признали себя в государстве «высшей властью, постановления которой имеют силу закона без согласия как короля, так и лордов». Англия фактически превратилась в республику. 6 января был сформирован состав суда, в который вошло 135 комиссаров. Среди его членов встречаются имена Кромвеля, Ферфакса и Айртона. Председателем суда назначили Брэдшоу. Однако многие из комиссаров были против суда; они не признавали парламент правомочным судить короля. Многие просто не решались участвовать в таком «неслыханном деле» — судить «помазанника божьего». В результате на первое заседание 20 января явилось только 53 члена суда. Когда назвали имя Ферфакса, присутствовавшая в зале жена его насмешливо воскликнула: «Он слишком умен, чтобы явиться сюда!» Ферфакс отсутствовал.

Карл, со своей стороны, решительно отказался признать законность трибунала, назначенного судить его. Король не снимал головного убора, не отвечал на вопросы, не слушал обвинения. «Вы, — бросает он в лицо судьям, — грубо нарушаете привилегии парламента, совсем устранив палату лордов, разогнав и терроризировав большую часть нижней палаты». Атмосфера накалилась до последнего предела. Членов суда запугивали, на них со всех сторон оказывали давление — французский посол и шот-

Суд над Карлом I Стюартом.

ландские комиссары, представители Голландии и богачи Сити. Вокруг приговора разгорелись страстные споры между самими членами суда. Если республиканец Ледлоу требовал смертной казни, ибо «от пролитой крови страну можно очистить только кровью того, кто ее пролил», то другие решительно возражали против смертного приговора. Но в составе суда был Кромвель — и он был непоколебим. В те дни он поистине проявил неустрашимость революционера. В речах своих он пытался раскрыть перед колеблющимися судьями исторический смысл казни короля. Останься король в живых — и дело пойдет по-прежнему, если не хуже. Благо народа требует его смерти. «Совершите короткое, но справедливое дело. Господь повелевает вам наказать

угнетателя Англии. Об этом во все будущие времена будут вспоминать все христиане с уважением и все тираны мира со страхом». Комиссарам, продолжавшим сопротивляться смертному приговору, Оливер заявил: «А я вам скажу, что мы отрубим ему голову и вместе с короной». Воля Оливера парализовала врагов и поддержала колеблющихся. 26 января 1649 г. суд вынес приговор: Карл Стюарт, как тиран, убийца и открытый враг английского государства, должен быть предан казни — «отсечению головы от туловища». Но приговор подписали только 59 комиссаров.

30 января 1649 г. при огромном стечении народа палач отрубил голову Карлу Стюарту. Это была великая победа народа — восставших крестьян и ремесленников, вдохновляющий пример для всех угнетенных по ту сторону Ламанша, устрашающий урок для всех коронованных тиранов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА XIV

Индепендентская республика

Револуция торжествовала победу. Главное препятствие на пути буржуазного развития страны — феодальная монархия была ниспровергнута.

Актом парламента от 17 марта 1649 г. королевская власть, как «ненужная, обременительная и опасная» для блага народа, была уничтожена. Через два дня ее судьбу разделила палата лордов.

19 мая в торжественной обстановке Англия была провозглашена республикой, которая, как гласило постановление, «отныне будет управляться высшей властью нации, представителями народа в парламенте. При этом не должно быть ни короля, ни палаты лордов».

«В первый год свободы, божьим благословением восстановленной», — значилось на новой государственной печати, скрепившей этот исторический акт.

Революция сделала огромный шаг вперед и почти достигла своей вершины, своего буржуазно-демократического этапа. Однако этим она, как и в годы гражданской войны, была обязана одной лишь революционной энергии и непоколебимой решимости народных масс. По мере продвижения революции вперед иссякало свободолюбие одной прослойки буржуазии за другой. Если пресвитериане еще были в состоянии начать гражданскую войну против короля, то они оказались абсолютно неспособными закрепить одержанную в ней победу, и движение масс смело их со сцены революции. На смену пресвитерианам пришли индепенденты — представители более радикальных слоев дворянства и буржуазии. У них хватило мужества не только судить, но и казнить короля. Однако на этот бесспорно революционный шаг они пошли отнюдь не добровольно.

«Подчас, — указывал И. В. Сталин, — когда революция развивалась по восходящей линии, буржуазные революционеры шли

на очень большой радикализм, лишь бы удержать за собой положение руководителей народа, чтобы сохранить его доверие к тем, чтобы все же иметь возможность не выпускать узды из своих рук».

Кромвель привел Карла Стюарта на плаху, так как без этого нельзя было закрепить завоевания буржуазии в революции. В этом его историческая заслуга как буржуазного революционера. Однако на «цареубийство» он решился только тогда, когда убедился в готовности масс сделать это помимо него и даже вопреки ему. Если секира должна быть пущена в ход, рассуждал он, то лучше ее удар направить собственной рукой, чем допустить, чтобы это сделала рука восставшего народа.

В глазах монархов и роялистов всего мира Кромвель был «инициатором цареубийства»; в глазах же левеллеров Кромвель был лишь цареубийцей по необходимости. Таким он и был в действительности.

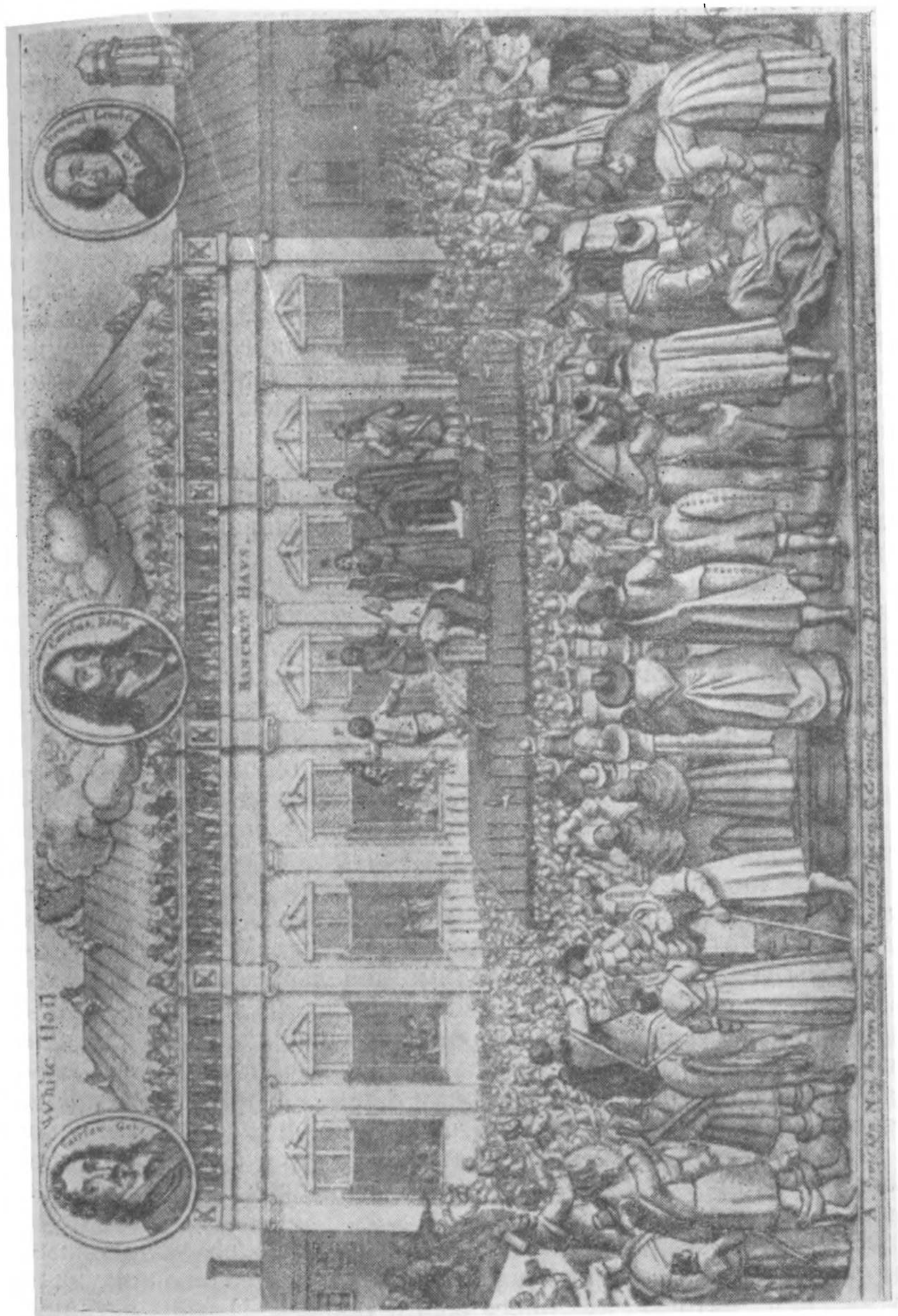
Но это был предел революционности Кромвеля и возглавлявшейся им партии индепендентов. На этот раз она воспользовалась народной победой и, присвоив себе ее плоды, стала партией «порядка» и «законности» — жандармом революции, преградившим ее дальнейшее продвижение по демократическому пути.

В самом деле, чем была республика 1649 г., если не прикрытой парламентским убором диктатурой сельских сквайров и городских буржуа — диктатурой грандов?

Вся законодательная власть в стране теперь принадлежала однопалатному парламенту в лице палаты общин, члены которой громко именовали себя «хранителями английской свободы». Но что это была за палата? Из сотни членов, которые оставались в ней после «Прайдовой чистки», заседания посещали не более 50—60 человек, в преобладающем большинстве своем гранды и их сторонники. Это было только «охвостье парламента», как справедливо прозвали его в народе. Исполнительная власть формально вручена была избранному на год парламентом государственному совету, но из 41 его членов 31 являлись одновременно и членами парламента. Если, наконец, иметь в виду, что государственным советом невообразимо руководила военная верхушка во главе с Кромвелем, то не станет ли очевидным, что именно эта верхушка и сосредоточила всю власть в своих руках.

Как далека была, однако, индепендентская республика от того, к чему стремились народные массы и их идеологи — левеллеры!

Экономическое положение трудящихся непрерывно ухудшалось. Продолжавшийся застой в торговле и промышленности окончательно разорил многие тысячи ремесленников и мелких торговцев. Безработица стала подлинным бичом английских городов. Недороды 1647—1648 гг. привели к тому, что для многих хлеб стал совершенно недоступным. Если за 20 лет до 1640 г.

Казнь короля Карла I Стюарта.

цена пшеницы редко превышала 45 шиллингов за квартал, то в 1645—1647 гг. он стоил уже 52 шиллинга, в 1647—1648 гг. — 62,5 шиллинга, а в 1648—1649 гг. — без малого 68 шиллингов. К голоду зимой прибавился и холод, так как топливо давно уже стало предметом роскоши для трудящихся. Многочисленные петиции, обращенные к государственному совету, выражали горькие жалобы на невозможность найти работу, на низкий уровень зарплаты. «Все вздорожало, — читаем мы в одной из них, — за исключением платы поденного рабочего: многие работают теперь менее чем за один пенс в день, приносивший прежде 6—8 пенсов».

Вся тяжесть содержания 40-тысячной армии, как и прежде, падала на плечи трудящихся. Если государственные расходы при Якове составляли 500 тыс. фунтов стерлингов в год, а при Карле 700—800 тыс., то теперь они достигли колоссальной по тем временам цифры в 2 млн. фунтов. Естественно, поэтому, что несмотря на окончание гражданской войны, никто и не думал отменять чрезвычайно обременительные для народа акцизные сборы. К ним теперь, напротив, прибавились новые налоги. Осталась незатронутой церковная десятина, вызывавшая всеобщий ропот в народе. Ожесточение масс нарастало с каждым днем.

«О члены парламента и солдаты! — читаем мы в одной петиции, — нужда не признает законов... матери скорей уничтожат вас, чем дадут погибнуть плоду их чрева, а голоду нипочем сабли и пушки... прислушайтесь к нашим дверям, как наши дети кричат: «хлеба, хлеба!»... мы зываем к вам: сжальтесь над поработанным и угнетенным народом!»

Но кому теперь было дело до страданий народа? О его «благоденствии» говорили лишь тогда, когда сыновья его были нужны для завоевания победы. Теперь же, когда они сделали свое дело, судьба народа не интересовала более господ!

Забыли индипенденты и об обещанных ими политических свободах. Провозглашая республику, они писали: «В республике правосудие... отправляется должным образом. Могущественные бессильны угнетать слабых, и бедные довольствуются необходимым достатком. Справедливая свобода совести, личности и имущества предоставлена всем людям». Теперь, захватив в свои руки власть, они оказались столь же враждебными к требованиям народа и относились к народу с тем же пренебрежением, с каким пресвитериане некогда относились к ним самим. Ни одно из этих обещаний не было выполнено. Старое, полуварварское общее право продолжало действовать без всяких изменений, как и прежняя система судов.

Религиозные секты, казавшиеся им чересчур революционными, преследовались; критиковавшие их власть сочинения уничтожались, а авторы их бросались в тюрьмы. Право петиций и право собраний попирались самым беззастенчивым образом. «Охвостье» парламента положило под сукно поданное еще в ян-

варе на его рассмотрение «Народное соглашение». Раздававшие со всех сторон требования роспуска существующего парламента и выборов нового народного представительства не получали в Вестминстере никакого отзвука.

Забываясь об укреплении господства буржуазных классов, индипенденты решили во что бы то ни стало остановить дальнейшее развитие революции, преградить ей путь, выбить оружие из рук народа, отныне ставшего для них только «лишенной разума, шумной голосащей толпой».

Однако народные массы, которым революция все еще ничего не принесла, не склонны были складывать оружие. Они прекрасно сознавали, что для них ничего не изменилось — переменялись только господа, живущие как и прежние, за счет их труда. «Что представляют собой ваши пышные шелка и бархаты и сияющие золотом и серебром галуны,— спрашивает индипендентов автор одного из памфлетов,— если не пот нашего лица и не голод наших желудков». Теперь левеллеры забили тревогу. Гранды их обманули. Вместо парламентарной республики они установили военную диктатуру, прикрытую видимостью парламента.

Правда, они не учитывали при этом, что их собственная мелкобуржуазная ограниченность и непоследовательность облегчили индипендентам совершить «великий обман».

Вместе с тем нельзя и недооценивать борьбу левеллеров за решительную демократизацию республики 1649 г.

В этой борьбе они, несомненно, являлись выразителями чаяний широких масс. «Новыми цепями Англии» назвал Лильберн власть индипендентов. В одноименном памфлете он писал: «Народ низведен до ничтожества, а между тем ему льстят, уверяя, что он — единственный источник всякой справедливой власти». «Вы ждете облегчения и свободы,— разъясняли левеллеры массам,— от тех, кто угнетает вас, ибо кто ваши угнетатели, если не знать и джентри, и кто угнетен, если не йомен, арендатор, ремесленник и рабочий? Теперь подумайте: не избрали ли вы поработителей в качестве своих избавителей?.. Их привилегии — ваше рабство, их власть — ваша чума, их право — ваша нищета, их воля — ваш закон...»

«...Восстаньте же как один человек для борьбы за свое освобождение против тех, кто обманул (ваше доверие) и ежедневно стремится поработить вас... Если вы не воспользуетесь сейчас возможностью, знайте с достоверностью, что вы куете для своей собственной шеи ярмо, которое разрушит жизнь, права и состояние как вас самих, так и потомков ваших». Разочарование и недовольство масс сказалось и в армии. Солдаты, как и гражданские левеллеры, требовали осуществления «Народного соглашения», восстановления армейского совета и избрания агитаторов. Эти требования были изложены в письме 8 солдат к генералу Ферфаксу и совету его офицеров. «Мы, английские солдаты,— писали они,— собравшиеся под (вашим) знаменем для защиты

свободы Англии, а не иностранные наемные войска, которые могут за плату избивать народ и служить пагубным честолюбивым стремлениям различных лиц». В этом исполненном достоинства заявлении открыто прозвучал весьма прозрачный намек на Кромвеля, которого уже в то время подозревали в стремлении возложить на себя королевскую корону.

Военный совет усмотрел в этом письме «подстрекательство к мятежу» — и его авторы предстали перед военным судом. Трех раскаявшихся помиловали, остальных предали надругательству: провезли перед строем верхом на лошади, лицом назад, сломали над головой каждого его саблю и затем изгнали из армии. Солдатам запрещали подавать петиции через голову своих офицеров, запрещали политические сходы. За неповиновение угрожали военно-полевым судом.

Однако учиненная грандами расправа не устранила, а, напротив, еще более ожесточила солдатскую массу. От имени уволенных 5 солдат был опубликован памфлет под любопытным заглавием «Охота на лисиц... пятью гончими»¹.

Кромвель — предатель и обманщик, коварная лиса, говорилось в памфлете. «Видано ли когда-нибудь, — спрашивали солдаты, — поколение людей более лживое, предательское и клятвопреступное, чем эти люди? (т. е. гранды)... Их молитвы, посты, проповеди, их вечные цитаты из священного писания, имя бога и Христа, не сходящее с их уст!.. Как только вы начнете говорить о чем-нибудь с Кромвелем, он приложит руки к груди, поднимет глаза (к небу) и призовет бога в свидетели того, что он полон скорби и раскаяния, готов плакать и стонать, в то же время посылая вас под удар ножа... В армии не должно быть теперь иных интересов, кроме интересов офицерства. Мы все принуждены склонить головы перед их лордством и поставить свою шею под их сапог... Теперь мы очень хорошо знаем, что означают эти интересы... Раньше палата общин ничего не могла провести без согласия лордов. Теперь она не осмеливается ничего решить без одобрения собрания офицеров. До этого нами правил король, лорды и общины, теперь — генерал (т. е. Кромвель), полевой суд и палата общин. Мы спрашиваем вас, что изменилось?.. Произошла лишь смена названий».

Защищая интересы буржуазной демократии, вожди левеллеров Лильберн, Уольерн, Уолвин, Овертон и Принс опубликовали против Кромвеля бичующий памфлет — это была вторая часть «Новых цепей Англии». Сочинение это показалось грандам столь опасным, что его авторы немедленно были арестованы и доставлены в государственный совет (28 марта 1649 г.). Оказавшись после допроса в соседней комнате, Лильберн услышал слова Кромвеля, сказанные им председателю совета Брэдшоу: «Я го-

¹ «Лисицами» автор называл Кромвеля и его грандов; в качестве «гончих» выступают 5 солдат.

ворю вам, сэр, у вас нет другого способа справиться с этими людьми, как только сокрушить их, иначе они сокрушат вас. Вся ответственность за пролитую кровь и растраченные богатства королевства падет на ваши головы и плечи. Они сделают тщетным и напрасным все то, что вы создали многолетним трудом, лишениями и страданиями, и добьются того, что в глазах разумных людей во всем мире вы предстанете ничтожным поколением слабых и малодушных людей, которых уничтожит и сломит презренное и низкое людское отродье, каковыми они являются. Поэтому я снова повторяю вам, сэр: вам необходимо их сокрушить».

Сколь угрожающей рисовалась теперь грандам опасность слева! Лильберн и его соратники были брошены в Тоуэр. Но в то же время грозовые тучи надвигались на индипендентскую республику и справа. С гибелью короля не погибли роялисты. Они избрали теперь своим знаменем имя его сына Карла, находившегося в Голландии — будущего Карла II. Уже 5 февраля его капеллан, обращаясь к нему, употребил титул — «ваше величество король Карл II». С ним наперебой заигрывали как ирландские католики, так и шотландские протестанты. И те и другие спешили объявить его королем. Роялисты интриговали против республики при всех европейских дворах. От их рук погибли ее послы в Гааге и Мадриде. Маркиз Ормонд открыто спланивал в Ирландии роялистскую армию, готовясь к вторжению в Англию.

Своей ненависти к республике не скрывало и лондонское Сити, полностью отказавшее ей в кредите. Более того, вплоть до 30 мая лорд-мэр сопротивлялся провозглашению в городе республики. Лишь заключив его в Тоуэр и разогнав значительную часть лондонских ольдерменов (старшин), членов городского совета, парламент обеспечил безопасность своим герольдам, и они смогли выполнить возложенную на них обязанность. Даже многие члены государственного совета отказались оправдать казнь короля. Индипенденты снова оказались изолированными, как это уже случилось в 1647 г. И снова на плечи их вождя Кромвеля легла трудная задача вывести свою партию из тупика. Однако на этот раз он решил ее совершенно по-иному. В этом новом решении старой задачи сказалась вся гибкость его ума, ясность классовых целей и неуклонное следование им сквозь все порожденные революцией сложные переплетения противоречивых интересов.

В 1647 г. революция была еще не завершенной даже для сквайров типа Кромвеля. Главным препятствием на ее пути в то время оказались контрреволюционные пресвитериане, поставившие под угрозу все ее завоевания. Кромвель избрал союз со сражающимся народом против пресвитериан — и они были сметены. Совершенно другим было сложившееся теперь положение. Для имущих классов революция закончилась: путь к неограниченной наживе был расчищен. Дальнейшее развитие революции

грозило им смертельной опасностью — народовластием. Эта опасность исходила от армии, от трудящихся слоев города и деревни, и перед ее лицом Кромвель избирает союз с Сити, интересы которого были в конечном счете родственны его собственным, — союз против народа и его армии. Для осуществления подобного союза необходимо было не только оградить капитал от угрозы снизу, развязать ему руки внутри страны, но и, воспользовавшись выкованным революцией мечом — армией, проложить ему дорогу за пределы Англии. Разве пренебрежение к интересам английского капитала во внешней политике не являлось одной из причин конфликта между Сити и Карлом I Стюартом? Теперь, когда была одержана победа, буржуазия требовала колониальных захватов, энергичной борьбы со старыми иноземными соперниками — Голландией и Испанией, она властно домогалась завоевания господства на море. «За внутренними смутами, — жаловались в ту пору дельцы, — мы упускаем самую прелестную деву — торговлю».

Такова была цена, которой можно было завоевать расположение Сити, и Кромвель решил ее платить. Направление первых внешних завоеваний подсказывали события в Ирландии. «Ирландская опасность» — таков был тот жупел, который мог привести к объединению самых различных прослоек имущего населения. Вспомнив, что купцы и джентльмены давно уже мечтали погреть руки на подавлении ирландского восстания, когда в начале революции одадживали парламенту сотни тысяч фунтов стерлингов под залог обреченных на конфискацию ирландских земель. Естественно, что не было предприятия более заманчивого, чем «поход в Ирландию».

«Если мы не постараемся, — говорил в те дни Кромвель, — отстоять там (т. е. в Ирландии) наши интересы, то они не только будут вырваны с корнем, но и, кроме того, ирландцы в самом скором времени смогут высадить войска в Англии. Признаюсь, я предпочел бы быть побежденным кавалерами, чем шотландцами, и предпочел бы быть разбитым шотландцами, чем ирландцами. Их торжество будет самым большим несчастьем для страны, так как варварство ирландцев известно всему миру. Эта последняя опасность, по моему мнению, самая грозная из всех». Высокомерное пренебрежение к шотландцам и в особенности к ирландцам, человеконенавистнический национализм — таковы были первые плоды победы буржуазии.

Мрачное красноречие Кромвеля пало на благодатную почву: парламент еще в феврале 1649 г. постановил отправить в Ирландию 10-тысячную армию, командующим которой намечался Кромвель. Но как вести в чужие края мятежных солдат? Что произойдет в Англии после ухода наиболее боеспособных частей? Ответ был один: прежде чем начать внешнюю войну, нужно закончить войну внутреннюю, т. е. подавить нарастающую народную революцию.

События не заставили себя ждать. Арест Лильберна и его товарищей вызвал бурю негодования в народных низах Лондона. Уже через два дня 30 тыс. подписей стояло под петицией об их освобождении, поданной в парламент. К ней присоединили свой голос женщины Лондона. 23 апреля несколько тысяч женщин сопровождали в Вестминстер депутацию с требованием освободить заключенных на поруки. Их встретили драгуны, пустившие в ход приклады; но депутации женщин все же удалось прорваться в палату. Вышедший им навстречу коммонер насмешливо советовал им «вернуться лучше домой стирать белье. Неслыханное дело, чтобы женщины подавали петиции».

«Сэр,— ответила одна из них,— то, что является необычным, не является еще поэтому незаконным. Столь же неслыханным было, когда вы отсекали королю голову, тем не менее, я полагаю, вы оправдываете это». Появившемуся на пороге Кромвелю женщины угрожали расправой, если он допустит насилие над вожжами левеллеров.

Против левеллеров пускали в ход клевету, чтобы восстановить против них мелких собственников, фанатичных пуритан, среди которых авторитет Лильберна был огромным. Их уверяли в том, что левеллеры — безбожники, что они не верят в бессмертие души, что богом их является «разум», а библию они называют вымыслом. Им внушали, что левеллеры желают ввести общность имущества. «Они хотят,— читаем мы в направленном против них памфлете,— чтобы никто не мог назвать какую бы то ни было вещь своей; по их словам, власть человека над землею — тирания, по их мнению, частная собственность — дело рук дьявола... Они восстанавливают батрака против хозяина, держателя против землевладельца, покупателя против продавца, должника против займодавца, бедняка против богатого».

Вожжи левеллеров нашли нужным из тюрьмы ответить на эти обвинения специальным манифестом. «Мы объявляем,— писали они,— что у нас никогда и в мыслях не было уравнивать состояние людей; наивысшим стремлением нашим является такое положение республики, когда каждый с наибольшей обеспеченностью пользуется своей собственностью...» В «Народное соглашение», опубликованное 1 мая и разосланное по графствам, был внесен специальный пункт, запрещающий парламенту отменять частную собственность.

Но война левеллеров с индепендентами ведется теперь уже не только памфлетами и речами,— она становится кровопролитной. Вся опасность для господствующих классов заключалась в том, что левеллерская программа находила горячую поддержку в армии: части Лильберна, Гаррисона и других были ей особенно преданы.

Полки, отобранные по жребию для отправки в Ирландию, отказываются покидать Лондон, пока их требования не будут удовлетворены. Военный совет спешит поскорее выслать их из

столицы. 25 апреля при подобной попытке восстал драгунский полк Уолли. Но неорганизованность восставших и отсутствие единства дали возможность Кромвелю быстро восстановить порядок. 15 зачинщиков предстали перед судом. Одного из них — 23-летнего солдата Локьера, прослужившего 7 лет в парламентской армии, храбреца и всеобщего любимца полка — тут же расстреляли. «Пусть моя смерть не пугает,— сказал он присутствовавшим при казни солдатам,— пусть она, напротив, ободрит вас, ибо никогда еще ни один человек не умирал так спокойно, как я».

Лильберн в письме, посланном из тюрьмы на имя Ферфакса, назвал расстрел Локьера «убийством и государственной изменой».

Похороны Локьера — «мученика свободы», состоявшиеся в Лондоне 29 апреля, превратились в политическую демонстрацию сторонников левеллеров. Тысячи тружеников столицы, участники траурной процессии, носили эмблему левеллеров — светло-зеленые ленты.

«Около тысячи человек шли перед гробом по пять-шесть человек в ряд. Тело несли под звуки шести труб, исполнявших солдатский похоронный марш; позади вели лошадь покойного, всю покрытую черной материей. Гроб был украшен гирляндами из розмарина, наполовину окрашенного в алый цвет крови. Сверху лежал меч покойного. Несколько тысяч человек следовали за гробом, соблюдая строй. У всех на шляпах были зеленые и черные ленты. Шествие замыкали женщины».

Но это было лишь началом. Брожение в армии ширилось с каждым днем. Немаловажную роль играло при этом бедственное положение солдат. Рядовой пехотинец получал в 30 раз меньше жалованья, чем генерал, и во много раз меньше, чем офицеры. Однако и эту свою мизерную плату он не видел долгие месяцы. В октябре 1648 г. задолженность армии достигала 314 тыс. фунтов стерлингов. С тех пор положение ухудшилось еще более. Перспектива быть отправленными в Ирландию в момент, когда все, за что сражались солдаты, оказалось сплошным обманом, была последней каплей, переполнившей чашу.

9 мая, когда Кромвель производил смотр войскам в Гайд-парке, солдаты снова явились с эмблемами левеллеров. Положение было чрезвычайно опасным: достаточно было незначительного повода, чтобы вспыхнул мятеж. Кромвель от угроз переходит к обещаниям; он говорит, что скоро будет распущен Долгий парламент и состоятся новые выборы, что впредь будут аккуратно выплачивать солдатское жалованье. Казалось, что обещания возымели действие, и волнение улеглось.

Но пламя восстания, потушенное в Лондоне, перебросилось в полки, расположенные в провинции. В Бэнбери (вблизи Оксфорда) восстали 200 драгун под руководством капитана Томп-

сона. В выпущенном им манифесте указывалось, что целью восставших является государственное устройство, начертанное в «Народном соглашении». На следующий день были получены еще более грозные известия. В Сольсбери восстал полк Скруппа и его возглавил знаменщик Томпсон. Мятеж охватил и значительную часть полков Айртона, Скиппона, Гаррисона. Все они решили не покидать Англию до тех пор, пока не будет осуществлено «Народное соглашение».

Однако и на этот раз разрозненность сил и отсутствие единого руководства облегчили дело Кромвеля. Выступив спешно из Лондона во главе 4 тыс. верных ему кавалеристов, Кромвель настиг восставших под Берфордом в момент, когда они, устав от дневного перехода, расположились на отдых. Стычка была короткой, но ожесточенной. Левеллеры были разбиты. 400 человек сдались в плен, остальные, побросав оружие, разбежались. Дольше всех продержался с горстью людей капитан Томпсон. Оказавшись перед лицом преследователей, он предпочел погибнуть, но не сдаться.

Знаменщик Томпсон и два капрала были расстреляны по приговору военного суда. «Он не выказал ни малейшего сожаления о своем поведении, — пишет о смерти Томпсона очевидец. — Сняв свою куртку, он остановился довольно далеко от стены, пригласив солдат выполнить свою обязанность, и спокойно смотрел на них, пока они дали залп».

Столь же беспощадно были подавлены левеллерские волнения в Ланкашире, Дербишире, Семерсетшире и несколько позднее — в гарнизоне Оксфорда.

Вся собственническая Англия вздохнула с облегчением — опасность миновала. Парламент объявил Кромвелю «публичную благодарность за «услугу нации». Оксфордский университет поспешил избрать его своим почетным членом. Но, пожалуй, наиболее знаменательным было поведение Сити. Вчера еще ненавидевшие «цареубийцу» Кромвеля денежные тузы сегодня были так растроганы его поведением, что не поскупились на организацию в честь «победителей» — Кромвеля и Ферфакса — роскошного банкета, на котором им преподнесли драгоценные подарки — золотую и серебряную чаши. Так, кровью восставших солдат был скреплен союз Сити и грандов. Перед лицом народной революции они оказались сплоченными.

Левеллеры потерпели поражение из-за мелкобуржуазной ограниченности их программы и главным образом из-за игнорирования ими интересов и чаяний основной части английского крестьянства — бедных копигольдеров и коттеров. Враждебность программы левеллеров индипендентам в 1649 г. сильно преувеличивалась. Спор между левеллерами и индипендентами шел в конечном итоге из-за степени демократизма в рамках буржуазных преобразований страны. Более того, не только программа индипендентов, но и программа левеллеров исходила из торжест-

ва системы лендлордизма как совершившегося факта. Именно этим объясняется тот факт, что левеллеры были изолированы от широких масс крестьянства и были разгромлены.

Но именно тогда, когда новые хозяева Англии считали, что с уравнилелями покончено, левеллерское движение сделало значительный шаг вперед. До сих пор мы слышали о требованиях купцов, ремесленников, мелких лавочников, мелких хозяйчиков, которые, ненавидя толстосумов, все же дрожали за целостность своего надела, своей лавочки и мастерской. Это от их имени выступал Лильберн и его последователи. Теперь же впервые в истории революции раздался голос наиболее обездоленных слоев народа, — людей, лишенных собственных средств к существованию, живших главным образом продажей своего труда — коттеров, безземельных батраков, поденщиков.

Требования Лильберна — уравнивать людей в гражданских правах безотносительно к размеру собственности — явным образом не могли уже принести никакого облегчения людям, лишенным какой бы то ни было собственности. Действительное освобождение этих слоев уже не могло совершиться в рамках буржуазного общества, основанного на частной собственности. Эта часть общества «...не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан...»¹, как это делал Лильберн.

Вот почему в момент наивысшего подъема английской революции возникло самостоятельное движение предшественников современного пролетариата.

В их устах «требования равенства уже не ограничивались областью политических прав», а, распространяясь на имущественное положение людей, превращались в требование имущественного равенства, которое может быть достигнуто только при отмене частной собственности. Теперь мы поймем, почему идеологи этого класса в отличие от последователей Лильберна называли себя истинными левеллерами (т. е. подлинными уравнилелями).

Самым выдающимся среди них был Джерард Уинстенли. Родом из Ланкашира, он некоторое время жил в Лондоне, где испытал все превратности судьбы мелкого торговца. Разорившись вследствие вызванного войной хозяйственного кризиса, он был вынужден принять приглашение одного из друзей поселиться в деревне, где ему пришлось добывать пропитание то в качестве мелкого арендатора, то в роли поденщика, познав при этом всю горечь нищеты. И, наблюдая близко деревенскую жизнь, он мог воочию убедиться, как жестоко посмеялась буржуазная революция над массой малоземельных и безземельных крестьян. В то время как конфискованные земли роялистов, короны и церкви, пущенные республикой в продажу за бесценнок, оказались

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 363.

в руках ловких парламентариев и дельцов Сити, крестьянское землевладение не только не увеличивалось, а, наоборот, таяло на глазах. Достаточно вспомнить, как щедро парламент раздавал имения армейской верхушке: Эссексу выделили земли с доходом в 10 тыс. фунтов стерлингов в год, Ферфаксу — в 5 тыс., Кромвелю — в 2500 и вторично — в 4,5 тыс. фунтов, Скиппону — в 1000 фунтов. Офицеры за бесценнок (платя 4—5 шиллингов за фунт) тысячами скупали у нуждавшихся солдат выданные им государственные «долговые обязательства», дававшие права на земельные наделы из фонда конфискованных у роялистов земель. Ярким примером такого спекулянта может служить в прошлом левеллер майор Уайльдман, скупивший в течение нескольких лет более 50 различных владений, расположенных в 20 графствах страны. Земельные спекуляции в 50-х годах XVII в. затмили все, что видела в этом отношении дореволюционная Англия.

Индепендентская республика не только не позаботилась о том, чтобы в руки крестьян попала хотя бы часть конфискованных земель (продавая их мелкими участками и в рассрочку), но вместо этого развязала руки лендлордам по отношению к массе держателей. Тюдоровское законодательство, направленное против огораживаний, было полностью отброшено, и захваты лордами общинных земель теперь развернулись с новой силой.

В одном из вышедших в ту пору памфлетов автор пишет: «Главное зло, которое я хочу описать и которое все еще не устранено... это огораживания,— зло, которое, несомненно, является страшным и кровавым грехом наших дней». «Огораживания распространились,— продолжает он,— именно теперь, в правление парламента, от которого мы надеялись получить облегчение от давящего нас гнета». Другой автор называл происходившие в ту пору огораживания и сгон людей с земли «злокачественной опухолью» государства. Сочувствовавший бедным Джон Мур писал, что жадность лордов стала столь ненасытной, «как будто их единственной целью является уморить бедных голодом».

В защиту этих слов народа, обезземеленных, обманутых и разоряемых представителями победившего класса, и выступил Джерард Уинстенли.

Если соратник Лильберна Уолвин уже сознавал: «Как это несправедливо, что у одного есть тысячи, а у другого нет и куска хлеба... что один имеет избытки в благах мира сего и живет в роскоши, а другой, гораздо более нужный и полезный обществу, не имеет даже и двух пенсов», то Уинстенли, стоявший на голову выше других левеллеров и глубже их понимавший общественное зло своего времени, первый отчетливо указал на его причину и на способы его устранения. Источник всего зла, разъяснял он в своих памфлетах, заключается в присвоении немногими нечестивыми людьми в свою исключительную собственность земных благ, которые созданы для всех людей.

«Я утверждаю,— писал он (и вызываю вас опровергнуть это); что земля была сотворена для того, чтобы быть общим достоянием всех живущих на ней, но если это так, то никто не должен быть лордом... над другим, земля создана для того, чтобы все сыны и дочери рода человеческого свободно жили на ней». Однако «все свободы народа были им утрачены после прихода Вильгельма-завоевателя»; захватив землю силой меча, он наделил ею своих сподвижников, от них и произошли все английские лорды. Теперь, когда королевская власть,— нормандское ярмо, уничтожено, должна быть уничтожена и власть над землей потомков завоевателей — лендлордов. Но, освободив себя с помощью народной крови и денег от королевского гнета, фригольдеры и джентльмены оставили по-прежнему народ в рабстве, заставляя его по-прежнему платить лордам ренты и поборы за пользование землей. Однако Уинстенли был выразителем не только примитивно-коммунистических устремлений сельского плебса, оформившихся наиболее отчетливо с началом буржуазно-демократического этапа революции. В памфлетах Уинстенли рельефно выступает и вторая сторона его идеологии — программа радикальной чистки страны от лендлордизма путем отмены копигольда и превращение его держателей в свободных от феодальной зависимости и повинностей земледельцев. Открыть свободный доступ к земле всем, желающим ее обрабатывать,— таково основное требование диггеров.

В. И. Ленин подчеркивал, что победоносное развитие буржуазной революции предполагает прежде всего основные экономические преобразования, сметающие действительно все и всякие остатки феодализма и средневековья.

Не очевидно ли, что таким преобразованием в Англии 1649 г. должна была явиться отмена копигольда и превращение всей земли в «общую сокровищницу народа». За это преобразование и выступили диггеры. В этом и заключается их огромная роль в истории революции 40-х годов.

— «Разве вы не обещали свободу всей нации,— спрашивал Уинстенли, обращаясь к сквайрам,— после того как будет изгнана партия «кавалеров»? Почему же теперь вы ищите свободу лишь для себя... отрицая такое же право за простым народом, понесшим самые большие потери?». В своем «Обращении к англичанам» (1650 г.) Уинстенли доказывал, что с уничтожением в Англии королевской власти прежнее право потеряло силу. Власть лендлордов — королевского происхождения, поэтому она стала недействительной после уничтожения монархии. «Держатели-копигольдеры,— утверждал он,— освобождены от подчинения лордам маноров». Последние не могут заставить копигольдеров являться в суд манора, платить файны, ренты, герiotы и приносить клятву верности. «Теперь вы пришли к такому положению, когда вы (т. е. копигольдеры) можете освободиться, если вы встанете за свою свободу,

Парламент вам объявил свободу, и все законы республики вас защищают, так что, кроме мужества и верности законам, вы имеете все для того, чтобы взять в свое владение ваши земли».

Но диггеры шли дальше, они боролись не за утверждение свободной частной собственности на землю, а за ее отмену, за освобождение земли от пут «моего» и «твоего». В этом они усматривали основу истинного уравниательства. «Пусть как земля была первоначально сотворена... такой и остается для всех людей — общей сокровищницей, никем нигде не огороженной и не закрытой и пусть никто не скажет «это мое»... Пусть каждый наслаждается плодами рук своих и ест свой хлеб, добытый в поте лица». В этих призывах было, конечно, немало от крестьянской психологии «общего уравниения» путем передела благ и поэтому идеологию диггеров можно признать лишь примитивно коммунистической. В своем главном сочинении «Истинный закон свободы», изданном в 1652 г., Уинстенли рисует в форме утопии такое устройство общества, в котором уничтожена частная собственность и эксплуатация человека человеком.

«Люди должны стремиться, — писал Уинстенли, — изгнать из мира эту проклятую вещь, называемую частной собственностью». Земля не может ни продаваться, ни покупаться, ибо она является общей собственностью народа. Все должны питаться трудом рук своих. Работая на общей земле, люди пользуются вместе и плодами ее. «Работайте вместе и вместе ешьте хлеб», — призывал Уинстенли, — тогда на земле не будет ни бедных, ни богатых, ни лордов, ни держателей, исчезнут войны, притеснения и несправедливость, порожденные частной собственностью. Идеальный общественный строй диггеров был основан на мелком хозяйстве крестьян и ремесленников, осуществляющих прямой продуктообмен через общественные магазины.

«И когда, — писал он, — люди будут обеспечены пищей и одеждой, их разум созреет и сможет погрузиться в тайны мироздания. Ибо страх перед нуждой и забота об уплате взноса скупщикам мешали осуществлению многих редких изобретений... тогда многие тайны... в природе, которые сейчас люди скрывают, чтобы иметь, чем жить, станут общим достоянием». Исчезнут алчность, жадность, зависть, и настанет «всеобщая любовь».

Однако для создания этого нового общества Уинстенли призывал не к вооруженной борьбе угнетенных против угнетателей, а к воздействию убеждением. «Мы одолеем любовью и терпением!»

Уинстенли, конечно, глубоко ошибался, и не удивительно: он не знал законов общественного развития, открытых гораздо позднее основоположниками марксизма, не знал, что угнетенные не могут освободить себя без насильственной революции. К тому же и рисовавшееся ему коммунистическое общество было, как

уже отмечалось, только примитивно-уравнилельным, ибо в его утопических построениях речь шла лишь об одинаковом удовлетворении людьми их потребностей (притом — потребностей минимальных) в пище и одежде. В отличие от идеалов «примитивных коммунистов» времен английской революции коммунизм, строящийся в нашей стране на базе невиданного развития производительных сил общества, достигнет такого изобилия материальных благ, которое обеспечит максимальное удовлетворение всех материальных и духовных запросов людей.

Однако историческое значение Уинстенли заключается в том, что в ходе революции, несмотря на незрелые общественные условия своего времени, он смело выразил надежды и чаяния масс, составлявших крайнее левое крыло революции 40-х годов. Уинстенли не только мечтал о новом обществе; он призывал бедняков осуществить немедленную попытку создания такого общества. Он предлагал воспользоваться для этой цели оставшейся неогороженной землей — пустошами. Вместо того чтобы наниматься к джентльмену и богатым фригольдерам или просить милостыню, пусть лучше бедняки вскапывают пустоши и питаются плодами их. Если лорды и фригольдеры владеют огороженными землями, то бедняки имеют право на пустоши. «Истинные левеллеры» нашли последователей.

В апреле 1649 г. государственному совету донесли, что в местечке Кобхем (в графстве Серри, в 30 милях от Лондона) группа в 30—40 человек, вооруженных лопатами, приступила к обработке пустоши на холме Св. Георгия. Их называли «диггерами» (копателями). Диггеры призывали всех желающих присоединиться к ним, обещая еду, питье и одежду. Скоро, говорили они, их будет 4 тысячи.

Государственный совет немедленно приказал Ферфаксу направить в Кобхем отряд кавалерии и разогнать диггеров. Прибыв на место, командир отряда не усмотрел никакой опасности, тем более что копатели заявили, что «они не будут защищаться с помощью оружия». Удивившись, по каким пустякам беспокоят государственный совет, командир отряда обязал руководителей диггеров — уже знакомого нам Уинстенли и бывшего солдата армии агитатора Эверарда, явиться для объяснения в Лондон к Ферфаксу, что они тотчас же сделали.

Заявив Ферфаксу о праве бедняков на общинные земли, диггеры заверили, что они «не намерены вторгаться в чью-либо собственность или сносить изгороди и хотят воспользоваться лишь тем, что осталось еще неразделенным». Уинстенли и Эверард стояли перед генералом в шляпах, и когда их спросили о причинах такого поведения, они ответили, что он (т. е. Ферфакс) такой же человек, как и они.

Хотя государственный совет оставил диггеров на время в покое, местные лорды и фригольдеры преследовали их самым жестоким образом. Построенные ими хижины разрушались, инвен-

тарь ломался, посев вытаптывался; копателей до полусмерти избивали, заключали в тюрьмы, штрафовали. Однако они каждый раз снова принимались за работу, твердо решив осуществить свое право¹. Их пример вызвал подражания.

Движение перебросилось в другие места. 300 человек в Уэллингборо (в графстве Норсемптон), где имелось более тысячи бедняков, приступили к вскапыванию городской пустоши; диггеры появились также и на пустоши в графстве Кент. Против них во всеоружии закона ополчилась индипендентская республика с ее мировыми судьями, шерифами, милицией. Везде их разгоняли, арестовывали, жестоко избивали, ибо в этих мирных тружениках, отказывавшихся от применения силы даже в случае нападения на них, сквайры (назвавшие диггеров «величайшей чумой государства») видели самых опасных врагов буржуазной собственности. Сквайр Кромвель горой встал на ее защиту. Вся его ненависть к уравнителям, пренебрежение к толпе и кастовое высокомерие джентльмена проявились именно в эти дни.

«Дворяне, джентльмены, йомены,— говорил Кромвель в одной из своих речей первой половины 50-х годов,— между ними существует различие; это очень важно для нации. Она в этом чрезвычайно заинтересована. Но разве это естественное состояние нации не было растоптано ногами, предано презрению людьми, исповедующими уравнительные принципы? Разве целью их не было сделать держателя столь свободным, каким является лорд?»

«Если уж государство обречено на гибель, то пусть роковой удар будет нанесен ему людьми, а не существами, более похожими на животных. Уж если оно (государство) обречено на страдания, лучше для него страдать от руки богатых, нежели бедных».

¹ Сохранился любопытный гимн
Благородные диггеры, все вставайте
теперь, вставайте!

Чтобы пустые поля удержать,
Так как может любой увидеть,
Как кавалеры (в данном случае —
дворяне) бесчестят весь люд,

Как они презирают ваш труд.
Вставайте теперь, вставайте!

Ваши хижины сносят они, вставайте!

Ваши хижины сносят они,
Страхом гонят вас в город они,

Вставайте, теперь вставайте!

Но джентри наступит конец,

Бедняк получит венец!

Джентри все захватили вокруг.

Вставайте теперь, вставайте!

диггеров:

Им хитрость любая подстать.

Чтоб землю у вас отнять.

Вставайте теперь, вставайте!

Законник — джентри друг. Вставайте!

В злобе все он готов измышлять,

Вас советуют в тюрьмы бросать.

Вставайте теперь, вставайте!

Священник за них во всем.

Вставайте теперь, вставайте!

Священник за них во всем,

И он называет грехом,

Когда мы хотим начать

Свободу себе добывать.

Вставайте теперь, вставайте!

Грубые и надменные слова Кромвеля доказывали, что под личиною полководца революции, друга простых солдат Кромвель лицемерно скрывал свою затаенную ненависть к народу, презрение к скромным труженикам, руками которых он добывал победу.

Движение диггеров было высшим пунктом народной революции в Англии. Его поражение было неминуемым хотя бы в силу его мирного характера. Английское крестьянство уже было слишком дифференцировано. «...Товарное производство,— подчеркивал В. И. Ленин,— не централизует крестьянство, а разлагает и разъединяет его»¹. К этому времени прошло уже почти 150 лет с начала аграрного переворота в Англии. Естественно, что крестьянско-плебейская аграрная программа диггеров не могла уже объединить противоречивые и временами противоположные интересы отдельных прослоек йоменри. Крестьянская верхушка рьяно поддерживала буржуазно-дворянский путь решения аграрного вопроса, переходя к капиталистическому фермерству и эксплуатируя труд батраков. Противоречивыми были интересы и средних слоев фригольдеров и копигольдеров. Эти слои также не могли поддержать требования национализации земли, хотя и сочувствовали временами плебсу. Однако все имущие слои резкой гранью отделялись от интересов малоземельных и безземельных крестьян.

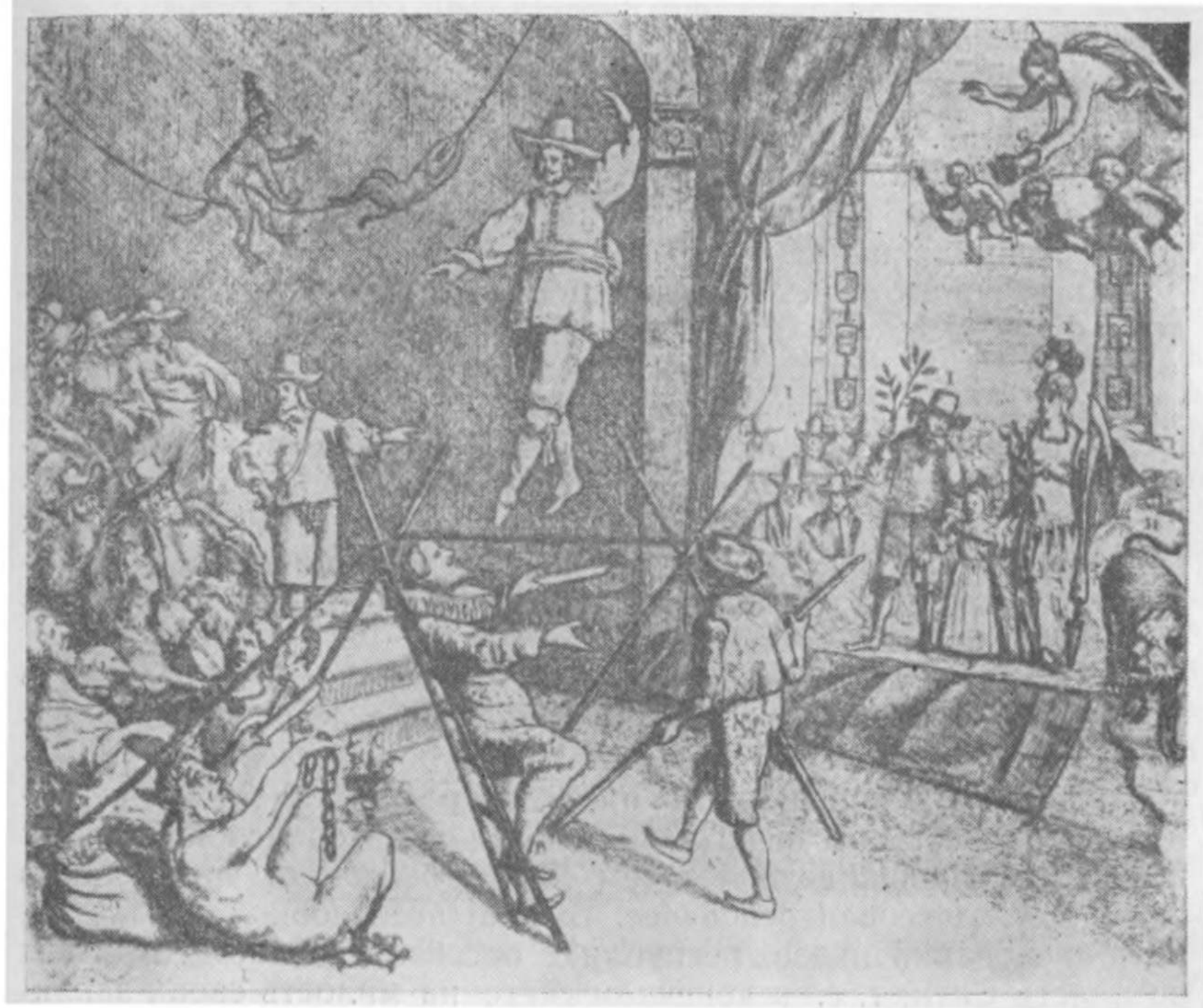
Первые защищали принцип «священной частной собственности», последние же — принцип общности имущества и «уравнения состояний». Этот раскол внутри крестьянства при отсутствии руководства им со стороны городских низов, которые были еще слишком незрелыми, для роли вождя антифеодальной революции, осудил движение диггеров на неудачу. «Опыт всех революций, которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждает, что революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья»². Однако идеи диггеров с тех пор стали достоянием угнетенных людей Англии, ведущих борьбу за свое освобождение; они стали вечным кошмаром для их угнетателей.

Разнородность целей и отсутствие единства как нельзя лучше объясняет и неудачу солдатских восстаний, поднявших знамя левеллеров.

Очень пестрой и неоднородной по своему социальному составу была к тому времени армия парламента. Шедшие за левеллерами солдаты включали лавочника и ремесленника, йомена и грузчика, клерка и деревенского батрака. Естественно, что в решающий момент интересы всех этих людей оказывались слишком различными, для того чтобы обеспечить единство действий. Во-вторых, будучи прежде всего выразителями интересов

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 316.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 153.

„Кромвель-эквилибрист“. (Карикатура.)

солдат, восставших в мае 1649 г., армейские левеллеры мало заботились о нуждах широких масс. В частности, крестьянские интересы были очень слабо отражены в программе восставших и надо думать, что сами вожди движения плохо уяснили себе их значение. Не по этой ли причине восстание солдат не вызвало широкого отклика в графствах, где были расположены восставшие гарнизоны.

И наконец, движение было плохо организовано: у солдат не было единого и твердого руководства. Лильберн и его соратники находились в тюрьме, наиболее революционные элементы были уже давно удалены из армии, возглавлявшие восстание младшие чины, плохо представлявшие задачи предстоящей борьбы, конечно, не были в состоянии состязаться с Кромвелем. Кромвелю удалось рассеять в Берфорде восставших левеллеров, но течение общественной мысли, которым порождено было восстание, сделалось мукой всей его жизни.

Политическая слабость левеллеров была только отражением слабости демократического крыла революции. Их историческая роль была без преувеличения огромной. Это их борьба, пользо-

вавшаяся широкой поддержкой масс, и прежде всего лондонской улицы, толкала индипендентских вождей революции вперед. Левеллеры преодолевали их неоднократные попытки «пятиться назад», «воспитывали» их в ходе солдатских и народных выступлений в поддержку «Народного соглашения» и содействовали доведению революции до конечной победы — до установления республики 1649 г.

Таким образом, нет ни малейшего сомнения в том, что левеллеры были, несмотря на всю их ограниченность и слабость, решающей революционной силой как в армии, так и вне ее — на третьем, буржуазно-демократическом, этапе революции.

Велик вклад левеллеров в политическую идеологию революции. Их учение о «народном суверенитете» и «общественном договоре» заняло видное место в истории политической мысли, как предвосхищение основных политических принципов как французской революции XVIII в., так и северо-американской войны за независимость.

Кровавая расправа с левеллерским движением окончательно оттолкнула от Кромвеля широкие народные массы, революционному рвению которых республика была обязана своим существованием. Республика 1649 г. предала крестьянство и оно отвернулось от нее; она ничего не сделала для городской бедноты и она ее возненавидела. Но тем самым оказалась чрезвычайно суженной классовая основа ее. Будучи неспособной удовлетворить требования низов, республике оставалось одно — отдаться во власть Сити, т. е. в конечном счете на милость своих заклятых врагов.

ГЛАВА XV

Перерождение армии — покорение Ирландии и Шотландии

Военный разгром левеллеров развязал Кромвелю руки и заметно увеличил щедрость Сити по отношению к республике. Теперь можно было вплотную заняться ирландскими делами. Подготовка экспедиции велась спешно, но основательно. Предстояла война, в которой приходилось рассчитывать не столько на воодушевление солдат, сколько на их материальную заинтересованность — война в чужой и враждебной стране. Впрочем, индипенденты пытались поднять энтузиазм солдат, изображая захватническую войну как продолжение борьбы с «роялистской опасностью», но эти уверения не отличались убедительностью.

Хотя монархическая Европа, и считала, что «было бы справедливо объединиться для примерного наказания английского

парламента», однако практически она не была способна на подобное единение. Франция и Испания находились в состоянии войны, и каждая из них втайне искала поддержки «цареубийцы» Кромвеля против другой. К тому же Франция переживала тяжелые времена внутренней убоицы — «фронды», сковывавшей по рукам и ногам ее могущественного правителя кардинала Мазарини. Германские государства были надолго обескровлены только что закончившейся Тридцатилетней войной. Одним словом, Карлу II, взывавшему о помощи, при всех дворах выражали сочувствие, но этим дело и ограничивалось. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как ценой всевозможных обещаний и уступок искать поддержки католиков — ирландцев.

Маркизу Ормонду, вице-королю Ирландии, удалось на время объединить под знаменем Карла II самые разнородные элементы «Зеленого острова»: английских лордов во главе с графом Инчикуином и англо-шотландских пресвитериан Ольстера, английских католиков и ирландцев-конфедератов, возглавляемых О'Нейлом. К лету 1649 г. Ирландия оказалась главным плацдармом роялистских мятежников. Тем не менее активность последних была лишь одной из причин ирландского похода Кромвеля и притом далеко не основной. Сокровенной целью его был захват ирландской территории, сопровождаемый полным вытеснением туземного населения, иными словами, — английская колонизация «Зеленого острова».

Таким образом, гражданская война с перенесением ее на поля Ирландии превращалась в войну захватническую, войну колониальную. «Железнобоким», выковывавшимся в борьбе за народную свободу, теперь прививалось пренебрежение и расовая вражда к ирландскому народу. Их призывали к искоренению «варварских и кровожадных ирландцев», если только они желают обеспечить свое благополучие после войны. Они шли в Ирландию, влекомые надеждой обзавестись собственными «плантациями», готовые ради этого на все подлости завоевателей.

Как изменились солдатские идеалы, как менялся смысл солдатского подвига на полях Ирландии! Так продолжалось буржуазное перерождение армии Кромвеля, а вместе с ней — и индипендентской республики.

Кромвель, назначенный одновременно на две должности — генерал-лейтенанта Ирландии и главнокомандующего Ирландским корпусом с огромным годовым окладом в 13 тыс. фунтов стерлингов, 1 августа покинул столицу. Парламент и Сити устроили генералу торжественные проводы. 13 августа флотилия в составе 132 судов, имевших на борту 10 тыс. солдат, запасы продовольствия и военного снаряжения, покинула берега Англии. Через 2 дня Кромвель благополучно высадился близ Дублина — административного центра Ирландии. Тем временем, направившийся было в Ирландию Карл II, услышав о высадке

Кромвеля, благоразумно задержался на острове Джерси, выжидая, как развернутся дальнейшие события.

По существу еще до прибытия Кромвеля обстановка в Ирландии резко изменилась в пользу республики. 2 августа основные силы Ормонда, блокировавшие Дублин, были разбиты парламентским генералом Джонсом и отброшены на северо-запад. В то же время вновь назначенный главнокомандующий парламентским флотом адмирал Блэк очистил Ирландское море от роялистских кораблей принца Руперта и тем самым обеспечил безопасность экспедиции Кромвеля и ее регулярную связь с Англией.

В самой Ирландии уже не было значительных и сколько-нибудь организованных сил, которые были бы в состоянии сразиться с Кромвелем в открытом бою. Его 17-тысячной армии (в нее вошли и войска Джонса) теперь противостояли слабо организованные, изолированные и враждующие между собой группировки восставших, каждая из которых занимала определенные районы, опиравшиеся на ряд укрепленных пунктов. Окончательно расколоть лагерь врага, изолировав католиков-ирландцев от их временных протестантских союзников, с одной стороны, и парализовать жестокостью их волю к борьбе, с другой,— в этом Кромвель видел свою ближайшую задачу. В то время как его агенты вели тайные переговоры с английскими протестантами, Кромвель решил продемонстрировать силу своего меча. В начале сентября он приступил к осаде Дрогеды — наиболее могущественной крепости Ирландии, о которой говорили: «Штурмовать Дрогеду равносильно тому, чтобы штурмовать ад». Обладая тройным превосходством сил (10 тыс. против 3 тыс. защитников крепости) и абсолютным превосходством в вооружении (крепость была совершенно лишена орудий, тогда как у Кромвеля было несколько батарей), Кромвель 10 сентября начал штурм крепости. После того как артиллерия сделала пролом в стене, солдаты пошли на приступ, но были отброшены. Тогда Кромвель лично возглавил атаку, и укрепления были прорваны. По его приказу в Дрогедде была учинена такая жестокая резня, что она заставила содрогнуться даже выдавших ужасы Тридцатилетней войны ветеранов.

«Я воспретил (солдатам),— сообщал Кромвель парламенту,— щадить кого бы то ни было из находившихся в городе вооруженных людей. Я думаю, что в эту ночь было предано мечу не менее 2 тыс. человек». 100 человек, укрывшихся в колокольне церкви Св. Петра, были сожжены заживо; около тысячи человек, искавших убежища в самой церкви, были убиты на месте. Многие защитники Дрогеды были найдены в башнях: «офицерам разmozжили головы, каждого десятого из солдат убили, а остальных отправили в Барбадос». Распоясавшиеся солдаты Кромвеля не щадили и мирных жителей города и в особенности католическое духовенство. «Всем монахам,— писал в том же до-

несении Кромвель, — кроме двух, размоzzили головы». Из 3 тыс. гарнизона Дрогеды спаслось, по мнению Кромвеля, не более 30 человек. При этом англичане, потеряли всего лишь 64 человека, не ясно ли, что Дрогеда была не битвой, а резней безоружных.

«Я уверен, что это был справедливый суд божий над этими варварами», — так оценил свои дела сам Кромвель.

«Дрогеда — это самый мрачный эпизод в жизни Кромвеля», — справедливо заключает один из его биографов. И с ним нельзя не согласиться. Человек, которого мир до сих пор знал как борника свободы своего народа, теперь предстал перед ним как фанатично-жестокий завоеватель и поработитель других народов.

Жестокость Кромвеля была преднамеренной, так как он полагал, что «жестокая мера предотвратит пролитие новой крови». Но он ошибся, ибо Дрогеда стала той непреодолимой пропастью, которая с тех пор отделила ирландца от колонизатора-англичанина; она осталась в памяти поколений символом ненависти ирландцев к Кромвелю-завоевателю, вечным призывом к их борьбе за свободу и независимость.

Хотя 14 октября Кромвель, при штурме крепости Вексфорд (к югу от Дублина) повторил резню, предав мечу 2 тыс. ее защитников, ирландцы и не думали сложить оружие. Вместо короткой войны Кромвель вынужден был вести продолжительную и тяжелую борьбу за каждый город, каждое укрепление. Борьба становилась особенно ожесточенной по мере продвижения завоевателей в глубь острова, когда после отхода от восстания англо-шотландских элементов, переметнувшихся на сторону республики, Кромвель оказался лицом к лицу с ирландцами. Когда после тяжелой зимы, принесшей в его лагерь голод и эпидемии, Кромвель в мае 1650 г. обложил крепость Клонмелль, он потерпел тяжелое поражение. 1200 ее защитников успешно отбили штурм численно превосходившей их армии англичан. Кромвель потерял в этом сражении 2 тыс. человек. «Это было самое ожесточенное сопротивление, которое мы когда-либо встречали», — писал Айртон, заменивший вскоре Кромвеля на посту генерал-лейтенанта Ирландии.

Желая смягчить ожесточение ирландцев, Кромвель решил продемонстрировать мягкость — он стал щадить сдававшиеся гарнизоны, гарантировал неприкосновенность жизни и имущества гражданского населения. Несмотря на это борьба не прекращалась. Довести ее до конца Кромвелю так и не удалось: в мае 1650 г. его срочно отозвали в Англию, где снова понадобилась его шпага. Его преемникам — генералам Айртону и Флитвуду в течение долгих месяцев еще пришлось то здесь, то там тушить вспыхивавшее пламя народного гнева, вызванное зверствами Оливера.

Придя в Ирландию, Кромвель провозгласил: «С помощью

божьей мы пришли сюда, чтобы поддержать блеск и славу английской свободы».

Теперь ирландцы вочию увидели лик этой «свободы». Страна была опустошена, она обезлюдела. «Можно было проехать десятки миль, не встретив живого существа — ни человека, ни животного, ни птицы».

Треть населения Ирландии погибла. Тысячи ирландцев «добровольно» покинули родину, нанявшись в ландскнехты в Польшу, Францию и Испанию. Тысячи ирландцев, женщин и детей, были свезены в американские колонии Англии. Ловкие торговцы «живым товаром» устраивали настоящие охоты на ирландцев.

Согласно статуту об «устроении Ирландии» все владения ирландцев, захваченных с оружием в руках, конфисковались: в одних случаях полностью, в других частично — от двух третей до одной пятой. Но и оставляемую в руках ирландцев долю земли они могли получить только лишь в пустынном и бесплодном Коннауте, куда переселялась основная масса туземцев. Это было равносильно «смертному приговору без суда». Очищенные таким путем земли шли на удовлетворение государственных кредиторов и армии; в руки новых собственников переходило две трети ирландской территории. Так произошло перерождение некогда революционной армии, превратившейся отныне в армию колонизаторов, армию, развращенную грабежами и насилиями, преданную удачливому генералу, ставшую слепым орудием в его руках.

Впрочем, большинство солдат, не имея средств, чтобы обзавестись собственным хозяйством, за бесценок продавало офицерам оказавшиеся в их руках «долговые обязательства», дававшие право на получение надела в Ирландии. Зато верхушка армии, вместе с лондонской буржуазией захватившая конфискованные земли, составила новый слой английских лендлордов, ставший оплотом буржуазно-дворянской диктатуры Кромвеля в самой Англии. «На примере ирландской истории, — писал Энгельс Марксу в 1869 г., — можно видеть, какое это несчастье для народа поработить себе другой народ. Все английские свинства ведут свое происхождение от ирландской Pale»¹.

«Английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию»², — заключил Маркс.

Вернувшись в Лондон Кромвелю парламент и Сити устроили восторженную встречу, — это буржуазная Англия приветствовала своего удачливого генерала. Ирландия не прибавила Кромвелю лавров военной славы, ибо войны, как таковой, там

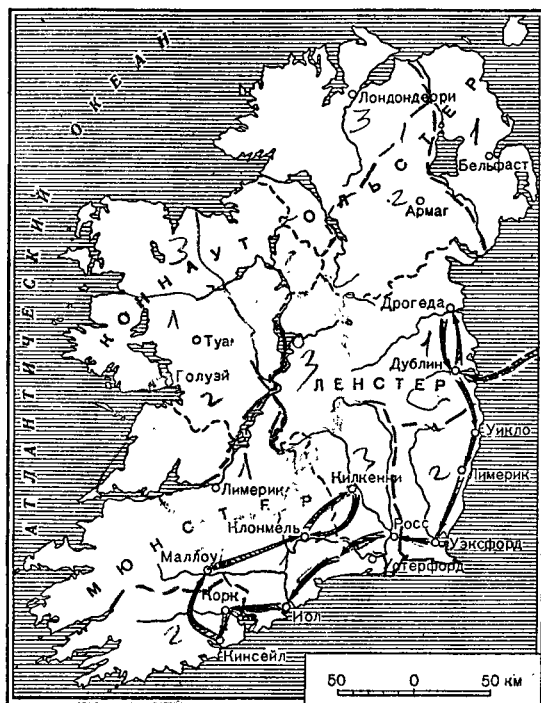
¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 240.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVI, стр. 34.

и не было, но именно теперь парламент назвал его «одним из мудрейших и лучших вождей среди всех ныне живущих и прошлых поколений».

Ирландия не только окончательно примиряла собственническую Англию с Кромвелем, но, сделав его ее кумиром, она заложила фундамент для единоличной власти Кромвеля.

Не успели еще улечься ликования встречи, как Кромвель снова отправился в далекий поход — на этот раз в Шотландию. Казнь Карла I, представителя шотландской династии, оттолкну-

Ирландский поход Кромвеля.

ла от республики не только шотландскую аристократию, но и широкие круги буржуазии. Вырисовывавшаяся перед ними опасность народовластия превратила их теперь в пламенных приверженцев той монархии, которой они сами когда-то нанесли первый удар.

Карл II, провозглашенный в Эдинбурге королем тотчас же после казни его отца, вступил теперь в оживленные переговоры с шотландцами. Желание вернуть себе отцовский престол вынудило его на этот раз обещать введение в Англии пресвитериан-

ской церкви, подобно тому как за год до этого он согласился на всевозможные уступки ирландским католикам.

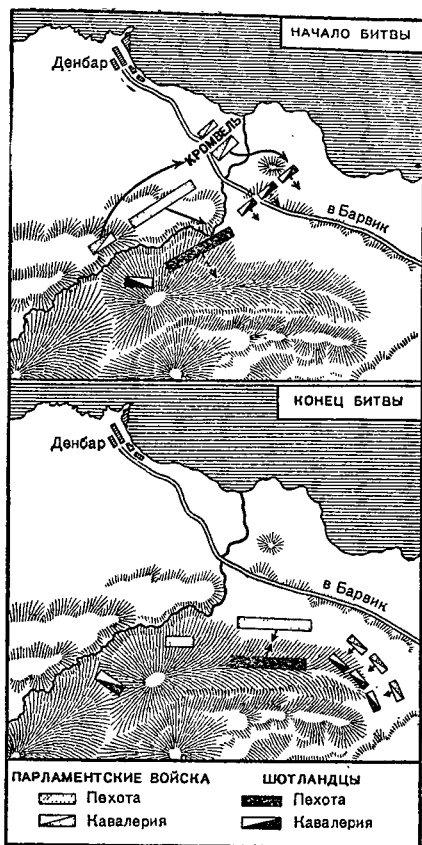
Потерпев неудачу в Ирландии, роялисты теперь делали ставку на Шотландию. Война с ней стала неизбежной, и Долгий парламент решил первым нанести удар. После отказа Ферфакса возглавить северный поход, парламент 26 мая 1650 г. назначил Кромвеля лордом-генералом — главнокомандующим всех вооруженных сил республики. С 10 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии Кромвель в конце июня выступил на север и 22 июля перешел шотландскую границу. Шотландцы выставили против него армию в 18 тыс. пехоты и 8 тыс. кавалерии, которую возглавил в прошлом соратник Кромвеля, а теперь его враг — талантливый полководец. Давид Лесли. Несмотря на численное превосходство своей армии, Лесли придерживался оборонительной тактики, изматывая англичан мелкими стычками и стараясь завлечь их в глубь страны с тем, чтобы, отрезав от баз снабжения, окружить и разбить их. Кромвель же, сознавая трудности войны в суровой, гористой стране, напротив, стремился дать решительное сражение, чтобы избежать полной опасностей зимней кампании. Но противник, державшийся все время гор, оставался неуловимым.

Не решаясь на штурм сильно укрепленного Эдинбурга и потеряв надежду выманить Лесли в долину, Кромвель отступил в сентябре в Денбар. Здесь он решил ждать подкреплений. Лесли следовал за ним по пятам, готовя ему ловушку, из которой казалось невозможным выбраться. Положение Кромвеля становилось с каждым днем все более критическим. Дорога на Бервик — единственная дорога, связывавшая его с Англией, была перерезана шотландцами. Снаряжение и продовольствие истощились, голод и болезни каждый день сводили в могилу все больше английских солдат, — из 16 тыс. у Кромвеля оставалось не более 11 тыс. Многие уже начали отчаиваться и предлагали погрузить пехоту на корабли, предоставляя кавалерию собственной судьбе.

Но когда угасал уже последний луч надежды, случилось невероятное: 2 сентября Лесли спустился в долину с тем, чтобы дать Кромвелю сражение. Имея двойное превосходство сил (22 тыс. человек), он был почти уверен в успехе. Построив свое войско обычным порядком (пехоту в центре, кавалерию на флангах), Лесли сосредоточил основную массу своей кавалерии на правом фланге, с тем чтобы обходным движением окружить войско Кромвеля. Многие считали положение Кромвеля безнадежным, да и сам он почти не верил в спасение. Но это неверие длилось лишь до тех пор, пока он не заметил роковых недостатков позиций врага. Имея в тылу горы, шотландцы были почти лишены возможности маневрировать, в особенности был стеснен их левый фланг, зажатый между холмами и урочищем протекающей речки. Теперь Кромвель воспрянул духом.

Мгновенно сложился весь план предстоящего сражения. Демонстрируя атаку против левого, по сути дела обреченного на бездействие, фланга Лесли, Кромвель под покровом ночи перегруппировал свои основные силы против правого фланга шотландцев. Ночь выдалась грозная, на море бушевал шторм. Шотландцы, выстроенные в боевую линию, ждали сражения, но Кромвель все медлил. Верхом на горной лошади он всю ночь объезжал свои части, уточнял позиции врага. В предрассветной мгле, когда уставшие солдаты Лесли расположились на отдых, а офицеры разбрелись по близлежащим домам, Кромвель начал атаку. Однако шотландцы не были полностью застигнуты врасплох; сравнительно быстро приняв боевой порядок, они успешно отбили первую атаку кавалерии Кромвеля и значительно потеснили его пехоту. В этот критический момент сражения в дело вступил сам Кромвель, возглавивший свой испытанный кавалерийский резерв. Под его натиском правый фланг шотландцев все больше загибался назад, пока он не образовал прямой угол по отношению к линии своей пехоты. По ее оголившемуся флангу и ударила теперь кавалерия Кромвеля, в то время как его пехота перешла в атаку с фронта. Стесненные со всех сторон, не имеющие возможности ни отойти, ни перегруппироваться, шотландцы окончательно потеряли боевой порядок и превратились в беспомощно мечущуюся многотысячную толпу. Все было кончено в течение часа. Первый луч восходящего солнца открыл взорам страшное зрелище битвы: 3 тыс. убитыми и 10 тыс. пленными потерял в этом бою Лесли; Кромвель уверял, что его потери составляли всего 20 человек.

Это было чудом даже в его собственных глазах. Мечтать лишь о своем спасении и неожиданно одержать подобную победу!

Битва при Денбаре.

«Поистине,— скажет он,— наше дело не есть дело нашего ума или нашего мужества и силы». По своему обычаю, он сошлется на провидение. Денбар — венец военной славы Кромвеля. «Мой разум,— писал он,— бессилие оценить размер этой победы». В честь ее по приказу парламента была выбита медаль с бюстом Кромвеля.

Вскоре после Денбара Кромвель овладел Эдинбургом. Здесь его застигла суровая шотландская зима. Он тяжело заболел. «Мой внутренний человек,— писал он жене,— чудесным образом получил поддержку (имеется в виду Денбар), хотя я уверяю тебя, что я старею и чувствую, как старческие немощи украдкой завладевают мной». К весне он почувствовал себя лучше, и военные действия возобновились. Шотландцы занимали еще весь северо-запад страны. С коронацией Карла II (1 января 1651 г.) союз пресвитериан и роялистов еще более укрепился. Воинственная аристократическая партия решительно отметала всякую мысль о мире с республикой. Ей удалось собрать под командованием Лесли значительные силы. Лесли и на этот раз придерживался оборонительной тактики, заманивая Кромвеля в гористую пустынную страну. Когда последнему стало очевидно, что Лесли больше не удастся спровоцировать на сражение, он, чтобы избежать второй зимней кампании в Шотландии, решился на рискованный шаг. Обойдя Лесли с севера, Кромвель открыл ему дорогу к югу, к границе Англии. Шотландцы как будто только и ждали этого; возглавляемые Карлом II, они ринулись в глубь Англии, встречая лишь слабое сопротивление незначительных сил Гаррисона и Ламберта. Многие советовали Карлу идти прямо на Лондон, но он предпочел идти на юго-запад, рассчитывая на вспышку роялистских восстаний. Однако он жестоко просчитался. Роялисты в Англии были разгромлены так основательно, что они оказывались уже неспособными оказать ему сколько-нибудь существенную поддержку. В то же время местное население массами записывалось в ряды милиции, поднятой на защиту республики. Как бы они ни относились к монархии, но короля, приведенного шотландцами, они ненавидели. Когда же Карл решил направиться к Лондону, ему преградил дорогу Кромвель, с невероятной быстротой очутившийся у Вустера. 3 сентября, в годовщину Денбара, здесь состоялось решающее сражение войны. 31 тысяче англичан шотландцы могли противопоставить всего 6 тыс. человек. Атакованные с двух сторон силами Кромвеля, они были разбиты наголову. Почти никому из них не удалось избежать плена либо смерти. Карл II, переодетый в крестьянское платье, после долгих блужданий, едва спасся на корабле.

Вустер был концом независимости Шотландии: ее парламент был распущен, таможенные барьеры между ней и Англией уничтожены: на Шотландию распространили английскую правовую систему, ее обложили налогами и, для того чтобы дер-

Въезд Кромвеля в Лондон.

жать ее в покорности, оставили там крупные гарнизоны во главе с генералом Монком.

Однако политика республики в Шотландии существенным образом отличалась от ее политики в Ирландии. Стремясь превратить Шотландию в одну из своих провинций, республика отнюдь не была заинтересована в истреблении ее населения. Шотландские скалы не очень привлекали английских «плантаторов». Поэтому здесь не имели места те бесчеловечные жестокости, которыми был отмечен путь английских завоевателей в Ирландии. Но даже и в Шотландии индипендентская республика выступала в роли угнетательницы малой народности.

17 сентября Кромвель вернулся в столицу, устроившую ему небывало торжественную встречу. То был триумф, многим напоминавший триумфы древнеримских завоевателей. Слава Кромвеля находилась теперь в зените и гремела далеко за пределами Англии.

Парламент осыпал его новыми дарами: вдобавок к ранее переданному ему Уайтхоллу Кромвелю теперь предоставили летний дворец короля, Гемптон-корт, с прилегающим к нему роскошным парком. Его снова наградили ежегодным доходом в 4500 фунтов стерлингов. Всемогущество Кромвеля было теперь столь безграничным, что многие ждали: не сегодня-завтра он возложит на себя королевскую корону. Весьма характерно, что многочисленные петиции теперь направлялись не в адрес парламента, а на имя Кромвеля, и даже иностранные послы, прежде чем отправиться на переговоры в парламент, стремились заручиться поддержкой всемогущего генерала. Передают слова Кромвеля: «Если бы я был на 10 лет моложе, не было бы короля в Европе, которого я не заставил бы дрожать».

ГЛАВА XVI

Крушение республики

Победоносный меч Кромвеля, казалось, окончательно укрепил республику. Опасность роялистской интервенции была теперь ликвидирована. Ранее враждебные республике слои дворянства и буржуазии частью вынуждены были с нею примириться, частью же перекочевали в ряды ее горячих приверженцев. Даже левеллерское движение, развернувшееся столь широко весной 1649 г., вскоре резко пошло на убыль и временами совершенно затихало.

Высок был престиж республики и за пределами Англии. Ее военное могущество, продемонстрированное при Денбаре и Вустере, заставило наиболее значительные и ранее враждебные ей европейские дворы предоставить Карла II его собственной судьбе и искать мира с режимом «креста и арфы».

В 1650 г. республику официально признала Испания, через два года ее примеру последовала и Франция. После непродолжительного сопротивления республике подчинились заморские колонии Англии — Виргиния, Мериленд, а также Вест-Индские острова.

Казалось, ничто не предвещало скорой гибели республики. И если она тем не менее потерпела крушение, то причины этого крылись в ней самой, в ее политике.

Классовый характер этой республики уже не оставлял теперь никакого сомнения. Обязанная своим возникновением героизму народных низов, она с каждым днем все более превращалась в орудие их угнетателей — крупной буржуазии и дворянства.

Перерождение республики в олигархию венецианского толка совершилось столь быстро, что все еще колебавшийся в вопро-

се о политическом устройстве страны Кромвель в начале 50-х годов оказался «радикалом» по сравнению с политикой «охвостья».

Так, после битвы при Денбаре Кромвель обратился к парламенту с призывом провести ряд самых неотложных реформ. «Великие дела,— писал он спикеру палаты,— совершил бог посредством вас в войне, великих дел ждут люди от вас в мире. Облегчите униженным их тяготы; прислушайтесь к стонам несчастных узников Англии; позаботьтесь об устранении злоупотреблений во всех сословиях. Не к лицу республике, если для обогащения немногих разоряются многие».

Но «охвостье» Долгого парламента оставалось глухим к справедливым требованиям генерала, вызванным, впрочем, лишь его желанием скомпрометировать парламент. Все законодательство республики — яркий пример ничем не прикрытого своекорыстия дорвавшейся до власти буржуазии, издающей законы именно для того, чтобы всемерно облегчить и ускорить «разорение многих ради обогащения немногих».

Прежде всего республика полностью пренебрегла интересами крестьянства, т. е. того класса, которому она в большей степени, чем кому бы то ни было, обязана была своим существованием. Копигольдеры не стали собственниками своих наделов и были принесены в жертву своим лордам, власть которых осталась нерушимой. В вопросе об общинных землях республика встала на защиту огораживателей еще более беззастенчиво, чем уничтоженная ею королевская власть.

Неприкосновенной осталась даже церковная десятина — этот «наиболее очевидный остаток» тирании средневековья. Впрочем, перед битвой при Денбаре Кромвель дал обет «отменить десятину», но после одержанной победы обременительный обет был забыт.

Широкие народные массы ничего не требовали так единодушно и настойчиво, как коренной реформы английского права, запутанность которого приводила к тому, что «лечение зла было горше самого зла», ибо горе было тому, кто попадал в лапы крючкотворов-юристов.

«Справедливость должна быть неподкупна,— требовали массы,— она должна течь рекой, из которой может свободно черпать самый последний нищий и которую богач не сможет отвести в другое русло». В 1652 г. парламент создал комитет для упорядочения права, собиравшийся по вторникам и разработавший немало проектов реформ, но дальше этого дело не двинулось. Разве могло «охвостье», включавшее в свой состав множество юристов, посягнуть на основу их всемогущества и источник обогащения. Недаром Кромвель жаловался Ледлоу, что «стоит только заговорить о реформе права, как юристы тотчас же начинают вопить, что мы намерены разрушить собственность». Перед подобным обвинением, естественно, не мог устоять ни

один буржуазный реформатор. В результате трусости буржуазии и ее союза с новым дворянством в Англии сохранился целый ряд «добуржуазных, средневековых учреждений и привилегий гг. помещиков»¹.

Республика не принесла ни ожидаемого облегчения налогового бремени, ни свободы слова, ни веротерпимости. Наиболее радикальные сектантские проповедники преследовались, республиканская цензура душила демократическую печать, народные собрания разгонялись. Даже скромные воскресные увеселения — единственную отраду подмастерьев и учеников пуританского правительство объявило государственным преступлением. Ни песен, ни танцев, ни петушиных боев и конных ристалищ, ни открытых таверн, ни загородных прогулок. Пуритане с обычным лицемерием говорили о «падении нравов», в действительности же они страшились скопления народа, боялись вспышки народного гнева.

«Установить бдительное наблюдение», — гласила инструкция местным властям, — за всяким скоплением народа, под каким бы предлогом оно ни происходило. Необходимо принимать решительно все меры для предотвращения таких сборищ, которые могут воспользоваться любым поводом, чтобы начать восстание».

Став стражем «собственности и порядка», республика придралась к незначительному поводу, чтобы избавиться от Лильберна. Потерпев неудачу в 1649 г. в попытке отправить его на плаху, парламент в 1652 г. приговорил его к штрафу в 7 тыс. фунтов стерлингов и пожизненному изгнанию из пределов Англии.

Вся внешняя политика республики отныне была подчинена задачам классов-союзников. Созданная Кромвелем военная машина была призвана устранить иноземных соперников и обеспечить превращение буржуазной Англии в господствующую торговую и морскую державу.

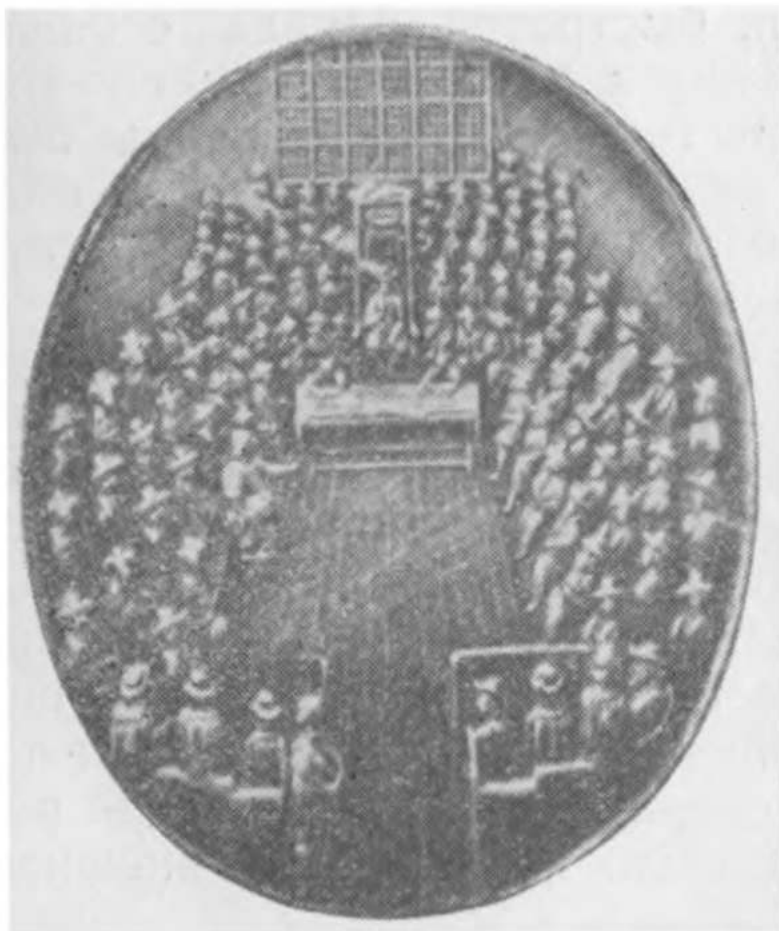
Но на пути к этой цели стояла Голландия — первая торговая держава того времени.

Республика, вступившая на путь борьбы за торговое первенство, должна была в первую очередь столкнуться в Голландией.

Голландия обладала в середине XVII в. гораздо более многочисленным торговым флотом. Недаром еще Рэли говорил, что она «имеет столько кораблей, сколько все остальные христианские государства вместе взятые». Одним только рыболовством и перевозкой рыбы занято было 6400 судов.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что голландский купец на каждом шагу становился поперек дороги английскому. В его руках была вся балтийская торговля, имевшая для

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 205.

Медаль, выбитая парламентом в честь победы при Денбаре.

англичан жизненно важное значение: она доставляла основные материалы для судостроения: лес, смолу, деготь, пеньку и др. По договору с Данией (1649 г.) Голландия за ежегодно выплачиваемую сумму получила право беспошлинного провоза грузов через Зунд. Протесты английского посла ни к чему не привели. О полном господстве Голландии в ост-индской торговле и говорить не приходится — английская Ост-Индская компания по сравнению с голландской влачила в ту пору жалкое существование. Английским купцам казалась совершенно нетерпимой успешная для голландцев конкуренция в вест-индских владениях Англии. Так, например, в Барбадосе на каждый прибывавший туда английский корабль приходилось два голландских. Наконец, бессильную злобу англичан давно уже вызывало то обстоятельство, что Голландия наживала огромные барыши от продажи на английском рынке рыбы, выловленной голландскими рыбаками в английских же водах.

Деятелям республики становилось очевидным, что без значительного увеличения флота Англия не может помышлять о скором столкновении с морскими силами Голландии¹.

¹ В связи с этим весьма любопытен диалог, имевший место между английским государственным деятелем Уайтлоком и шкипером голландского рыболовного судна.

У а й т л о к. Какое вы имеете право ловить рыбу в этих (т. е. английских) водах?

Ш к и п е р. Я полагаю, что каждый имеет право рыбачить в открытом море.

У а й т л о к. Но не без разрешения того, кому это море принадлежит.

Ш к и п е р. Кому же эти воды принадлежат, если не тому, кто обладает лучшим флотом?

Итак, многочисленный флот был лучшим аргументом господства на море!

И республика с лихорадочной быстротой начала осуществлять огромную по своим масштабам программу военно-морского строительства. В первые три года ее существования было построено больше кораблей, чем за все время правления Стюартов. Осенью 1652 г. было решено построить 30 новых фрегатов стоимостью в 300 тыс. фунтов стерлингов.

Но прежде чем обратиться к силе, в превосходстве которой республика кстати еще не была уверена, Англия попыталась мирным путем поглотить голландскую торговлю, а заодно и голландскую колониальную империю.

С этой целью Голландии было предложено заключить оборонительно-наступательный союз, истинную цель которого прикрывали мнимыми интересами протестантизма, якобы роднившего обе республики. Этот англо-голландский союз предполагал полное слияние обоих государств с сохранением руководящей роли английского парламента. Такова была излюбленная внешнеполитическая идея Кромвеля.

Естественно, что Голландия, не желавшая превратиться в британскую провинцию, более чем холодно отнеслась к этому предложению. Провал переговоров о союзе в октябре 1651 г. повлек за собой появление знаменитого «Навигационного акта».

Основные пункты его гласили:

1) товары, производимые в Азии, Африке и Америке, не могут ввозиться в Англию либо в ее владения иначе, как на английских кораблях.

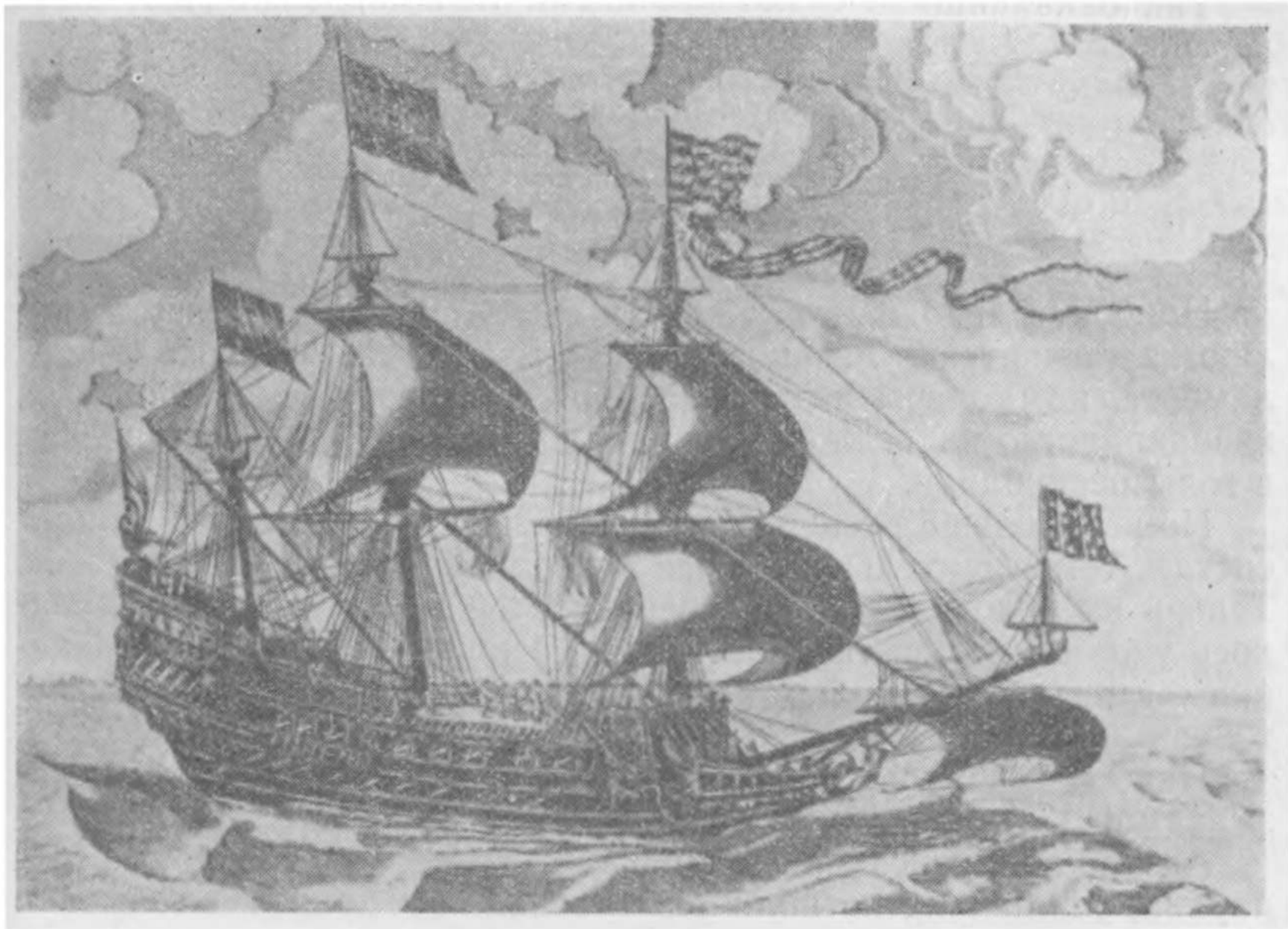
2) товары европейского происхождения должны ввозиться в Англию и ее владения только на английских кораблях, либо на кораблях тех стран, в которых они производятся.

3) соленая рыба и рыбий жир могут ввозиться в Англию только в том случае, если рыба выловлена английскими морями.

«Навигационный акт», таким образом, наносил наиболее чувствительный удар Голландии, так как именно она торговала не столько своими, сколько чужими товарами. Война с ней стала неминуемой. Она вспыхнула в мае 1652 г. То была первая война в длинной цепи торговых войн, которые английская буржуазия вела в борьбе за торговое и колониальное преобладание в мире. Судьба этой войны решалась на море.

Располагая более многочисленным и лучше вооруженным военным флотом, чем Голландия, английский адмирал Блэк повел решительную блокаду нидерландских берегов, нанося огромный ущерб голландской торговле. После ряда неудач он в феврале 1653 г. выиграл решающее сражение войны.

Одновременно республике приходилось фактически вести морскую войну и с Францией. Французские гавани давно уже являлись прибежищем корсаров и роялистов, наносивших чув-

Голландский корабль.

ствительные удары английской торговле на обширном пространстве от Ламанша до Сицилии. Дорогостоявшая морская война еще более обострила недовольство в стране. Армия обходилась в 1,4 млн. фунтов в год; флот — больше миллиона. Бюджет сводился с постоянным дефицитом в полмиллиона фунтов. Чтобы восполнить эту брешь, парламент, нарушая им же провозглашенное «прощение» роялистов, перешел к политике массовой конфискации и к распродаже земель, нередко принадлежавших совершенно невинным людям.

Только один из опубликованных в ноябре 1652 г. списков лиц, владения которых подлежали конфискации, содержал 650 фамилий. «Как стадо баранов,— заметил однажды Кромвель,— по 40 человек в день, лишали людей их движимого и недвижимого имущества, причем решительно никто не мог указать причины, по которой они должны были уплатить хотя бы один шиллинг». Но все тонуло в глубоких карманах стоявшей у власти парламентской клики, а казна по-прежнему не могла свести концы с концами.

«Охвостье» Долгого парламента окончательно выродилось в обнаглевших дельцов, использовавших государственную власть лишь для округления своих состояний. Члены парламента без конца вознаграждали друг друга из фонда конфискованных земель то за «заслуги», то за мнимые убытки.

Так бакалейщики стали крупными лендлордами. Поэт Бутлер писал:

Цепь имений, церквей и казны,
Что проделками хитрых купцов
Непрерывно идут по рукам.
Вместо звонкой монеты — земля
От владельца к владельцу идет,
Биржевой повинуюсь игре.

Наиболее доходные должности были превращены в монополию парламентских дельцов. Вместо того чтобы заседать в парламенте, коммонеры играли на бирже. Взяточничество, подкуп, казнокрадство никогда еще не процветали так безнаказанно, как в годы республики.

Но чем больше республика нравилась спекулянтам и финансистам, тем решительнее от нее отворачивались народные низы. Теперь их недовольство индипендентской республикой проявлялось уже не в открытых восстаниях, а в широком распространении сектантских учений, в которых выражалось стремление угнетенных к социальной справедливости.

Наиболее популярными в те дни были проповедники так называемой «пятой монархии».

Ассиро-вавилонская, персидская и греческая всемирные монархии, учили они, погибли одна вслед за другой вследствие своих языческих заблуждений. Теперь пришел конец власти последней — римской империи¹. Наступает время «пятой монархии» — тысячелетнее «царство Христа». В этом царстве восторжествует, наконец, справедливость, притеснители-богачи будут низвергнуты. Их богатства будут распределены между страждущими. Пока же в ожидании «пришествия Христа» пусть власть перейдет к лучшим из последователей его, к «святым», которые будут править его именем.

Приверженцами этого учения, отразившего недовольство установившимся в стране засильем мизерной кучки преуспевших политиканов, являлись не только представители городских низов, но и значительная прослойка купцов и дворян средней руки. Наиболее видным среди них был генерал-майор Гаррисон, пользовавшийся в это время расположением Кромвеля. С другой стороны, против парламента выступила и офицерская верхушка армии во главе с генерал-майором Ламбертом, отстраненная «охвостьем» от государственного пирога. В августе 1651 г. офицерский совет подает в парламент петицию, требования которой заключались в уплате задолженности армии, в реформе права, в уничтожении церковной десятины. Требование, чтобы парламент немедленно назначил срок своего роспуска и новых выборов, было, по настоянию Кромвеля, опущено. Но Кромвель,

¹ Здесь имелся в виду глубокий упадок Священной Римской империи (т. е. Германии), обусловленный исходом Тридцатилетней войны.

как он сам впоследствии признавался, пользовался всяким удобным случаем, чтобы напомнить «охвостью» о необходимости положить предел своей власти, так как палата, избранная 12 лет тому назад, уже давно никого не представляет, кроме самой себя. В этих своих выступлениях Кромвель настолько отражал мнение широких слоев народа, что одно время даже левеллеры склонны были снова уверовать в него. Даже Уинстенли, опубликовавший в 1652 г. свое главное сочинение «Закон свободы», в котором содержался проект «переустройства общества», посвящает свой труд Кромвелю, — он все еще надеется, что Кромвель освободит народ из «египетского рабства». Если эта все еще неиссякающая у масс (после стольких горьких уроков) вера в Кромвеля была результатом еще замечавшихся у него колебаний в сторону отдельных требований левеллеров, то в еще большей мере она свидетельствовала, сколь слабым и политически незрелым было все демократическое крыло революции.

Брожение масс, проявившееся в широком распространении сектантства, с одной стороны, и непрекращавшиеся происки роялистов, с другой, побуждали Кромвеля торопить «охвостью» уйти с исторической сцены, ибо становилось очевидным, что продление его существования ставит под угрозу все завоевания классов-союзников.

Только под большим нажимом «охвостью» назначило срок своего роспуска — ноябрь 1654 г.

Когда же, наконец, весной 1652 г. оно приступило к обсуждению «избирательного закона», то окончательно выяснилось, что на деле оно готовится к тому, чтобы увековечить свою власть. Этим законом предусматривалось, во-первых, что члены Долгого-парламента не подлежат переизбранию, а должны автоматически войти не только в состав нового парламента, но и в состав всех других будущих парламентов, и, во-вторых, что только представителям «охвостья» принадлежит право определять впредь «законность» избрания того или иного члена парламента.

Кромвель тщетно добивался изменения этого проекта. Когда лидеры парламента на совещании с армейской верхушкой убедились в том, что последняя никогда не согласится на подобный закон, они решили его провести у нее за спиной. Заверив Кромвеля, что пока парламента не будет принимать никакого решения по этому вопросу, они на следующий же день, воспользовавшись его отсутствием, в спешном порядке принялись за обсуждение законопроекта с тем, чтобы, сделав его законом, немедленно разойтись и тем самым поставить армию и страну перед совершившимся фактом.

Узнав о жалком вероломстве палаты, Кромвель пришел в бешенство. В чем был (в домашнем черном кафтани и серых шерстяных чулках) он отправился в палату, не забыв захватить с собой несколько десятков мушкетеров. Оставив их у дверей

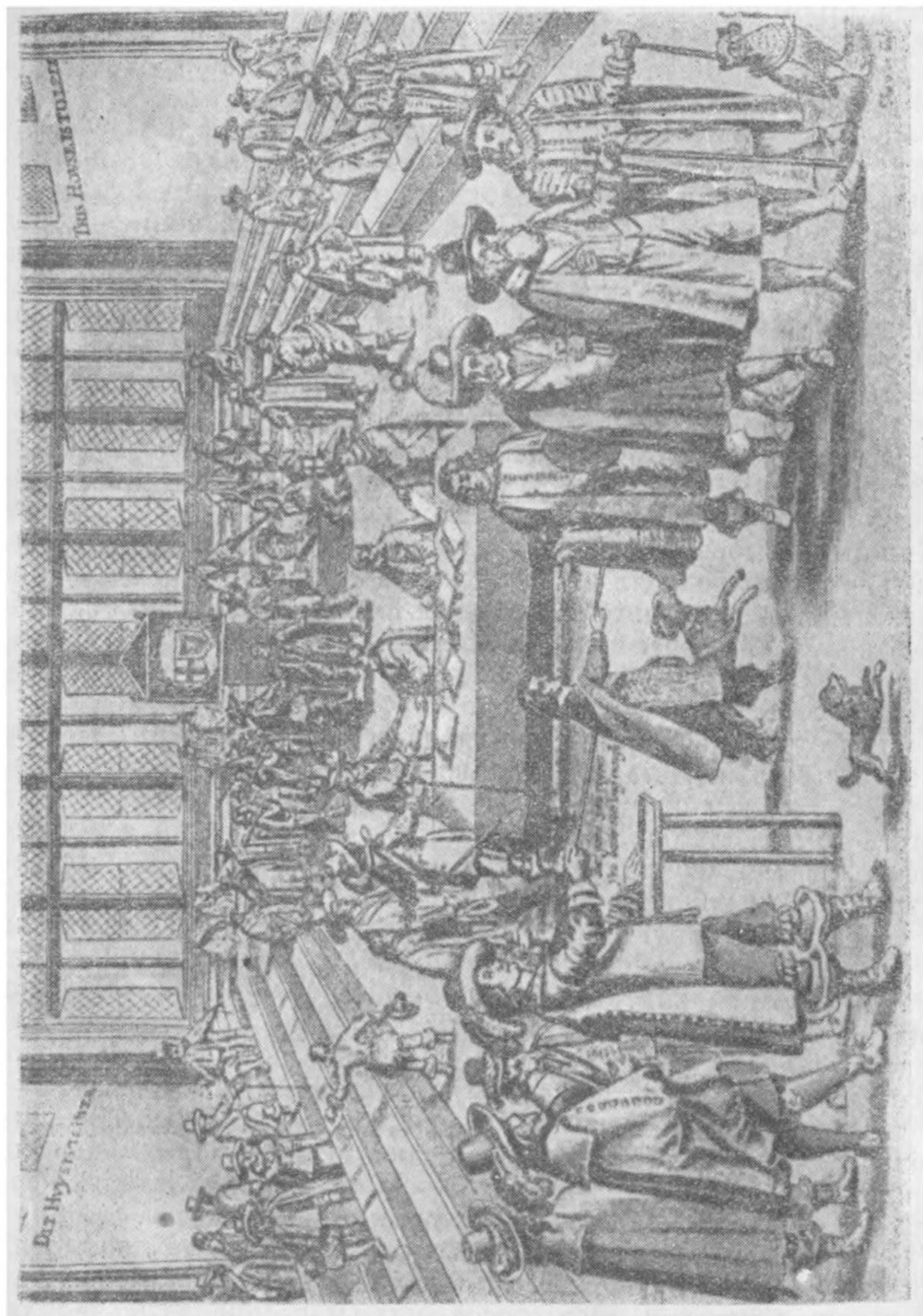
палаты, он вошел туда и сел по соседству с Гаррисоном. О том, что произошло дальше, красочно повествует в своих мемуарах недружелюбный Кромвелю Ледлоу: «Кромвель ...некоторое время слушал дебаты. Затем, обратившись к генерал-майору Гаррисону, он сказал, что пора распустить парламент и что нужно это сделать сейчас. Гаррисон возразил, что дело это большое и трудное и что нужно хорошенько его обдумать. «Вы правы»,— ответил генерал и около четверти часа сидел молча. Затем, когда был поставлен вопрос об утверждении законопроекта, он сказал Гаррисону: «Теперь пора: я должен сделать это»,— и внезапно встав с места, произнес речь. Он начал спокойно, но по мере того как переходил к изложению всех совершенных парламентом несправедливостей, его голос крепчал, и скоро Кромвель уже не говорил, а кричал парламенту. Чтобы резче подчеркнуть свое неуважение к этому собранию, он надевает шляпу... Он осыпал парламент самыми грубыми упреками,— продолжает Ледлоу,— обвиняя его членов в том, что они не осмеливаются сделать что-либо для общественного блага, отстаивают своекорыстные интересы пресвитериан и юристов, являющихся пособниками тирании и угнетения. Кромвель обвиняет их в намерении навсегда сохранить за собой власть... После этого он сказал, что господь отрекся от них и избрал своим орудием других людей, более достойных, чтобы совершить его дело».

«Он говорил с такой страстью и воодушевлением, словно обезумел. Сэр Питер Уенворт встал с места, чтобы отвечать ему, и сказал, что он впервые слышит такие неподобающие для парламента речи и что это тем более ужасно, что речи эти говорит слуга парламента, которому парламент так глубоко доверял и которого он так отличал. Пока он говорил, генерал вышел на середину зала и, продолжая свою бессвязную речь, крикнул: «Довольно, довольно, я положу конец вашей болтовне».

Затем, расхаживая по залу, как сумасшедший, и топая ногами, он воскликнул: «Вы полагаете, что это не парламентский язык, я согласен с вами, но вы и не можете ожидать от меня подобного языка. Вы не парламент, я говорю вам, что вы не парламент; я положу конец вашим заседаниям — и, обратившись к Гаррисону, он приказал: «Позовите их сюда».

После этого подполковник Вулси вошел в зал с двумя шеренгами мушкетеров. Когда сэр Генри Вэн, заметив это, громко сказал с места: «Это нечестно, это противно нравственности»,— тогда Кромвель обрушился на него и закричал: «Ах, сэр Генри Вэн, сэр Генри Вэн! Боже, избави меня от сэра Генри Вэна».

Не называя имен, но указывая пальцем так, чтобы легко можно было догадаться, о ком идет речь, Кромвель обвинял одного в пьянстве, второго во взяточничестве, третьего в безнравственности... Спикер отказался покинуть свое место, пока его не вынудят к тому силой. Кромвель крикнул: «Уведите его!» «Сэр,— сказал подошедший к нему Гаррисон,— я помогу вам»...

Разгон Кромвелем Долгого парламента,

Спикер взял его за руку и сошел с места. После этого Кромвель приказал очистить палату от всех ее членов. «Вы вынудили меня на это,— сказал он им вдогонку,— ибо я день и ночь молил господа, чтобы он лучше убил меня, чем заставил сделать это дело».

Кромвель подошел к секретарю и, выхватив у него уже изготовленный акт о роспуске, сунул его себе под шляпу. Ему в глаза бросилась лежавшая на столе булава — знак власти спикера. «Что нам сделать с этой безделушкой? Унесите ее прочь». Когда все было закончено, Кромвель приказал запереть двери и отправился в Уайтхолл. Все это произошло 20 апреля 1652 г.

Вечером того же дня судьбу парламента разделил и избранный им государственный совет. Напрасно председатель его Брэдшоу, судивший короля, пугал Кромвеля опасными последствиями, когда о содеянном им узнает страна. Широкие народные массы давно возненавидели утратившее былую революционность «охвостье», проводившее узко-классовую олигархическую политику.

Вот почему весть о его разгоне с огромным удовлетворением, как доносил на родину венецианский посол, была принята народом. «Даже ни одна собака не тявкнула», — такими словами Кромвель выразил всеобщее удовлетворение. Любопытно отметить, что его разделял и «латинский секретарь» республики, знаменитый Джон Мильтон. На время Кромвель снова стал наиболее популярным человеком в стране. «Сам английский народ в лице Кромвеля разогнал «Долгий парламент», — так оценил Маркс событие 20 апреля.

В этот апрельский день он снова, и в последний раз, проявил выдающиеся качества революционера.

Опыт ближайших нескольких месяцев окончательно убедил его в том, сколь опасны для власти и собственности его класса всякого рода «социальные эксперименты», идущие навстречу стремлениям широких масс.

После разгона Кромвелем «охвостья» возник не терпевший отлагательства вопрос: чем заменить власть разогнанного парламента, какой конституцией закрепить завоевания классов-союзников? И только теперь впервые с полной отчетливостью вырисовывались особенности ума и характера этого с первого взгляда трудно постижимого человека.

Трезвый и расчетливый военачальник, молниеносно принимавший решения на поле брани, вдруг заколебался, преисполнился сомнениями, когда в качестве политика он оказался перед лицом сложной и противоречивой действительности.

До тех пор пока ему как генералу приходилось лишь выбирать между противоречивыми боровшимися в парламенте политическими линиями, его способность маневрировать являлась отнюдь не помехой, она, напротив, обеспечивала успех. После долгих колебаний и раздумья он обычно бросал свой меч на ту чашу весов, где, как подсказывало ему его классовое чутье, на-

ходились интересы его класса. Но теперь обстановка коренным образом изменилась. Теперь он уже не мог на время притаиться за спиной борющихся сторон. Он сам уничтожил «охвостье», которое долгое время лишь маскировало его диктатуру.

С этого момента он один, лишенный парламентского прикрытия, представлял перед мятущейся страной в роли вершителя ее судеб. От него ждали прямого ясного ответа на самый насущный вопрос дня: каким будет политическое устройство Англии? В такой обстановке Кромвель проявил отсутствие широкого политического кругозора, его нельзя было возместить в такой момент одним лишь чутьем сквайра, точно так же, как религиозный энтузиазм пуританина уже не мог восполнить неумение мыслить юридически отшлифованными и политически ясными формулами.

С одной стороны, Кромвеля даже в трудные минуты никогда не покидало убеждение в исключительности его земной миссии, в том, что именно он «избран провидением» для того, чтобы свершить на земле его предначертания. Разве не об этом свидетельствуют его разительные победы над всеми врагами, — не сам ли бог разметал перед своим воинством вражеские рати? Руководствуясь подобными соображениями, Кромвель пытался убеждать всех и самого себя в том, что он не может ошибиться, как не может ошибиться сам владыка небес. Из подобных убеждений как будто следовало, что только сам Кромвель способен начертать план политического устройства своей страны.

Но вот Кромвель оказался лицом к лицу с реальной действительностью, в которой столкнулся со скрещивающимися политическими устремлениями не только своих врагов, но и вчерашних соратников, и «непогрешимый» Оливер начал колебаться, лавировать, пробираться ощупью, мысленно испытывать возможные пути и решения. При этом, как он сам признается, он допускал «непростительные ошибки». Республиканца Ледлоу он заверяет, что и он, Кромвель, ничего так не желает, как «положить в основание республики свободу и равенство», разумея при этом только людей имущих. Но тут же, вспоминая, как широко и неопределенно звучит опасное слово «равенство» в устах левеллеров, Кромвель высказывает убеждение прямо противоположное: «Даже дурное правительство лучше отсутствия всякого». Воспоминание о майских событиях 1649 г. приводит его к заключению о том, что нельзя увлекаться новшествами, что, пожалуй, трон — лучшая гарантия порядка. Тогда Кромвель задает юристу Уайтлоку несколько рискованный вопрос: «А что если бы кто-нибудь стал королем?» Вспомним, что Кромвель никогда не был принципиальным противником монархии. Он был, напротив, убежден в том, «что монархия и палата лордов были упразднены (в 1649 г.) не в силу сознания, что истинное благо... может быть достигнуто только без них, а в силу необходимости». Недаром же он одно время склонялся

к мысли посадить на престол сына казненного Карла I — 12-летнего принца Уэльского.

Но услышав предостерегающий совет юриста: «Кто может предвидеть все неудобства, могущие произойти от такой перемены», — он преисполняется еще большим недоверием к политическим формулам. Изолированный и окруженный многочисленными врагами, среди которых оказались не только роялисты и левеллеры, но и умеренные республиканцы — вчерашние члены «охвостья», Кромвель все больше зависит от армии, а ее в те дни представляла офицерская верхушка — генерал-майоры и полковники. Часто — это беспринципные карьеристы и политические интриганы, не отказывавшие Кромвелю в повиновении только потому, что он для них был воплощением армейской славы. Тем не менее можно было опасаться, что даже эти люди враждебно отнесутся к намерению Кромвеля возложить на свою голову корону.

Все это вместе взятое проливает свет на вопрос: почему Кромвель после разгона «охвостья» стал все более прислушиваться к планам лидера людей «пятой монархии» генерал-майора Гаррисона, мечтавшего об установлении «царства божьего» на земле. Кромвель не доверял избирателям и, конечно, не мог согласиться на то, чтобы поручить разработку новой конституции свободно избранному парламенту. Преисполненный сомнений и пренебрежения к правам народа, Кромвель не решался открыто высказать то, что успело стать его тайным убеждением, — того, что он сам предназначен занять трон Англии. Оставалось одно: поручить выработку конституции людям, которым индипенденты могут довериться скорее, чем другим. Конечно, это должны быть политически благонадежные, «святые», «божьи люди», и свидетельство в «избранности» их они могут получить только от офицерской верхушки, задававшей тон во временном государственном совете. 4 июля было созвано законодательное собрание, так называемый «малый парламент», собрание «нотаблей» — представителей, отобранных советом из числа кандидатов, предложенных общинами индипендентских церквей. Это и должны были быть «лучшие люди».

«Бог призвал свой народ к высшей власти», — говорил Кромвель в обращении к собранию «святых». Мы находимся на грани осуществления библейских пророчеств, патетически заключал он.

Потребовалось, однако, немного времени, чтобы Кромвель горько раскаялся в своих увлечениях «святými». Ибо вместо того, чтобы руководствоваться «умеренностью» и «благоразумием» сквайров, значительная часть членов этого своеобразного парламента (всего их было 144 человека) задумала всерьез осуществить ряд столь далеко идущих реформ различных сторон общественной жизни, что Кромвель был приведен в ужас. Объявив себя парламентом и провозгласив в своей декларации

намерение «стать орудием, свержающим всякий гнет и удаляющим препятствия, чтобы все нуждающиеся и обремененные были благословенны», «парламент святых» или, как его прозвали, Малый парламент немедленно перешел от слов к делу. Все его члены разделились по комитетам, каждый из которых подготовлял определенные проекты конкретных преобразований. Налоги и церковная десятина, право и судопроизводство, вопрос о копигольде и рентах, церковь и брак — таков неполный перечень важнейших вопросов, которыми занималось это собрание.

Уже первые его шаги свидетельствовали о том, что на этот раз члены парламента не собираются ограничиваться дискуссиями. Малый парламент отменил откупы налогов, приводившие к злоупотреблениям откупщиков, наживавшихся за счет казны. В парламент был внесен билль о реформе канцлерского суда (верховный суд по гражданским делам), давно заслужившего мрачную славу своей беспримерной волокитой (в нем накопилось более 20 тыс. нерешенных дел, многие из которых были 20- и даже 30-летней давности) и взяточничеством. Церковный брак заменялся браком гражданским, впервые введена была регистрация актов гражданского состояния (рождения, смерти и т. д.)

В Малом парламенте раздались голоса, требовавшие проведения раскладки налогов пропорционально доходам. В целях экономии предлагалось, чтобы высокооплачиваемые офицеры прослужили год безвозмездно.

Близким к решению был вопрос об отмене десятины, вопрос, который не хотели и не умели решить члены Долгого парламента и правители индипендентской республики: «пусть священников содержат те, кто нуждается в них». Такова была разумная, простая и смелая формула. Когда обо всем этом услышал Кромвель, перед ним снова встал во весь рост страшивший его призрак «уравнительства». Вспомним, что сам он был одним из светских собственников церковной десятины, что в существовании десятины была заинтересована значительная часть сельских сквайров, получавших немалую долю церковных доходов. Дискуссии в Малом парламенте приводили их в бешенство. Кто может сказать, где этот парламент остановится? Сегодня он посягает на десятину, завтра он может поднять руку на ренту лендлордов. Собственность в опасности!

И офицерская верхушка во главе с Ламбертом начала против парламента кампанию клеветы и травли. Собственников пугали призраком «уравнения состояний», «анархией» и «беззаконием».

Именно в эти дни, когда обсуждался закон об отмене десятины, офицеры, вступив в сговор с умеренной частью парламента, решили положить конец его деятельности. 12 декабря 1653 г. консервативные члены Малого парламента явились в палату в ранний час, когда значительная часть ее радикальных

Джон Мильтон.

членов, не подозревавших о заговоре еще не прибыла на заседание и когда умеренные, будучи предупрежденными составили таким образом большинство. Один из них, взяв слово, обрушился на парламент (вернее, на его опасное радикальное крыло) с градом всевозможных обвинений. Парламент хотел уничтожить духовенство, собственность, право. Наконец, оратор предложил объявить парламент распущенным, так как его «дальнейшая деятельность не будет на благо государству». Не поставив это предложение даже на голосование, спикер разыграл заранее сочиненную комедию, поднялся со своего места и в сопровождении 66 член

нов собрания отправился к Кромвелю в Уайтхолл, где объявил о решении парламента передать ему свои полномочия. Отказавшихся покинуть палату членов парламента (около 27 человек) выдворили оттуда с помощью нескольких десятков мушкетеров.

Кромвель сделал вид, что все происшедшее является для него полной неожиданностью, хотя в действительности он был прекрасно осведомлен о том, что замыслили сторонники Ламберта в офицерском совете. Любопытно, что впоследствии он сам не находил слов, чтобы изобразить ту опасность, в которой, по его мнению, находилась Англия собственников и дельцов в дни заседаний парламента «святых». Рисовавшаяся его воображению угроза так ослепила его, что он, вопреки истине, упорно смешивал Малый парламент с левеллерами, хотя именно этот парламент, узнав о самовольном возвращении Лильберна (в 1653 г.) в Англию, немедленно бросил его в Тауэр и, решив казнить его, организовал над ним суд. Только огромная популярность «честного Джона» и его искусная самозащита вторично спасли его от верной гибели, уготованной ему по воле республики.

Тем не менее Кромвель через 4 года вспоминал: «Если кто-либо имел 12 коров, конвент (т. е. Малый парламент) полагал,

что он должен поделиться с соседом, не имевшим ни одной. Кто мог бы назвать что-либо своим, если бы эти люди продолжали хозяйничать в стране?»

«Неприкосновенность собственности» — таков был для Кромвеля основной и незыблемый принцип всякого государственного устройства.

«Когда я встречаю человека противного мнения в этом вопросе, я мысленно готов произнести над ним проклятие... я готов изгнать его из пределов государства... Он недостоин жить».

Республика окончательно скомпрометировала себя в глазах Англии собственников. Она не давала достаточных гарантий от «опасных экспериментов». Только единоличная и неограниченная власть казалась способной обуздать «анархию».

Но кто же в создавшихся условиях более подходил для подобной роли, чем Кромвель, — вождь армии, сильный своей личной популярностью среди солдат, ставших теперь профессиональными служаками и готовых за плату слепо идти за прославленным генералом.

Так, оторвавшись от народных масс — ее единственной надежной опоры, — республика сама себе вынесла смертный приговор: она оказалась игрушкой в руках генерала. В своем стремлении служить богатым, она незаметно для себя стала лишь ступенькой к вновь воздвигавшемуся трону.

ГЛАВА XVII

Кромвель — протектор

С роспуском Малого парламента республика окончательно погибла. Ее заменил режим буржуазно-дворянской диктатуры, олицетворившийся в неограниченной власти Оливера Кромвеля. История протектората является историей превращения классово-союзников в открытую контрреволюционную силу; историей переходной от республики к «традиционной» монархии — политической системы, объективно историческое значение которой заключалось в подготовке общественных условий для «счастливой реставрации».

Предпосылкой протектората, как мы видели, был /страх буржуазии и джентри перед народом, стремление их к «сильной власти»; его опорой — увенчанный победными лаврами меч генерала; его колыбелью — офицерский совет, утвердивший разработанную генералом Ламбертом конституцию нового режима — так называемое «Орудие управления». Этот документ призван был «узаконить» совершившийся переворот.

Если верить букве новой конституции, то власть в государстве отныне делилась между его главой, носящим титул лорда-протектора (покровителя), парламентом и государственным советом. Но два последних учреждения, создававших видимость

установления в стране «нормального», т. е. конституционного, порядка, в действительности изобретены были лишь для того, чтобы прикрывать ими единоличную диктатуру Кромвеля.

Согласно новой конституции законодательная власть вручалась протектору совместно с парламентом. Акты последнего получали силу закона и без согласия протектора лишь в том случае, если с момента их принятия прошло 20 дней. Таким образом, парламент формально признавался носителем верховной законодательной власти в стране. Он должен был созываться каждые три года и не мог быть распущен ранее чем через 5 месяцев после открытия его заседаний.

Из 400 мандатов в его единственную палату две трети отдавалось графствам и одна треть городам и парламентским местечкам. Так осуществлено было требование, сформулированное еще в «Главах предложений» о перераспределении избирательных округов с целью усиления представительства «средних слоев» населения.

Однако поправение армейской верхушки, происшедшее с тех пор, выразилось не только в отказе от ежегодного или двухгодичного парламента (в пользу трехлетнего).

Наиболее ярко оно сказалось в вопросе об избирательном праве. «Орудие управления» полностью отбросило не только левеллерский принцип всеобщего избирательного права, но и предложенный Айртоном умеренный избирательный ценз. Избирательные права отныне предоставлялись только обладателям годового дохода в 200 фунтов стерлингов. Совершенно очевидно, что при столь высоком имущественном цензе парламент протектората являлся рупором одних лишь крупных и средних слоев буржуазии и дворянства. На всей конституции лежала печать недоверия к народу.

Исполнительная власть вручалась протектору совместно с государственным советом, члены которого были несменяемы. Все свои наиболее важные решения как в области внешней, так и внутренней политики Кромвель должен был принимать только с согласия совета.

Любопытно, что конституция, больше всего заботившаяся о «разделении властей», на деле привела к такому сосредоточению их в руках протектора, что широте его полномочий могли бы позавидовать многие из так называемых «абсолютных» государей.

Кромвель соединил в своих руках власть гражданскую и военную. Он был главнокомандующим армии и флота Англии, Шотландии и Ирландии и ведал сбором налогов, он контролировал милицию и правосудие, руководил внешней политикой, с согласия государственного совета объявлял войну и заключал мир. Впредь до созыва очередного парламента он был вправе от своего имени издавать ордонансы, имевшие силу законов.

На первый взгляд, могло казаться, что парламент, государ-

ственный совет и протектор друг друга связывали и ограничивали в своих полномочиях. На самом же деле один лишь протектор связывал и ограничивал всех. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести несколько примеров.

Государственный бюджет утверждался парламентом, но государственные расходы и прежде всего расходы на армию и флот были заранее фиксированы конституцией, и парламент не мог их сократить, так же как и уменьшить численность вооруженных сил¹.

Государственный совет, состоявший из 7 офицеров и 8 гражданских

лиц, контролировал военную административную деятельность протектора, но протектор по своему выбору замещал освободившиеся места в совете.

Формально парламент направлял политику протектора и государственного совета, но в то же время послушный лорду-протектору государственный совет проверял и утверждал полномочия избранных в парламент депутатов.

Одним словом, то, чего так долго и безуспешно добивались Стюарты, было теперь безоговорочно предоставлено Кромвелю — он стал по существу неограниченным властелином страны.

И тем не менее, как свидетельствуют современники, на первых порах Кромвель был недоволен этой конституцией. «Самороспуск» Малого парламента, — указывал он впоследствии, — сделал его единственным носителем верховной власти страны: теперь же ему приходится делить с кем-то эту власть.

Однако режиссеры переворота — офицерский совет — со своей стороны отнюдь не желали поставить всемогущего генерала вне пределов досягаемости. Под его давлением Кромвелю пришлось смириться.

16 февраля 1654 г. в Вестминстерском дворце состоялась тор-

Генерал Ламберт.

¹ Согласно «Орудию» парламент должен был обеспечить доходы, достаточные для содержания 30-тысячной армии.

жественная церемония «помазания» Кромвеля на должность лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии. Наступление «конституционного порядка» Кромвель решил продемонстрировать и в своем уборе — он предстал перед страной сугубо штатским человеком. Черный бархатный костюм сменил военный мундир генерала, туфли и чулки заменили ботфорты со звенящими шпорами, походный плащ уступил место черной мантии. После принесения присяги на верность конституции протектору торжественно вручили знаки его власти — государственную печать и меч; его шляпа украсилась золотой лентой.

Так начался почти 4-летний режим протектората.

Созыву первого парламента предшествовало 8 месяцев единоличного правления протектора. Но этот срок оказался более чем достаточным для того, чтобы сказался весь недюжинный государственный талант протектора. Кромвель как будто переродился. Куда исчезли бывшая раздвоенность, мучившие его перед каждым политическим поворотом сомнения. Избавившись от всяких следов демократизма, Кромвель избавился и от внутренних противоречий, от колебаний. Теперь перед миром предстал буржуазный политик, отбросивший либеральную фразеологию. Его взору рисовались отчетливые цели, и он их преследовал неуклонно и настойчиво. Исчез разрыв между полководцем и политиком. В кресле под балдахином Кромвель выказывал столь же отчетливое понимание интересов буржуазной Англии, как прежде сидя в кавалерийском седле.

Наиболее крупным актом внутренней политики этого времени был ординанс о полном политическом слиянии Шотландии и Ирландии с Англией. Отныне все три страны должны были представлять единое государство, управляемое из Лондона. Так «цареубийца» осуществил сокровенную мечту английских королей.

Внутри страны Кромвель добивался объединения и примирения различных прослоек господствующего класса — он никогда не забывал притаившуюся за Ламаншем роялистскую опасность. Той же цели служила и широкая веротерпимость (вне которой оставались только католики), ставшая краеугольным камнем политики протектора.

Каждая община могла исповедовать христианскую веру в любой форме (конечно, за исключением католицизма) и избирать проповедников по своему усмотрению. Однако признание «божественности» Христа оставалось обязательным для всех сект, желающих быть терпимыми в государстве. Таким образом, в вопросе свободы совести индипендент Кромвель не был до конца последовательным, так как в интересах буржуазного государства сохранялся не совместимый с религиозной свободой принцип господствующей, т. е. государственной, церкви.

По отношению к роялистам Кромвель осуществляет политику «прощения и забвения». Его терпимость к ним простирается

столь далеко, что он даже отказывается от принудительной присяги новому режиму,— ему можно не присягать, лишь бы на него не посягали. Со своей стороны, и роялисты считали режим протектората избавлением «от горестных событий, которые обрушились бы (на Англию), если бы анабаптисты (т. е. Малый парламент) оказались бы у власти».

К достижению мира и поднятию международного престижа Англии были направлены и первые шаги лорда-протектора в области внешней политики. Следует признать, что Кромвель унаследовал чрезвычайно тяжелое международное положение страны. Прежде всего Англия все еще находилась в состоянии войны с Голландией. Эта война губительно отражалась на английской промышленности и торговле и опустошала и без того убогую казну (каждый месяц войны стоил 120 тыс. фунтов стерлингов).

Не многим лучше были отношения Англии и с другими государствами континента. Дорогу в Балтийское море англичанам преграждала враждебность Дании. Воды от Ламанша до Бискай буквально кишели корсарами, укрывавшимися во французских гаванях. В Средиземном море английским кораблям не давали прохода мавры.

— 5 апреля 1654 г. после длительных переговоров был, наконец, подписан мир с Голландией. Она была вынуждена признать статьи «Навигационного акта» и согласиться возместить убытки английской Ост-Индской компании. В секретном параграфе Голландия обязалась отстранить линию Оранских (породнившихся со Стюартами) от должности штатгальтера республики. «Будь благословен господь»,— воскликнул протектор, услышав о наступлении мира. Вслед за этим он добивается заключения выгодных торговых договоров с Швецией (11 апреля 1654 г.) и Данией (сентябрь 1654 г.). Отныне двери Балтики были открыты для англичан на тех же условиях, что и для голландцев. Заключенный в июле 1654 г. торговый договор с Португалией давал Англии столь односторонние выгоды, что им можно датировать начало английского преобладания в этой стране. Для английской торговли были открыты все заморские владения Португалии, английские купцы были освобождены от вмешательства инквизиции.

— Одновременно талантливый и неутомимый адмирал Блэк очистил от пиратов Ламанш и теперь успешно продолжал то же дело у берегов Испании и в Средиземном море. Все это было лишь началом.

Первые успешные шаги протектора вызвали в народе надежды на установление долгожданного мира, с которым связывали облегчение налогового бремени и быстрое оживление торговли и промышленности.

Создание предпосылок, благоприятствующих получению все возрастающих прибылей — таково было условие поддержки бур-

жуазией власти протектора. «Прибыли в конечном счете важнее всех и всяческих конституционных тонкостей», — так рассуждала значительная часть ее. Только крупная аристократия, земельная и денежная, так же как и народные низы, заняли выжидательную, нескрываяемо враждебную позицию по отношению к протектору.

Проявление этой вражды не заставило себя долго ждать.

3 сентября 1654 г. собрался первый парламент протектората. Среди его членов было немало врагов нового режима. Ими были республиканцы Брэдшоу, Гезльриг, Скотт и другие. На следующий день протектор отправился в открытом экипаже из Уайт-холла в Вестминстерский дворец. Его сопровождала блестящая кавалькада высших сановников и приближенных, пажей и лакеев — все без головных уборов. Шествие открывала и замыкала многочисленная, вышколенная лейб-гвардия. По мнению одного из свидетелей, протектору «только короны не хватало».

В трехчасовой речи Кромвель изложил основы своей внутренней и внешней политики.

Как обычно туманная и пересыпанная библейскими изречениями, речь протектора выражала, однако, на этот раз вполне отчетливое политическое кредо властителя. Он первым делом обрушился на людей «пятой монархии» и других сектантов, творящих «нестерпимые кощунства». Они приветствовали «презрение к богу и Христу», учили, что «свобода и собственность не являются признаками царства Христова», они желают отменить «старые добрые законы Англии». Все это, по его мнению, вело к нападению на собственность, к чему так расположены «все бедные и все плохие люди Англии». Нельзя допускать, чтобы исчезли сословные перегородки, чтобы «держатель сравнялся с лордом». После этого Кромвель сделал обзор своих внешнеполитических успехов. И, наконец, заключил он, «настоящее правительство сделало еще одно: оно создало, благодарение богу, «свободный» парламент», на рассмотрение которого и передано «Орудие управления». Втайне Кромвель испытывал тревогу: он не знал как «свободный парламент» отнесется к новому режиму. Поэтому перед членами парламента Кромвель рисует себя отнюдь не господином, а скромным служителем народа. Все это, отмечает он в заключение, говорит вам не человек, «желающий господствовать над вами, а человек, который решил вместе с вами служить великим делам этого народа».

Однако уже первые шаги парламента обнаружили, что опасения Кромвеля не были напрасны. Парламент начал с того, что подверг сомнению конституционные полномочия протектора. На это Кромвель никак не мог согласиться.

Подтянув к палате войска, Кромвель потребовал от всех членов парламента подписать заявление о признании существующего порядка вещей. Он имеет право это сделать, заявил он, «так как вся полнота власти принадлежит ему и он призвал их (т. е.

депутатов) по собственному почину, — не будь его — не было бы и их». Все отказавшиеся выполнить это требование сами исключают себя из состава парламента. Таких оказалось более 100 человек. Но и после этой своеобразной чистки «свободный» парламент все же не проявлял склонности сотрудничать с новым режимом. Не касаясь больше, по вполне понятным причинам, полномочий протектора, парламент тем не менее считал себя вправе обсуждать другие статьи «Орудия». Так, депутаты заговорили о необходимости заменить армию милицией и для начала предложили сократить ее численность. В январе 1655 г. парламент выступил против нового избирательного ценза, потребовав возврата к старому цензу, т. е. фригольдерскому владению в 40 шиллингов. Терпение Кромвеля иссякло, и он решил покончить с парламентом. Однако чтобы соблюсти букву конституции, он дождался, пока минуло 140 дней с момента созыва парламента, т. е. 5 лунных месяцев вместо 5 календарных. 22 января 1655 г. первый парламент протектората перестал существовать.

«Пусть не думают, — заявил Кромвель депутатам на прощанье, — что, беря на себя всю тяжесть обязанностей, протектор думает о возвеличении своем и своей семьи; пусть не болтают о свободе... какое право имеют они говорить о свободе, когда жизнь и собственность мирных граждан оказалась в опасности». Со слезами на глазах Кромвель объявил: «Я распускаю этот парламент». Так обнаружилось до того времени скрытое в различных слоях недовольство новым режимом. За истекший год успели поблекнуть первые надежды широких масс на «мир» и «дешевое правительство».

Действительность, к которой привел протекторат, оказалась прямо противоположной этим надеждам. Правительство, в котором верховодили генералы и полковники, опиравшиеся на наемную армию, оставляло мало надежд на продолжительный мир и никаких надежд на облегчение налогового бремени.

Несмотря на то, что доходная часть бюджета достигала в 1654 г. огромной по тем временам цифры в 1,5 млн. фунтов, дефицит стал неизлечимым недугом протектората.

Содержание оккупационных армий в Ирландии и Шотландии и многочисленных войск в самой Англии, достигавших к декабрю 1656 г. общей численности в 53 тыс. человек, поглощало львиную долю бюджета (более 1,5 млн. фунтов в год). Немногим меньше средств требовал разросшийся флот. Достаточно указать, что одна только англо-голландская война стоила два с половиной миллиона фунтов стерлингов. К 1654 г. все государственные резервы были исчерпаны. Конфискованные земли были полностью распроданы. Денежные мешки не верили в стабильность режима и отказывали ему в кредите. Временами положение было столь критическим, что приходилось прибегать к сбору средств при помощи подписных листов, открывавшихся фамилией протектора.

В этих условиях, естественно, не могло быть и речи об отмене военных налогов — акциза, ежемесячного обложения и др. Но взимание этих обременительных налогов, которым не видно было конца, всей тяжестью своей ложившихся на трудящееся население, вызывало в стране нараставшее недовольство. Это обстоятельство в начале 1655 г. попытались использовать в своих целях роялистские заговорщики.

В марте в ряде городов вспыхнули роялистские волнения, жалкие по своим масштабам и по своим результатам. Считанные дни потребовались Кромвелю для их ликвидации, причем для этого даже не понадобилась помощь Лондона, — с ними справились местные гарнизоны. Разбогатевшие на грабеже конфискованных земель слои буржуазии лишней раз убедились, как нужна им для сохранения награбленного власть «узурпатора», и в эту минуту они готовы были снова простить ему и тяжелые налоги и разгоны парламентов.

Что же касается масс, то их недовольство питало не роялистское, а демократическое движение. Рассадниками его в дни протектората стали многочисленные религиозные секты, распространившиеся по стране, как грибы после дождя.

Наиболее популярной среди них была секта квакеров¹, или «общество друзей внутреннего света». Признавая единственным источником веры не священное писание, а «внутренний свет», «божественный разум», присущий каждому человеку, квакеры отвергали все преимущества одних людей перед другими, отрицали обычную церковную организацию, как и церковную десятину. Квакеры учили, что все люди созданы равными, что все титулы, вплоть до королевского, предосудительны. Поэтому они ни перед кем ни снимали шляп, ко всем обращались на «ты». Из естественного равенства людей многие проповедники выводили необходимость установления и имущественного равенства между ними. Таким образом, квакеры в новых условиях и в своеобразной форме продолжали учение «истинных левеллеров».

Переходя из селения в селение, сектантские проповедники смело обличали угнетательскую сущность нового режима.

«То, что трудная и неустанная работа земледельца, — читаем мы в одной из таких проповедей, — ранним утром и поздним вечером, в жару и холод, под дождем и во время засухи служит для удовлетворения роскоши и праздного времяпровождения небольшой кучки людей, что телега, плуг и цеп даны девятнадцати частям населения, чтобы удовлетворить прихоти двадцатой части, — это ни в какой степени не является волей божьей».

Утратив надежду на скорое установление «церкви божьей» на земле, многие «святые» присоединились теперь к квакерам. «О боже! — восклицал проповедник Поуэлл, — неужели наши

¹ Что значит «трясуны». Это прозвище они получили от тех, кто насмехался над несообразными движениями, которыми в минуты религиозного экстаза сопровождалась молитва первых квакеров.

люди из армии все до одного отреклись от своих принципов! Что осталось от всех их заявлений, протестаций и клятв? Или они досыта наглотались дворянских поместий?... «Господи, хочешь ли ты, чтобы Оливер Кромвель или Иисус Христос царствовал над нами?»

На такие проповеди собирались толпы народа. Однако квакеры не звали на открытую борьбу против существующей власти. Неудачи народного движения в 40-х годах породили в массах разочарование и усталость. Теперь многие уповали только на бога. Внутреннее «просветление» людей рассматривалось как единственная предпосылка общественного переустройства в пользу обездоленных.

Этих людей, не веривших в возможность революционной борьбы, нельзя, однако, считать аполитичными. Всем своим поведением, своими речами и убеждениями они ежечасно бросали вызов жестокому и своекорыстному буржуазному обществу, которое они открыто осуждали и объявляли «безбожным». Не будучи участниками открытой борьбы, квакеры оказывались упорными и фанатичными носителями пассивного сопротивления новому режиму. И правительство Кромвеля не скупилось на преследования, бичевания и пытки, надеясь сломить волю строптивых сектантов. Гонения побуждали сотни квакеров искать убежища в заокеанских колониях Англии. На недовольных Кромвель обрушивается массовыми репрессиями: радикальные секты преследуются, мало-мальски независимые газеты закрываются. Кромвель страшится даже полуживого Лильберна, которого вплоть до его смерти (в 1657 г.) так и не решается выпустить на волю. Из страха перед народом рождается режим открытой военной диктатуры.

Только горстка людей «пятой монархии» и левеллеров еще не сложила оружия. Однако, не имея за собой сколько-нибудь значительной опоры, они терпели провал за провалом.

Генерал-майор Гаррисон еще в декабре 1653 г. был уволен из армии и заключен в крепость. Его участь разделили многие его приверженцы. В январе 1655 г. был арестован соратник Лильберна Овертон, возглавивший попытку левеллерского восстания в армии, размещенной в Шотландии. Через месяц был арестован Джон Уайльдман; его схватили за диктовкой прокламации, призывавшей к убийству «тирана Оливера Кромвеля».

Оторванные от масс, отчаявшись в успешности восстания против протектора, левеллеры постепенно перерождаются в беспринципных заговорщиков, готовых ради свержения Кромвеля идти на все, вплоть до соглашения с роялистами. На роялистские деньги они становятся организаторами многочисленных заговоров против жизни протектора. Убийство его становится для них самоцелью. Только широко разветвленная шпионская сеть, возглавляемая Терло, спасает Кромвеля от охотившихся за ним заговорщиков.

Летом 1655 г. вся страна была разделена на 12 округов, во главе которых были поставлены генерал-майоры Ламберт, Флитвуд, Дезборо и другие. Это были протекторы в миниатюре. Они наделялись чрезвычайными полномочиями для поддержания порядка и спокойствия. В их ведение передавалось абсолютно все, начиная от милиции и сбора налогов и кончая надзором за нравственностью. Без их разрешения нельзя было открыть ни таверны, ни заезжего двора. Они преследовали божбу и ругань так же, как «опасные» секты и публичные проповеди. Малейшее схождение народа разгонялось. Всякого рода массовые увеселения строжайшим образом запрещались, — Кромвель страшился сходов народа. Англия становится второй Женевой времен Кальвина — угрюмой, молчаливой.

Пуританизм наложил отпечаток на весь быт некогда «веселой» Англии!

Для содержания этого дорогостоящего «изобретения» протектора все роялисты были обложены поголовным налогом в одну десятую годового дохода, и следует признать, что «изобретение» оказалось весьма действенным. Роялисты не смели шелохнуться, на время умолкли смутьяны-проповедники, не стало народных сходов — одним словом, в стране воцарился «мир».

Свою собственную роль с этого времени протектор как нельзя лучше охарактеризовал словами: «я был вынужден взять на себя функции начальника полиции» (High Constable).

В другом случае он говорил о себе как о «хорошем констэбле» (полицейском), который призван «охранять порядок в приходе». Роль констэбля Кромвель играл до конца дней своих, с той только разницей, что он был констэблем всей Англии.

Даже беглый обзор внутренней политики протектората свидетельствует о том, что Кромвель полностью посвятил себя (как это и подобает констэблю) охране имущих от неимущих, обогащению сложившегося в ходе революции слоя новых земельных собственников, в жертву которым был принесен тот класс, который в годы гражданской войны был главным его оплотом в борьбе с королем, — английское йоменри.

Актом ярко выраженного классового своекорыстия сквайра и реакционности Кромвеля был ордонанс 1656 г. об отмене рыцарского держания и уничтожения палаты феодальных сборов.

Согласно этому акту, земли сквайров, считавшиеся прежде зависимыми от короны рыцарскими держаниями и обремененные в ее пользу феодальными повинностями, были объявлены полной собственностью их владельцев, отныне свободных от всех обременительных феодальных платежей, в знак чего была уничтожена старинная палата феодальных сборов. Отменялись даже чисто внешние черты феодальной зависимости — феодальная присяга.

Но, уничтожая те стороны феодализма, которые затрагивали землевладение сквайров, ордонанс 1656 г. оставлял в непри-

к собственности все феодальные права сквайров на землю крестьян — копигольдеров, которая и впредь осталась крепостной, обремененной многочисленными платежами и нередко унижительными повинностями. Копигольдер и впредь остался лишь держателем, «на воле лорда», по-прежнему подсудным вотчинному суду того же лорда, одним словом, таким же бесправным и незащищенным, каким он был до революции. Но в новых условиях это было равносильно лишению тысяч земледельцев-копигольдеров всех тех прав собственности на землю, которые так или иначе за ними признавались в средние века.

Таким образом, ордонанс 1656 г. явился одним из наиболее вопиющих актов классового насилия, когда-либо совершенного над крестьянством этой страны. Не удивительно, что со временем английские крестьяне были полностью обезземелены и вытеснены из деревни. Это совершилось в течение ближайшего столетия, последовавшего за революцией.

Столь же односторонним образом, исключительно в интересах новых лендлордов, протекторат разрешал и все другие вопросы, связанные с землевладением. Церковная десятина, лежавшая тяжелым бременем на плечах крестьянства, была оставлена в неприкосновенности. Ее сохранили не только потому, что она предназначалась на содержание духовенства, но главным образом в силу того, что десятина рассматривалась как вид собственности, и поэтому была объявлена «священной и неприкосновенной». Упразднение десятины означало бы удар по кошельку многих сквайров, не исключая самого протектора, являвшихся в качестве владельцев земли, ранее принадлежавшей монастырям, светскими собственниками десятины.

Протекторат еще более откровенно, чем Долгий парламент, взял под свою защиту огораживателей общинных земель — этих злейших врагов деревенской бедноты. Внесенный на рассмотрение второго парламента протектора билль (в 1656 г.) «О мелиорации пустошей и предупреждении обезлюдения» был провален потому, что палата усмотрела в нем покушение на право собственности лендлордов. В то же время протектор поощрял деятельность осушителей «великой равнины болот» (в 6 графствах восточной Англии), которая принесла многим тысячам крестьян утрату их общинных прав, так как осушенные земли переходили в частную собственность богатых людей, руководивших осушением заболоченных территорий.

Ничего заслуживающего внимания не сделал протекторат для реформы устаревшего, запутанного законодательства страны. Бережное отношение к явно изжившему себя праву обусловлено было тем, что такое состояние его было выгодно сквайрам Англии. Вопреки собственному признанию Кромвеля в том, что старые законы «безнравственны и отвратительны» что они «вешают человека из-за 6 пенсов и оправдывают убий-

цу», — эти устаревшие, полуварварские законы, равно как и старое судопроизводство, не были затронуты режимом протектората.

Зато всю свою законотворческую энергию протектор направил против народных низов. Под предлогом заботы «об улучшении нравов» была установлена самая беспощадная диктатура меча. Так, ордонанс, наказывавший божбу, прямо называл людей, которые при этом подразумевались: возчиков, лодочников, грузчиков. С целью предупредить народные сходки, были запрещены все народные развлечения. Специальный ордонанс преследовал бродячих скрипачей, певцов и артистов. Особым актом обеспечивалось соблюдение воскресного дня. В этот день запрещалось торговать в лавке и работать в мастерской, двери постоянных дворов и таверн должны были быть закрыты. Даже дальние прогулки были объявлены под запретом. Вся забота протектора о бедных свелась к запрету беднякам покидать пределы своих приходов. Всякий уличенный в выпрашивании милостыни за пределами своего прихода, гласил акт 1657 г., будет считаться бродягой и грабителем, и с ним соответственно будет поступлено. Чтобы избавить Англию от растущих толп нищего люда, Кромвель применял простое средство: тысячи обездоленных принудительно вывозились в вест-индские колонии вместе с убийцами и грабителями и там в качестве «белых рабов» обрекались на даровой каторжный труд, приносящий наживу британским плантаторам.

Столь же недвусмысленной была классовая направленность всей торгово-промышленной политики протектората. В отношении монополий, издавна вызывавших в стране всеобщее возмущение, протектор занял половинчатую позицию, различая монополии «вредные» и «полезные». При этом под первыми разумелись главным образом монополии, принадлежащие одному лицу. Так, протектор утвердил монополию на мыловарение под тем предлогом, что доступ к ней якобы открыт для всех желающих.

Ничего принципиально нового по сравнению со Стюартами протекторат не внес и в отношении к крупным торговым компаниям. Горячо отстаиваемый левеллерами принцип свободы торговли не был узаконен. Протекторат подтвердил исключительные привилегии двух наиболее крупных компаний: «купцов-авантюристов» и знаменитой Ост-Индской, вызывавших в стране наибольшие нарекания. Наконец, почти полностью сохранилась и проводилась средневековая, унаследованная от Стюартов политика регулирования промышленной деятельности: контроль за качеством изделий, ограничение городского производства узким кругом членов старых ремесленных корпораций, регулирование заработной платы и т. д.

В заключение заметим, что и в церковной политике индипендент Кромвель был прежде всего констэблем. Его веротерпимость распространялась только на те секты, которые открыто

не посягали на режим протектората и принцип неприкосновенности собственности. Учрежденная в Лондоне (1654 г.) комиссия в составе 38 членов подвергала проверке всех кандидатов на должность приходских проповедников. Аналогичным комиссиям, созданным в графствах, поручалось отстранение «негодных» проповедников и школьных учителей. Разумеется, «негодными» при этом всегда и неизменно оказывались «неблагонадежные». Таким образом, вопрос веры не стал частным делом каждого, как этого требовали сторонники свободы совести — последовательные индипенденты. Церковь не была отделена от государства, и, хотя в ней не было прежнего единообразия, ее классовые функции остались неизменными.

Робость буржуазии и засилье сквайров привели к тому, что протекторат не осуществил множества преобразований, крайне необходимых для буржуазного развития Англии. Осталась неиспользованной масса проектов: о реорганизации биржи, об улучшении рыболовства, об основании банка, который обеспечил бы дешевым кредитом торгово-промышленные предприятия буржуазии. Оправданием протектора могло служить лишь то, что для осуществления всех этих проектов он имел слишком мало времени и испытал слишком много тревог.

Была, однако, одна область политики, в которой протектор выказал себя государственным деятелем, умеющим прокладывать новые пути, — это была область внешней политики. Здесь он действовал неизмеримо смелее, гораздо решительнее рвал с традициями, последовательно отстаивая интересы буржуазного развития страны.

Целью внешней политики протектора являлось завоевание Англией торгового преобладания в мире с помощью созданной революцией военной мощи государства. На службу этой цели были поставлены все ресурсы нации. Создание могущественной колониальной империи отныне должно было стать стержнем английской внешней политики. В этом и заключалось то новое, что в эту область внес протекторат.

«Нельзя выращивать дуб в цветочном горшке, — писал один из публицистов протектората. — Он должен иметь (достаточно) земли для своих корней и неба для своих ветвей». Так думали английские буржуа, так думал и их констэбль-протектор.

В широко возведенном Кромвелем принципе «защиты протестантизма» следует видеть лишь религиозную маскировку весьма земных устремлений английских буржуа. Так и воспринимали современники благочестивую фразеологию протектора.

Кромвель, как известно, вынашивал планы вечного союза протестантских государств — Англии, Голландии, Швеции, Дании, союза, направленного против Ватикана и католических государств Европы. Не мудрено, если эти планы при всей их внешней благовидности и мнимом бескорыстии встречали более чем холодный прием у «протестантских сестер» Англии. В этих «бла-

гочестивых планах» нетрудно было разглядеть стремление Англии к гегемонии.

С другой стороны, принцип «защиты протестантизма», как мы увидим ниже, отнюдь не всегда последовательно проводился Кромвелем. Религиозное предубеждение несколько не мешало ему вступить в союз с католическим государством — Францией, если это диктовалось соображениями выгоды.

Как и следовало ожидать, Голландия самым решительным образом отклонила предложение Кромвеля о заключении оборонительно-наступательного союза, не говоря уже об исходивших из Лондона проектах политического слияния обоих государств.

Впрочем, реальную подоплеку этих проектов выдал сам Кромвель, когда он предложил Голландии поделить мир между нею и Англией: в Европе и Африке обе стороны торгуют на равных основаниях, Азия и Восток — исключительная сфера голландцев, Америка (исключая Бразилию) — сфера англичан.

«Интересы обеих стран, — говорил Кромвель, — заключаются в расцвете торговли и навигации. Мир достаточно просторен для обеих. Если бы оба народа смогли только как следует понять интересы друг друга, их страны стали бы сокровищницами мира».

Но чем больше увлекался Кромвель, тем более подозрительными становились его единоверцы за Ламаншем, и ему приходилось действовать в одиночку.

Однако и возможные враги протектора также были разрознены. Две наиболее могущественные католические державы — Испания и Франция — все еще воевали друг с другом. Их послы не уставали посещать Уайтхолл, побуждая Кромвеля к выступлению против своего врага и прельщая его денежными субсидиями и территориальными захватами за счет побежденного.

Тем не менее Кромвель все еще воздерживался от каких-либо конкретных обещаний, не спеша связать себя ни с той ни с другой стороной, втайне надеясь на более выгодные условия союза.

От Франции он потребовал признания за ним права покровительства своим единоверцам-гугенотам, что было почти равносильно требованию отказа от суверенитета.

От Испании он требовал, чтобы она признала за англичанами право свободной торговли в обширных американских владениях испанской короны и оградила английских подданных от вмешательства «священной инквизиции» (по вероисповедным мотивам). На это испанский посол ответил, что эти два требования равносильны тому, чтобы потребовать «оба глаза моего государства».

Но эти отказы отнюдь не смущали протектора. Он прекрасно понимал, как горячо каждый из ожесточенных противников желает заполучить на свою сторону «железнобоких», и он выжидал.

К тому же и в государственном совете в этом вопросе от-

нюдь не было единодушия. Большинство его членов во главе с генералом Ламбертом стояли за союз с Испанией. Меньшинство держало сторону Франции.

Если первые отражали интересы той части буржуазии, которая была заинтересована в поддержании испанской торговли, составлявшей теперь значительную долю всего внешнеторгового оборота Англии, то вторые исходили скорее всего из национальной традиции: Испания — главный оплот католицизма, следовательно, она — главный враг Англии.

К концу 1654 г. становилось очевидным, что протектор все более склоняется к союзу с Францией. Известную роль здесь сыграло, конечно, то обстоятельство, что Франция была наиболее склонна оказать вооруженную поддержку Карлу Стюарту (хотя бы по родственным мотивам), и ее надлежало отвлечь от этого намерения. В пользу Франции клонились и соображения религиозного характера: будучи в союзе с ней, протектор сможет покровительствовать гугенотам более эффективно, чем воюя с ней; к тому же в глазах протектора Испания с ее кровавой инквизицией и кострами была давним национальным врагом Англии.

Однако не в этом следует видеть главные причины англо-французского союза. Испания, продолжая оставаться наиболее обширной колониальной державой того времени, явно клонилась к упадку, и Кромвель, стремившийся к колониальным захватам, желал сделать Англию ее наследницей. Его воображению рисовались серебряные рудники и золотые россыпи Перу, богатые плантации Вест-Индских островов. Отсутствие средств отнюдь не охлаждало рвения Кромвеля: внешняя политика, решил он по примеру королевы Елизаветы, должна сама стать источником доходов. Почему «серебряный флот» Испании не может пополнять английскую казну? Кромвелю мерещились «старые добрые дела» Дрэйка и Рэли.

Настало время перечеркнуть меридиан папы Александра VI, некогда поделивший мир между Португалией и Испанией. Вест-индские владения Испании кажутся Кромвелю легкодоступной и многообещающей добычей. По его замыслу, они должны стать фундаментом «величественного здания» Британской колониальной империи. Еще в декабре 1654 г. в Вест-Индию была отправлена экспедиция в составе 38 кораблей с целью захватить Эспаньолу. Кромвель надеялся, что это нападение на отдаленные владения Испании не приведет к войне с ней в Европе. Захватил же он часть французских владений в Северной Америке, формально сохраняя мир с Францией. Однако расчеты протектора на сей раз не оправдались. Нападение на острова закончилось позорным провалом, и вместо обширной Эспаньолы пришлось удовлетвориться второстепенным островом Ямайкой. Руководители неудавшейся экспедиции были брошены в Тоуэр, а раздосадованный протектор заболел от огорчения,

Еще более неожиданной была реакция Испании на эти события. В ответ на экспедицию она отозвала своего посла из Лондона и объявила Англии войну. Эта была первая ярко выраженная колониальная война английской буржуазии.

В тот самый день, когда испанский посол покидал Лондон, Кромвель подписал договор с Францией. Секретный пункт его содержал обещание Мазарини не допускать Карла Стюарта во Францию, но это заверение не могло компенсировать неудачи в Испании.

Осенью 1655 г. Испания наложила арест на английские корабли и товары, находившиеся в ее портах. В ответ адмирал Блэк повел корсарскую войну, нападая на испанские корабли как в открытом море, так и в собственных гаванях Испании.

Долго охотился Блэк за испанским «серебряным флотом», перевозившим драгоценные металлы из Вест-Индии в Кадикс. Только в 1656 г. ему удалось перехватить несколько кораблей с драгоценным грузом. Добыча оказалась, однако, более чем скромной — всего в 300 тыс. фунтов стерлингов. Чтобы произвести впечатление на массы, роптавшие на перерыв торговли с Испанией, Кромвель приказал перевозить драгоценности из Портсмута в Лондон сухим путем, разместив их на 38 подводах.

Надежды на легкую и прибыльную войну не сбылись. Вместо нее пришлось вести затяжную и дорогостоящую морскую войну, еще более усугублявшую и без того тяжелое финансовое положение протектората.

Представление о тяжких финансовых затруднениях могут дать следующие цифры:

Годы	Доходы			Расходы		
1654	1,586	тыс. фун. стерл.		2,877	тыс. фун. стерл.	
1655	1,579	»	»	2,327	»	»
1656	1,815	»	»	2,067	»	»

Итак, несмотря на все старания Кромвеля сократить расходы, бюджет сводился с неизменным дефицитом. Государственный долг возрос до огромных размеров, достигнув в 1655 г. 781 тыс. фунтов стерлингов (к концу протектората — до 2 млн.). Неутвержденные парламентом налоги собирались с большим трудом. Государственному совету доносили: страна столь истощена, что во многих местах люди вынуждены заложить свою землю и продавать все вплоть до постелей, чтобы уплатить налоги. Налоговый гнет назван в донесении «невыносимым». Сити отказывало Кромвелю даже в незначительных кредитах. Так, в октябре 1655 г. протектор тщетно добивался у Сити займа в 80 тыс. фунтов. К ропоту купцов, потерявших выгодный испанский рынок, прибавилось острое недовольство в рядах армии, долгие месяцы не получавшей плату.

Солдаты Кромвеля, усвоившие все повадки наемников, до-

шли до того, что однажды ворвались на кухню Уйатхолла и поели обед протектора.

Выхода не было. Приходилось снова обратиться за помощью к парламенту. Генерал-майоры употребили всю свою власть, чтобы не допустить избрания заведомых врагов протектората.

Второй парламент открылся речью Кромвеля 17 сентября 1656 г. Протектор просил утвердить и предоставить в его распоряжение значительные доходы, не затрагивать режим генерал-майоров, «оказавшийся исключительно эффективным в деле поддержания мира». Он призвал парламент к единству. Впрочем, об обеспечении единства офицерская верхушка решила позаботиться сама, использовав предусмотренное конституцией протектората право государственного совета утверждать полномочия депутатов. Когда после речи Кромвеля члены парламента направились в Вестминстер, у дверей палаты оказалась охрана, пропускавшая в зал только тех, кто предъявлял удостоверение совета. Из 400 депутатов удостоверения были выданы только 300 с лишним, остальные вынуждены были покинуть Лондон.

Однако и этот «очищенный» по воле офицерской верхушки парламент оказался далеко не безропотным. Не осмеливаясь поднять голоса против протектора, он обрушился на его «изобретение» — режим генерал-майоров. Большинство в 212 голосов против 20 этот непопулярный режим был обречен на уничтожение. Парламентское решение привело в ярость офицерскую верхушку, — парламент дерзко посягнул на «святая святых» — на ее влияние в государстве. Протектор против ожидания одобрил акт парламента — то ли потому, что сам тяготился бесцеремонностью и притязаниями Ламберта и его коллег, либо потому, что сознавал критичность положения, из которого нельзя было найти выхода без помощи парламента. Поддержка Кромвеля придавала смелость запуганным членам парламента. Новые собственники, прикованные к режиму протектора «золотой цепью», желали его окончательно «узаконить», увенчав голову Кромвеля короной. Династия Кромвеля, с одной стороны, навсегда избавила бы их от страха перед возможным возвращением Стюартов, а с другой — положила бы конец опасным для собственников надеждам и социальным чаяниям масс.

Коронованный Кромвель вычеркнул бы из памяти народа образ Кромвеля-революционера, низвергателя монархии и разрушителя основ старого порядка. Король Оливер расположил бы в свою пользу Сити, избавил бы страну от тягостного и разорительного господства военщины.

Мысль о реставрации монархии была не новой для собственных элементов страны. Еще в 1650 г. по сообщению индипендентского публициста Паркера «многие англичане» предпочитали установление наследственной монархии потому, что при ней страна менее подвержена опасности волнений и мятежей, чем при формах государства, основанных «на народном избра-

нии». В 1651 г. эту мысль развивали многие из участников полусекретного политического совещания, состоявшегося в доме спикера палаты Ленталя. Сэр Томас Уиндрингтон заявил тогда: «Я полагаю, что ограниченная монархия наиболее отвечает характеру нации и законам страны». Верховный судья Сен Джонс считал, что «управление нацией без сохранения некоторых черт монархического устройства невозможно». Да и сам Кромвель, как мы помним, разделял те же убеждения. Титул короля был предложен Кромвелю и в 1653 г., когда разрабатывалась новая конституция — «орудие управления», но по тактическим соображениям Кромвель в тот момент отклонил предложенную ему корону.

Теперь, наблюдая все более явное расположение протектора к пышности и блеску, его ненависть к врагам «собственности» и «порядка», монархические вожделения буржуазно-дворянской Англии ожили с новой силой.

Воспользовавшись раскрытием очередного заговора против жизни Кромвеля и патриотическим подъемом, на время охватившим парламент, сторонники реставрации монархии решили действовать.

23 февраля 1657 г. депутат от Лондона, управляющий компании «купцов-авантюристов» Христофор Пекк внес в палату предложение просить Кромвеля возложить на себя корону и восстановить верхнюю палату парламента. Неожиданная смелость этого предложения, казалось, как удар грома с ясного неба, поразила палату. Значительная часть депутатов не могла удержаться от бурного выражения протеста. Но через несколько недель палата как ни в чем не бывало вернулась к проекту и приступила к его детальному обсуждению.

25 марта палата голосованием 123 против 63 постановила «просить Кромвеля принять титул короля». «Титул протектора,— аргументировал парламент свое предложение,— совершенно неизвестен английскому праву, в то время как сан короля существовал много столетий».

Предложение Пекка теперь было облечено в форму проекта новой конституции, которая под скромным названием «Смиренная петиция и совет» была вручена протектору.

Согласно петиции, протектор, став королем, сам назначает своего преемника. Восстанавливается верхняя палата в составе не более 70 и не менее 40 членов, пожизненно назначаемых протектором (или королем). Одновременно значительно расширились полномочия нижней палаты: она сама должна была проверять мандаты своих депутатов, без ее санкции не могли вводиться налоги, только она утверждала государственный бюджет, К ней переходили контроль над вооруженными силами и государственным советом.

Таким образом, возвышая протектора в сани, новая конституция значительно урезывала его власть.

Кромвель—протектор

Нельзя сказать, однако, чтобы «Смиренная петиция» вызвала гнев Кромвеля. Будучи прекрасно осведомленным о намерениях палаты, протектор на этот раз проявил исключительную терпимость. Когда депутация парламента преподнесла ему петицию, он благодарил за оказанную ему честь. В глубине души он был давно готов на предложение парламента.

Корона раз и навсегда положит конец неопределенности его положения, примирит его с роялистами, узаконит его в глазах монархической Европы. Но теперь, когда его тайные мечты были так близки к тому, чтобы стать действительностью, он заколебался. Между ним и парламентом завязались многодневные переговоры. Напрасно юристы палаты горячо убеждали его в том, в чем он сам давно уже был убежден. Дело заключалось не в его желаниях. Его пугало невыясненное общественное мнение страны, он не знал, как отнесется к задуманным переменам его главная опора — армия.

Между тем последняя в лице своей офицерской верхушки заняла позицию, резко враждебную по отношению к петиции парламента. Уже через 4 дня после предложения Пекка Кромвеля посетили 100 офицеров, прося его не давать своего согласия на королевский титул. «Он не нравится армии,— говорили они,—

он является скандальным в глазах божьих людей». Военному окружению протектора, конечно, не хотелось, чтобы Кромвель, ускользнув из его рук, занял по отношению к армии независимое положение. К тому же и в самом парламенте не переставали раздаваться предупреждающие голоса республиканцев. «Неужели,— говорил один из них,— вы хотите сделать лорда-протектора величайшим в мире лицемером, посадив его на трон, отвергнутый богом? Неужели вы хотите снова восстановить королевскую власть, в течение сотен лет терзавшую власть господ?» 9 апреля 1657 г. около 80 приверженцев «людей пятой монархии» сделали попытку поднять вооруженное восстание. На их знамени был изображен красный спящий лев с надписью: «Кто его разбудит?» Но восстание было подавлено в зародыше.

Наконец, в день, когда Кромвель должен был дать окончательный ответ, офицеры снова напомнили ему о своем существовании, вручив письменную декларацию. И он ответил «нет». Но из его ответа отчетливо явствовало, какое насилие делал над собой протектор, отказываясь от короны: «Я был бы очень грубым, если бы не признал чрезмерно высокую честь, которую вы оказали мне (своим предложением). Поистине оно не содержало ничего другого, кроме добра... Вы засвидетельствовали и проявили такое расположение ко мне и так высоко оценили мою личность, как только могли. Ибо большее вы не были бы в состоянии сделать».

Одновременно Кромвель соглашался на все другие пункты петиции. Хотя Ламберт и его коллеги заплатились своими постами, но они сделали свое дело: Кромвель остался на прежнем, шатком положении военного диктатора.

26 июня 1657 г. состоялась торжественная церемония утверждения новой конституции. В зале Вестминстерского дворца на роскошном ковре было установлено не то кресло, не то коронационный трон под балдахином, на столе перед ним лежали библия, меч и скипетр. После принятия присяги спикер палаты надел на Кромвеля опущенную горностаем пурпурную мантию, опоясал его мечом, вручил ему в руки скипетр и библию; в палате раздались возгласы: «Боже, храни протектора», напоминавшие некогда звучавший в этих стенах возглас: «Боже, храни короля».

Глядя на величественную осанку протектора, на царственную неприступность, которой веяло от всей его фигуры, современнику трудно было поверить, что перед ним прежний Оливер Кромвель, еще не так давно скромный, почти неизвестный за пределами Гентингдона сквайр, убежденный пуританин и столь же убежденный враг королевского деспотизма, незаметный капитан кавалерии, одно время — кумир «железнобоких», страшилище для Сити и надежда всех угнетенных Англии.

Теперь это был некоронованный король английских сквайров, возвращавшийся в раззолоченном экипаже в Уайтхолл в сопро-

вождении охраны и многочисленной и блестящей свиты приближенных. Восторженными возгласами его встречали толпы народа, запрудившие улицы Лондона. Но это были уже не массы воодушевленных соратников, а толпы бессловесных холопов, которых лорд-протектор тайно боялся и презирал.

Вскоре после торжества по случаю принятия новой конституции протектор горько разочаровался в своем парламенте. Дело заключалось в том, что нижняя палата затеяла длительную тяжбу с только что созданной в соответствии с конституцией палатой лордов, не желая признать за нею равных законодательных полномочий. Протектор же считал «вторую палату» весьма полезной уздой для строптивой нижней палаты и не склонен был жертвовать ее полномочиями в угоду палате общин.

Напрасно Кромвель в энергичной речи призывал нижнюю палату к порядку, напомнив ей о грозящих со всех сторон опасностях и требуя утверждения новых субсидий.

Когда весной 1658 г. открылась вторая сессия парламента, прерванный было спор разгорелся с новой силой.

Потеряв терпение, Кромвель явился в Вестминстерский дворец и распустил парламент. «Подобное поведение, — говорил он уже привыкшим к подобному обращению членам палаты, — есть не что иное, как игра в пользу короля шотландцев (т. е. Карла II), если я могу так его назвать, и я обязан перед богом сделать все, чтобы это предотвратить. И раз это так, раз вы не соглашаетесь сделать то, к чему вы сами приглашали меня в вашей петиции... если в этом заключается цель ваших заседаний, то пора, по-моему, положить им конец. Я распускаю этот парламент, и пусть бог будет судьей между мною и вами».

Кромвель снова стал неограниченным правителем страны. Он, казалось, достиг зенита своего могущества. В стране прочно водворилось спокойствие, расставленные повсюду гарнизоны удерживали в повиновении даже самых закоренелых его врагов. Очищенная от «недовольных» армия все еще сохраняла верность протектору. Широко разветвленная и хорошо налаженная шпионская сеть под руководством Терло бдительно охраняла жизнь главы государства, и заговорщиков одного за другим отправляли на виселицу. В ту пору Уайтхолл по своей роскоши и блеску давно уже превзошел многие дворы европейских монархов. Неведомо куда исчезло пуританское благочестие и самоуничтожение «святого», «ничтожного червя», как любил себя в былые дни именовать Кромвель.

Блеск его придворных и многочисленность челяди затмили старый двор Стюартов. В дворцовых залах раздавались звуки музыки, устраивались танцы, в золотых бокалах пенились заморские вина.

Протектора больше не донимали сомнения. Он давно уже убедился в том, что его дела суть «дела божьи». Даже поражавшие столицу роскошью своих нарядов дочери протектора лишь вызы-

вали его снисходительную улыбку. Он считал себя обязанным поддерживать пышность своего сана. Зато негодование его «благочестивой души» вызывали народные массы, по его мнению, склонные к «излишества» в одежде и пище. И протектор нашел нужным специальным ордонансом призвать граждан «соразмерить» свой быт со своими доходами.

Звезда протектора сияла еще более ярко за пределами страны. «Ваш генерал,— сказала шведская корблева послу Англии Уайтлоку,— совершил величайший из подвигов, когда-либо содеянных людьми». Слава наиболее крупного полководца, своего времени заставляла заискивать перед ним самого Людовика XIV.

В марте 1657 г. был наконец подписан союзный договор, по которому в благодарность за военную помощь против Испании Кромвелю предоставлялся на берегу Фландрии порт Дюнкерк. А через год, после блестящей победы солдат Кромвеля, сражавшихся под командованием Тюренна против испанцев, Дюнкерк и его внешний порт Мардик стали английскими владениями. Кромвель оценивал их как «дверь на континент», как «узду» против единой соседки Голландии.

Союза с Кромвелем напрасно добивался шведский король Карл-Густав (преемник Христины), стремившийся превратить Балтийское море в шведское озеро. Подобная цель совершенно не входила в расчеты Кромвеля, предпочитавшего выступать посредником между Швецией и Данией, добиваясь, таким образом, наиболее выгодных условий для английской торговли в Прибалтике.

Собственное могущество рисовалось ему самому столь неограниченным, что он потребовал от Швеции передачи территории Бремена в качестве плацдарма, откуда он во главе союза протестантских государств, мог бы по примеру Густава Адольфа начать поход против Габсбургов.

Но эти грандиозные планы миродержавной политики оказывались в гораздо большей мере беспочвенной игрой воображения, чем проявлением реальной силы.

Испанская война, несмотря на очевидные успехи, была в стране исключительно непопулярна. Недовольство, вызванное войной, хозяйственным и фискальным гнетом, конца которому не предвиделось, охватило самые различные слои английского населения. Со всех концов страны в Лондон неслись жалобы на упадок торговли, безработицу, обнищание.

«Вся торговля западного берега Англии подорвана»,— писал в ту пору иностранный наблюдатель.— Бристоль потерял 250 кораблей, захваченных врагом. Вывоз сукна в Гамбург со 100 тыс. кусков в год упал до 20 тыс., в Эссексе и Сэфольке разорены тысячи семей. Все труднее становится собирать налоги, а государственный долг достиг огромной цифры в 1,5 млн. фунтов стерлингов.

Сити, не веря больше в стабильность режима, полностью отказало Кромвелю в займах. В ответ на просьбу протектора одолжить ему несколько десятков тысяч фунтов лорд-мэр язвительно отвечал: «Мы ходим от порога к порогу, собирая подаяния для бедных, число которых больше, чем когда-либо раньше». От Кромвеля отвращаются даже деревенские сквайры — его основная опора. Кромвеля ненавидели теперь лавочники и суконщики, они считали его виновником своих затруднений. Крестьяне видели в нем обманщика и предателя. Для республиканцев он являлся «узурпатором», для левеллеров — тираном, убийство которого достойно прославления.

Рост недовольства масс режимом протектора окрыляет роялистов. Карл Стюарт еще в 1657 г. заключил договор с Испанией, в котором последняя обязалась субсидировать набор 4 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалерии. В душе, однако, Карл надеялся уже не столько на победу над Кромвелем, сколько на его смерть.

Протекторат почти полностью лишился массовой опоры. Авторитет непопулярного в массах режима теперь покоился лишь на ореоле личной непобедимости Кромвеля и силе принуждения.

Между тем протектору исполнилось 58 лет, и его здоровье было сильно подорвано. Увеличилась одутловатость лица, шаркающей стала прежде твердая поступь, руки тряслись так, что Кромвель едва мог писать. Он стал раздражительным и скрытным. Временами он уединялся на долгие дни в своем кабинете, отказывался видеть даже близких. Вне семьи он был почти одинок. Он больше никому не доверял. Из армии были изгнаны все мало-мальски радикально настроенные элементы. Настало время, когда Кромвель мог рассчитывать только на близких. Поэтому он спешил замещать ими все наиболее важные государственные посты. Младший сын Генри — наместник в Ирландии. Зять его Флитвуд — фактически командует армией, родственники протектора верховодят в государственном совете.

Финансовое положение протектората становилось критическим, чтобы не сказать катастрофическим, и его глава снова был бы вынужден склонить голову перед парламентом. Только неожиданная смерть избавила его от дальнейших унижений — и только ли от них...

Летом тяжело заболела его любимица — дочь Елизавета, и протектор две недели не отходил от ее постели, забросив все государственные дела. Ее смерть была для него тяжелым ударом.

В середине августа Кромвель заболел. Врачи установили «третичную лихорадку» (потрясающий озноб). Болезнь протекала тяжело, Кромвель часто впадал в забытие. Чувствуя приближение конца, он мучается только одним сомнением: может ли однажды «избранный» богом почему-либо впасть в немилость. Получив ответ проповедника: «Нет, не может», протектор успокаивается: «В таком случае,— шепчет он,— я спасен, ибо я знаю, что некогда мне была дарована милость». Кромвель отка-

зывается от лекарств, от пищи, от сна: «Я хочу как можно скорее уйти»,— отвечает он на все уговоры близких. Когда Кромвель лежал на смертном одре, над Лондоном пронесся ураган невиданной силы, вырывавший с корнем деревья и поднимавший в воздух дома. «Это дьявол явился за душою убийцы»,— говорили враги протектора.

3 сентября 1658 г., в наиболее счастливый день его жизни — в годовщину Денбара и Вустера — Оливер Кромвель умер. †]

За несколько часов до кончины он успел назвать имя своего старшего сына Ричарда в качестве своего преемника. Казна была совершенно пуста, и для устройства похорон пришлось прибегнуть к займу. Правда, на этот раз кредиторы не поспешили. Похороны были по-царски пышными, но удивительно холодными. «Узурпатора» похоронили в древней усыпальнице английских королей в Вестминстерском аббатстве.

Ричард Кромвель, не унаследовавший, кроме титула протектора, ни воли, ни ума своего отца, естественно, не мог вывести страну из того тупика, в котором она по существу оказалась еще при жизни Оливера Кромвеля. Только год он смог продержаться на посту протектора. Выполняя волю буржуазии и дворянства, генерал Монк, один из наиболее доверенных офицеров Кромвеля, с верными ему шотландскими войсками предпринял поход на Лондон и проложил дорогу реставрации. Круг замкнулся. На трон, воздвигнутый Кромвелем, был призван «законный» претендент.

Весной 1660 г. Сити бурно выражало свою радость — на прародительский престол вернулся сын казненного короля Карл II — сын короля-мятежника, которого английский народ считал своим злейшим врагом.

Почему же победа английской буржуазной революции привела в конечном счете к восстановлению реакционной династии Стюартов?

«Буржуазии выгодно,— писал Ленин,— чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. ...чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее... чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья...»¹.

После английской буржуазной революции победивший класс спешил закрепить и упрочить свое господство. Отныне его главным противником уже являлось не разгромленное и политически бессильное феодальное дворянство, а обездоленные труженики, угрожающие власти и собственности буржуазии.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 34.

Особенности исторического развития Англии, с одной стороны, боязнь оказаться лицом к лицу с народными массами — с другой, делали буржуазию неспособной к установлению своего господства в чистом виде. На первых порах она предпочитает маскировать свою диктатуру «историческим убором», «почтенными учреждениями», призванными сковать растущее недовольство масс крепкими путами повиновения, цепями закона, узами вековых традиций, иллюзией незыблемости общественных порядков.

Буржуазия, обязанная трудящимся своей победой в революции, спешила забыть об этой революции, спешила предать забвению самое слово «революция» — отныне опасное слово, звучащее как предзнаменование революционных выступлений обманутого в своих надеждах народа.

С присущей ей торгашеским бездушием буржуазия отрекалась от недавнего прошлого и торопливо зачеркивала героические страницы своей собственной истории. С циничною готовностью она предавала поруганию память своих вчерашних революционных вождей и кумиров.

30 января 1661 г. в годовщину казни короля по постановлению парламента предали публичной казни тела умерших «царевубийц». Благо мертвый Кромвель был уже не страшен «храбрым» коммонерам.

«Утром этого дня, — пишет очевидец этой мести, — трупы Кромвеля, Айртона и Брэдшоу были на санках перевезены в Тайбэрн, потом вынуты из гробов, облечены в саваны и повешены за шеи, и так эти трупы висели до захода солнца. После того как их сняли, у трупов были отсечены головы, туловища зарыты в могилу, выкопанную под виселицей, а головы казненных были водружены на копья и выставлены около Вестминстерского дворца».

* * *

Английская революция была величайшим общественным переворотом в истории Англии, переворотом, которого до тех пор не видел мир, — так оценил историческое значение буржуазной революции 40-х годов ее великий поэт Джон Мильтон. Результаты этой революции были столь значительны и многообразны, что все социальное и духовное развитие Англии — и не только Англии — в столетие, следовавшее за ней, проходило под ее знаком. Несмотря на реставрацию Стюартов основные завоевания классов-союзников в революции остались незыблемыми. Более того, реставрация торжествовала только постольку, поскольку она готова была признать торжество буржуазии. Переворот 1688 г. — красноречивое тому свидетельство.

Раскрепощение производительных сил от оков средневековья и связанное с этим интенсивное развитие опытного знания под-

готовили технические предпосылки промышленного переворота XVIII в., равно как торжество системы лендлордизма, обусловившее гибель крестьянства как класса в течение ближайшего столетия, подготовило социальные предпосылки этого переворота.

Буржуазная революция середины XVII в. проложила дорогу промышленной революции середины XVIII в.

Государственная политика английской буржуазии в следующие за революцией столетия сводилась лишь к тому, что она продолжала линию, начатую Кромвелем: самой хищной и ненасытной-торговой и колониальной экспансии во внешней политике, самой бесчеловечной эксплуатации английского народа и подавлением его малейшего протеста в политике внутренней.

Однако революция 40-х годов принесла трудящимся Англии не только цепи 300-летнего капиталистического рабства; в лице Джерарда Уинстенли она завещала им идеал борьбы за уничтожение эксплуатации человека человеком, за утверждение «всеобщего мира и братства на земле» — борьбу за социализм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Старая Англия уходит в прошлое	8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Глава</i>	I. Экономические предпосылки революции 40-х годов . . .	21
	1. Промышленность	—
	2. Торговля	30
	3. Английская деревня первой половины XVII в.	36
<i>Глава</i>	II. Английское общество в начале XVII в.	44
<i>Глава</i>	III. Церковь	53
<i>Глава</i>	IV. Яков I Стюарт и английский парламент	62

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>Глава</i>	V. Молодость	75
<i>Глава</i>	VI. Сельский сквайр	79
<i>Глава</i>	VII. Член парламента	84
<i>Глава</i>	VIII. Перед бурей	88
<i>Глава</i>	IX. Долгий парламент	98
<i>Глава</i>	X. Гражданская война	111
<i>Глава</i>	XI. На перепутье	135
<i>Глава</i>	XII. Кромвель и левеллеры	150
<i>Глава</i>	XIII. Вторая гражданская война и казнь короля	163

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

<i>Глава</i>	XIV. Индепендентская республика	173
<i>Глава</i>	XV. Перерождение армии — покорение Ирландии и Шотландии	192
<i>Глава</i>	XVI. Крушение республики	202
<i>Глава</i>	XVII. Кромвель — протектор	217

Михаил Абрамович Барз

Кромвель и его время

Редактор *Н. В. Чекмачев*

Переплет художника *Я. С. Телищевского*

Художественный редактор *Б. М. Кисин*

Технический редактор *В. Л. Коваленко*

Корректор *С. М. Аронова*

* * *

Сдано в набор 7/XII 1959 г. Подписано

к печати 25/II 1960 г. 60×92¹/₁₆.

15,25 п. л. Уч.-изд. л. 15,77.

Тираж 10 000 экз.

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд
Марьиной рощи, 41. Заказ № 4156.

Ивановская областная типография, г. Иваново,
Типографская, 6.

Цена без переплета 4 руб. 25 коп.,
переплет 1 руб. 50 коп.